

Люси Монтомери  
История Энн Ширли

Добрые звезды сошлись в твоём гороскопе,  
Наделив тебя жаром огня и прохладой росы.  
Роберт Браунинг

Глава первая

МИССИС РЭЙЧЕЛ ЛИНД НЕДОУМЕВАЕТ

Дом миссис Рэйчел Линд стоял у широкой дороги, там, где она, выходя из Эвонли, спускалась в ложбину, известную в деревне как ложбина Линдов. Здесь в тени ольховника протекал ручей. Ручей этот начинался с родника в лесу за фермой Кутбертов — Грингейблом. Поначалу он причудливо извивался и вообще вел себя своевольно, падая бурными каскадами или разливаясь в темные загадочные омуты, но перед ложбиной Линдов превращался в спокойную, хорошо воспитанную речушку, потому что никто не смел забывать о приличиях, проходя (или протекая) мимо дома миссис Рэйчел Линд. Ручей, видимо, знал, что миссис Рэйчел часто сидит у окна и наблюдает за всеми, кто проходит (или же протекает) мимо ее окон — от ручьев до детей, — и что если она замечает какой-нибудь непорядок, то не успокаивается до тех пор, пока не выяснит его причину и не устранил его.

[1]

В июньский день, когда начинается это повествование, миссис Рэйчел, как всегда, сидела на посту. В окно лился яркий солнечный свет, яблоневый сад на пологом ближнем склоне ложбины прямо под домом оделся в бело-розовый наряд, и оттуда долетало многоголосое жужжание пчел. Томас Линд, кроткий человечек, известный в Эвонли как муж миссис Рэйчел, сажал на поле за амбаром поздний турнепс. Мэтью Кутберт, хозяин соседней фермы Грингейбл, должен был бы заниматься тем же самым на своем поле выше по течению ручья. Миссис Рэйчел знала это точно, поскольку вчера видела Мэтью в магазине Вильяма Блэра, который находился в ближайшем городке Кармоди, и слышала, как он сказал Питеру Робинсону, что собирается завтра после обеда сажать турнепс. Разумеется, Мэтью Кутберт сообщил это в ответ на вопрос Питера, поскольку сам он был очень молчаливый человек и не имел обыкновения распространяться о своих планах.

И вдруг взору миссис Рэйчел предстал этот самый Мэтью Кутберт: в разгар рабочего дня он не спеша ехал по дороге в своей коляске, запряженной гнедой кобылкой. На нем был праздничный костюм и белая рубашка. Куда это собрался Мэтью Кутберт и зачем? Если бы это был кто-нибудь другой, миссис Рэйчел, сопоставив все известные ей факты, быстренько нашла бы ответы на оба вопроса. Но Мэтью редко уезжал из дому, значит, по-видимому, у него было какое-то срочное и необычное дело. Ужасно застенчивый человек, он терпеть не мог общаться с незнакомыми людьми. Мэтью в белой рубашке и в коляске — весьма необычное явление. Сколько миссис Рэйчел ни ломала голову, она не могла понять, что бы это значило, и ее душевный покой был безвозвратно утрачен. «Схожу-ка я после чая в Грингейбл и узнаю у Мариллы, куда это он направился, — наконец решила сия достойная особа. — Что-то же заставило его переменить планы. Я определенно не успокоюсь, пока не узнаю, куда и зачем отправился Мэтью Кутберт».

Во исполнение своего решения миссис Рэйчел прямо после чая отправилась в Грингейбл. По главной дороге ей надо было пройти всего четверть мили. Но отец Мэтью Кутберта, такой же молчаливый и застенчивый, как его сын, построил себе дом как можно дальше от ближайшего жилья. Грингейбл едва виднелся с большой дороги, вдоль которой по-соседски разместились все другие дома Эвонли. Так что миссис Рэйчел еще предстояло пройти по длинной подъездной дорожке. «И какая радость жить на отшибе, где ничего не видно и не слышно, — думала она, шагая по ухабам среди кустов шиповника. — Они и не живут, а

только едят, работают да спят. Ничего удивительного — и Мэтью, и Марилла оба немного странные, словно не в себе. Жить в такой глуши! Никакого общества — одни деревья, их-то здесь предостаточно. А по мне, так на людей смотреть куда интереснее, чем на деревья, но хозяевам это место как будто нравится. Привыкли, наверное. Привыкнуть можно к чему угодно, даже к тому, что тебя повесили, как сказал тот ирландец».

Тут миссис Рэйчел вошла во двор фермы. Двор этот — очень аккуратный, зеленый и чистенький, не имел ничего лишнего: ни одной палочки тебе, ни камешка. Миссис Рэйчел подозревала, что Марилла подметала двор так же часто, как и дом.

Она громко постучала в дверь, из-за которой раздалось: «Войдите!» — и зашла в дом. Кухня в Грингейбле очень светлая и веселая, вернее, была бы веселой, не будь она так тщательно вылизана, что казалась почти нежилой. Окна смотрели на восток и запад. Через западное окно, которое выходило на задний двор, вливался поток теплого июньского света. Восточное окно, откуда виднелась кипень цветущих вишен и тонкие березы в ложбине около ручья, было затенено диким виноградом. Здесь обычно и сидела Марилла — если она вообще когда-нибудь присаживалась, — потому что с неодобрением относилась к беззаботно плясавшим на полу и стенах солнечным лучам, ибо, по ее мнению, к Божьему миру следовало относиться серьезно. Вот и сейчас Марилла сидела у этого окна с вязаньем в руках. Стол на кухне был накрыт к ужину.

Еще не успев закрыть за собой дверь, миссис Рэйчел уже отметила каждую чашку и тарелку на столе... Видимо, Марилла ожидала, что Мэтью привезет гостя. Тем не менее, хотя стол и накрыли на троих, Марилла не достала праздничный сервиз, а поставила обычные тарелки. Из сладкого к чаю подавалось лишь яблочное варенье и один кекс. Значит, гость — не велика шишка. К чему тогда белая рубашка и коляска? Что за загадки в этом спокойном и совсем не загадочном Грингейбле?

— Добрый вечер, Рэйчел, — деловито сказала Марилла. — Чудная погода, правда? Присаживайся. Как там у вас дела?

Между Мариллой Кутберт и Рэйчел Линд с давних пор установились почти дружеские отношения, несмотря, а вернее, даже благодаря полному несходству характеров этих двух женщин.

Марилла была высокая и худая, даже костлявая; в ее темных волосах, всегда стянутых в тугой узел, который держался на затылке при помощи воткнутого в него двух шпилек, поблескивала седина. Она производила впечатление женщины с ограниченным жизненным опытом и не менее ограниченными, но несгибаемыми убеждениями. Такой она в сущности и была. Но иногда у нее в глазах мелькало нечто похожее на юмор, и это делало ее и мягче, и симпатичнее.

— Да у нас все в порядке, — ответила миссис Рэйчел, которая, наоборот, отличалась полнотой и широтой интересов. — А у вас ничего не случилось? Смотрю — Мэтью куда-то поехал. Уж не за доктором ли, думаю.

Губы Мариллы шевельнулись в усмешке. Она заранее знала, что Рэйчел не выдержит и явится разузнать, куда это покатило в такое неурочное время Мэтью.

— Нет-нет, я здорова, хотя вчера у меня побаливала голова. А Мэтью поехал на станцию. К нам едет мальчик-сирота из приюта в Новой Шотландии, и Мэтью поехал к поезду его

встречать.

Если бы Марилла сказала, что Мэтью поехал на станцию встречать кенгуру из Австралии, миссис Рэйчел вряд ли удивилась бы больше. На несколько секунд она просто потеряла дар речи. Трудно было предположить, что Марилла ее разыгрывает, но такая мысль все же мелькнула в голове миссис Рэйчел.

— Ты серьезно, Марилла? — наконец выговорила она.

— Конечно, серьезно, — ответила Марилла, словно приезд сирот из Новой Шотландии был вовсе не чрезвычайным событием, а обычным делом в ее образцово налаженном быте.

Миссис Рэйчел никак не могла собраться с мыслями. Те, которые вертелись у нее в голове, все заканчивались восклицательными знаками: «Мальчик! Марилла и Мэтью усыновляют мальчика! Кто бы мог подумать! Мальчика из сиротского приюта! Нет, мир сошел с ума!

Теперь меня ничем не удивишь! Ничем!»

— И с чего это вам такое взбрело в голову? — спросила она с неодобрением.

— Да мы уже давно об этом подумывали, начиная с зимы, — заговорила Марилла. — Как-то перед Рождеством к нам приезжала миссис Спенсер из Белых Песков и сказала, что собирается весной взять девочку из приюта в Хоуптауне. У нее там живет кузина и миссис Спенсер ездила к ней в гости и все разузнала. И вот мы с Мэтью подумали, поговорили и решили взять мальчика. Мэтью уже в годах — ему шестьдесят стукнуло, — и силы у него не те. К тому же сердце стало пошаливать. А нанять работников у нас очень трудно — ты сама знаешь. Одни подростки-французы. Не успеешь приучить его к нашим порядкам, как он сматывается в Штаты на консервный завод. Сначала Мэтью думал, что надо выписать сироту из Англии, но я встала на дыбы. Зачем нам беспризорники из Лондона? Пусть уж будет, по крайней мере, канадец. Мы так и так рискуем, но я буду спать спокойнее, если у нас станет жить мальчик, родившийся в Канаде. На прошлой неделе мы узнали, что миссис Спенсер собирается за своей девочкой, и передали через ее родных в Кармоди, чтобы она привезла нам подходящего умненького мальчика лет десяти-одиннадцати. В таком возрасте он уже может помогать по хозяйству, но еще достаточно ребенок, чтобы мы успели его всему научить. Он будет жить у нас как родной, ходить в школу и все такое. Сегодня мы получили телеграмму от миссис Спенсер, в которой говорится, что они приедут поездом в семнадцать тридцать. Ну, вот Мэтью и поехал на станцию встречать их. Миссис Спенсер высадит мальчика с поезда, а сама, конечно, поедет дальше, до станции Белые Пески. Миссис Рэйчел гордилась тем, что всегда и всем говорила правду в глаза. И вот, оправившись от изумления, она решила сказать правду и Марилле.

— Как хочешь, Марилла, но я должна тебе прямо сказать, что вы делаете страшную глупость — и к тому же глупость опасную. Вы понятия не имеете, что это будет за мальчик. Берете себе в дом чужого ребенка, о котором вы ничего не знаете — какой у него характер, кто были его родители. Вы даже не представляете себе, что из него может вырасти. А я вот на прошлой неделе прочитала в газете про мужа с женой, которые тоже взяли мальчика из сиротского приюта, а он возьми да и подожги ночью их дом. Нарочно поджег, Марилла, и они едва не сгорели заживо. И еще я знаю один случай, когда мальчик, которого привезли из приюта, имел привычку высасывать сырые яйца — его никак не могли от этой привычки отучить. Если бы ты спросила у меня совета, Марилла, — а тебе это даже и в голову не

пришло — я бы сказала: ни в коем случае, даже и не помышляйте.

Марилла выслушала все это не моргнув глазом и продолжала вязать.

— Конечно, Рэйчел, ты в чем-то права. У меня у самой были сомнения. Но Мэтью очень хочет, и я согласилась. Мэтью так редко чего-нибудь хочет, что когда такое случается, я считаю своим долгом ему уступать. Что касается риска, то риск есть всегда, что бы мы ни делали. Разве рожать своих собственных детей это не риск? Тут тоже не знаешь, что из них получится. Кроме того, Новая Шотландия совсем от нас близко. Это вовсе не то, что выписать сироту из Англии или Штатов. Вряд ли он так уж сильно от нас отличается.

— Дай-то Бог, чтобы все вышло хорошо, — сказала миссис Рэйчел тоном, который ясно показывал, что она сильно сомневается в благополучном исходе этой затеи. — Только если он спалит Грингейбл, ты тогда припомнишь, что я тебя предупреждала. Или бросит стрихнин в колодец — я слышала, что в Нью-Брансуике один такой сирота отравил всю семью. Только это была девочка.

— Ну мы-то ведь берем мальчика, — возразила Марилла, словно отравление колодцев было чисто женским занятием, — я никогда в жизни не взялась бы воспитывать девочку. Даже удивляюсь, как миссис Спенсер решилась. Но это такая женщина — если ей вздумается, она целый приют усыновит и глазом не моргнет.

Миссис Рэйчел очень хотелось бы дожидаться Мэтью и посмотреть, кого он привезет. Но она прикинула, что он приедет не раньше чем часа через два, и решила вместо этого сходить к Бэллам, своим соседям с другой стороны, и рассказать им только что услышанную новость. Вот они удивятся! Миссис Рэйчел обожала рассказывать удивительные новости. С тем она и ушла — к облегчению Мариллы, у которой под влиянием пессимистических прогнозов подруги ожили все ее прежние опасения.

— Нет, подумать только! — воскликнула миссис Рэйчел, выйдя со двора. — Мне просто не верится, что все это не сон. Бедный мальчик, вот уж кого мне жалко! Мэтью с Мариллой понятия не имеют, как обращаться с детьми. Они будут ожидать от него такого же ума и уравновешенности, как если бы он был в возрасте своего собственного дедушки, если только у него когда-нибудь был дедушка, в чем я сомневаюсь. Как-то даже странно, что в Грингейбле будет жить ребенок. Там никогда не было детей — ведь Мэтью с Мариллой уже выросли, когда их отец построил этот дом. Да и вообще, глядя на них, трудно представить, что они когда-то были детьми. Вот уж не хотелось бы мне оказаться на месте этого сироты. Жаль бедняжку...

Все это миссис Рэйчел прочувствованно высказала кустам шиповника, обрамлявшим дорогу. Но если бы она могла увидеть ребенка, который в эту минуту терпеливо ждал Мэтью на станции, она пожалела бы его еще больше.

## Глава вторая

### МЭТЬЮ КУТБЕРТ В НЕДОУМЕНИИ

Гнедая кобылка не спеша трусила к станции, до которой было восемь миль. Дорога шла по очень красивой местности. С обеих сторон тянулись аккуратные фермы, иногда дорога ныряла в пихтовый лесок или в низину, где цвели дикие сливы. Воздух был напоен ароматом многочисленных яблоневых садов, и луга уходили вдаль к горизонту, затянутому перламутровой дымкой.

[2]

Мэтью боялся женщин — всех, кроме Мариллы и миссис Рэйчел; они казались ему таинственными существами, которые исподтишка над ним посмеиваются. Возможно, так оно и было, потому что выглядел он довольно странно — нескладный сутулый человек с длинными прямыми волосами стального цвета, доходившими ему до плеч, и мягкой рыжей бородой, которую он отрастил в возрасте двадцати лет. Собственно говоря, он и в двадцать выглядел так же, как сейчас, в свои шестьдесят, разве что в бороде тогда не было седых прядей.

Когда Мэтью подъехал к станции, там никакого поезда не оказалось. Он решил, что приехал слишком рано, привязал лошадь во дворе небольшой гостиницы и направился к станционному зданию. На длинной платформе не было ни души, но в конце ее на кучке дранки сидела девочка. Мэтью только и успел отметить, что это девочка, и поскорей прошел мимо, стараясь на нее не смотреть. Если бы он взглянул на нее повнимательнее, то обязательно заметил бы, что вся ее напряженная поза и выражение лица говорят о том, что она кого-то ждет.

Мэтью нашел начальника станции в кассе. Тот явно собирался запереть ее и идти домой ужинать.

— Когда же будет поезд? — спросил Мэтью.

— Поезд уже полчаса как ушел, — ответил начальник станции. — Но для вас там высадили пассажира — девочку лет одиннадцати. Вон она сидит на куче дранки. Я предложил ей пройти в комнату ожидания, но она сказала, что лучше подождет на платформе. «Здесь, — говорит, — больше простора для воображения». Как вам это нравится?

— Я приехал не за девочкой, а за мальчиком. — Мэтью недоуменно уставился на начальника станции. — Его должна была привезти из Новой Шотландии миссис Спенсер. Начальник станции присвистнул.

— Видно, вышла какая-то ошибка, — сказал он. — Миссис Спенсер сошла с поезда вместе с этой девочкой и передала ее мне с рук на руки. Она сказала, что девочка жила в приюте, а вы и ваша сестра решили ее удочерить и с минуты на минуту за ней приедете. Больше я ничего не знаю. Никаких других приютских сирот я тут не прячу.

— Я ничего не понимаю, — беспомощно проговорил Мэтью. «Хоть бы Марилла была рядом! Пусть бы она и решала, что делать дальше».

— Спросите лучше девочку, — небрежно посоветовал начальник станции. — Может, она вам все объяснит. Язык у нее подвешен будь здоров. Может, у них не оказалось такого мальчика, какой вам нужен. — Он повернулся и зашагал прочь, видно, сильно проголодался.

Мэтью же предстояло сделать то, чего он, пожалуй, боялся больше всего на свете — а именно: подойти к незнакомой девочке-сироте и спросить ее, почему она не мальчик. Он подавил стон, повернулся и медленно побрел по платформе.

Девочка следила за ним с той самой минуты, как только он появился, и сейчас глаза ее были буквально прикованы к нему. Мэтью избегал смотреть в ее сторону, поэтому вряд ли смог бы рассказать, какая она, но посторонний наблюдатель увидел бы девочку лет одиннадцати, одетую в короткое и тесное платье из желтой саржи, со старой соломенной шляпкой на голове, из-под которой на спину спускались две густые рыжие косы. У нее было маленькое белое личико со множеством веснушек, большой рот и большие зеленовато-серые глаза.

Внимательный наблюдатель заметил бы также, что у нее острый подбородок, а глаза полны жизни и огня, хорошей формы рот с мягкими нежными губами и высокий лоб. Короче говоря, он обязательно заключил бы, что эта полуребенок-полуженщина, которая вызывала у застенчивого Мэтью столь нелепый страх, представляла собой весьма неординарную натуру.

Но Мэтью не пришлось долго мучиться, собираясь с силами, чтобы заговорить с девочкой. Как только она окончательно решила, что он направляется к ней, она встала, держа в одной руке старомодный потертый саквояж и протягивая ему другую.

— Вы, верно, мистер Мэтью Кутберт из Грингейбла? — спросила она звонким голосом. — Я ужасно рада вас видеть. Мне уже начало казаться, что вы за мной не приедете, и я пыталась представить себе, что же с вами могло случиться. Я решила, что если вы не приедете за мной сегодня, я пойду вон к той старой вишне у поворота дороги, влезу на ветки и проведу там всю ночь. Мне нисколько не будет страшно, а провести лунную ночь на осыпанной белыми цветами вишне так интересно, правда? Можно вообразить, что ты живешь в мраморном дворце. А утром вы бы за мной приехали — в этом я не сомневалась. Мэтью неловко взял ее маленькую худенькую ручку и тут же решил, как он поступит. Он не будет говорить этому ребенку с сияющими глазами, что произошла ошибка; он привезет ее к себе домой, и пусть это сделает Марилла. Нельзя же, в самом деле, бросить ее на станции, даже если произошла ошибка. Так что все вопросы и объяснения откладываются до возвращения домой.

— Извини, что я опоздал, — смущенно проговорил он. — Пошли. Лошадь я оставил во дворе гостиницы. Давай я понесу твой саквояж.

— Да я и сама его донесу, — весело воскликнула девочка. — Он не тяжелый. Тут поместились все мои пожитки, но весит он не много. И потом его надо уметь носить, а то ручка отваливается. Лучше уж я сама. Это ужасно старый саквояж. Как я рада, что вы приехали, хотя провести ночь на вишне тоже было бы интересно. Нам ведь довольно далеко ехать? Миссис Спенсер сказала, что до вашего дома восемь миль. Это здорово — я так люблю ездить в коляске! Как это замечательно, что я стану жить у вас и буду вашей дочкой! У меня никогда не было папы — все чужие люди. Но хуже всего было в приюте. Я там провела только четыре месяца, но и этого хватило за глаза. Вы, наверное, никогда не жили в сиротском приюте, так что, конечно, не представляете себе, что это такое. Хуже и придумать ничего нельзя. Понимаете, с нами хорошо обращались. Но там так мало

простора для воображения! Кругом одни сироты. Конечно, можно представить, что, например, девочка, которая сидит в столовой рядом со мной, на самом деле дочь герцога и что ее в детстве украла у родителей злая нянька, которая потом умерла, не успев рассказать ей правду. Я часто лежала по ночам, придумывая такие истории: днем на это времени не хватало. Наверное, поэтому я такая худая — я ведь ужасно худая, правда? Одни кости и нисколечко мяса. Мне нравится воображать себя такой полненькой девочкой с ямочками на локотках...

В этом месте спутница Мэтью умолкла — или потому, что устала болтать без остановки, или потому, что они подошли к коляске. Она не произнесла ни одного слова до тех пор, пока они не выехали из станционного поселка и не покатили вниз по крутому холму. Дорога здесь сильно врезалась в мягкую почву, и по обеим сторонам ее образовывались высокие крутые валы, на которых росли дикие вишни и тонкие березки.

Девочка протянула руку и отломил ветку дикой сливы, царапнувшую по коляске.

— Как красиво! Что вам напоминает это одетое в белое кружево дерево, которое наклонилось над дорогой?

— Мне? Не знаю, — пожал плечами Мэтью.

— Ну как же! Невесту! Невесту в белом платье и белой фате. Я, правда, никогда еще невесты не видела, не была на свадьбе, но я ее себе представляю именно такой. Мне самой, наверное, никогда не придется быть невестой. Я такая некрасивая, что на мне никто не захочет жениться — разве что миссионер. Наверно, миссионеру, который уезжает в дикую страну, не приходится особенно выбирать. Но все-таки я надеюсь, что у меня когда-нибудь будет белое платье. Для меня это просто идеал блаженства, предел мечтаний. Я так люблю красивые платья. И у меня никогда в жизни не было красивого платья. Но тем приятнее будет, когда оно наконец появится, правда? А потом, я всегда могу вообразить себя в роскошном наряде. Сегодня утром, когда я уезжала из приюта, мне было так стыдно, что на мне это жуткое старое платье. У нас все девочки в них одеты. В прошлом году один торговец пожертвовал приюту триста метров этой материи. Некоторые говорили, что он просто не смог ее продать, но мне все-таки хочется думать, что он это сделал от чистого сердца. Когда я садилась в поезд, мне казалось, что на меня все смотрят и все меня жалеют. Ну, тогда я представила, что на мне красивое шелковое платье голубого цвета — уж если воображаешь, то пусть это будет что-нибудь действительно стоящее. И еще большая шляпа с цветами и страусовыми перьями, лайковые перчатки, элегантные туфельки, да еще к тому же золотые часы. Мне сразу стало лучше, и всю дорогу до вашего острова я была в прекрасном настроении. А когда поезд погрузился на паром, меня нисколько не укачало. И миссис Спенсер тоже не укачало, хотя обычно ее укачивает. Ей просто некогда было плохо себя чувствовать, так как все время приходилось следить, чтобы я не упала за борт. Она сказала, что никогда не видела девочку, которая бы поминутно куда-то исчезала так, как я. Ну и что ж, что я исчезала — зато ее не укачало, а это тоже хорошо, правда? Мне хотелось рассмотреть паром получше — неизвестно, когда мне придется снова плыть на пароме. Ой, сколько вишен, и все в цвету! У вас на острове уйма цветов! Я уже его полюбила и страшно рада, что буду здесь жить. Я и раньше слышала, что остров Принца Эдуарда — очень красивое место, и я не раз воображала, как бы я там жила,

но мне и в голову не приходило, что это случится на самом деле. Как это прекрасно, когда твои мечты осуществляются, правда? А какие у вас странные красные дороги. Когда мы в Шарлоттауне сели на поезд и я увидела в окне эти красные дороги, я спросила миссис Спенсер, отчего они такие, но она сказала, что не знает и чтобы я больше не приставала к ней с вопросами. Она сказала, что я уже задала ей, по крайней мере, тысячу. Может, и задала, но как же узнать про то, чего не знаешь, не задавая вопросов? Отчего же все-таки эти дороги красные?

— Отчего? Не знаю, — ответил Мэтью.

— Ну что ж, придется это как-нибудь выяснить. Как интересно, что столько еще предстоит узнать, правда? Я просто счастлива, что живу в таком интересном мире. А если бы мы про него все заранее знали, то было бы совсем не так интересно. Тогда не было бы простора для воображения. Вам не кажется, что я слишком много болтаю? Мне всегда говорят, что я слишком много болтаю. Может быть, мне лучше помолчать? Если вы мне скажете, то я буду молчать. Я могу, если постараюсь, хотя это и нелегко.

Мэтью, к своему собственному удивлению, слушал ее с удовольствием. Как и большинство молчунов, он ничего не имел против разговорчивых людей, лишь бы они разговаривали сами и не требовали ответов от собеседника. Но он никогда бы не поверил, что сможет так хорошо себя чувствовать в обществе незнакомой девочки. Он и взрослых-то женщин опасался, а уж девочки на него и вовсе страх наводили. Он терпеть не мог их манеру робко проходить мимо, словно ожидая, что он их проглотит, едва они осмелятся раскрыть рот. Так полагалось вести себя воспитанным девочкам из Эвонли. Но эта конопатая девчушка была совсем другой, и хотя его медлительному мозгу было трудно уследить за ее резво скачущими мыслями, он подумал, что ее болтовня ему вроде как по вкусу. Поэтому он сказал со своей обычной застенчивостью:

— Да нет, разговаривай сколько тебе хочется. Мне все равно.

— Как это замечательно! Я уверена, что мы с вами поладим. Когда хочется поговорить, так приятно дать себе волю и знать, что никто не скажет: «Ребенка должно быть видно, но не слышно». Сколько мне раз это говорили — наверное, миллион. И еще надо мной смеются за то, что я использую длинные умные слова. Но как же можно выразить умные мысли, если не умными словами?

— И вправду, — отозвался Мэтью.

— Миссис Спенсер сказала, что язык у меня, наверно, болтается с двух сторон, а прикреплен только в серединке. Но это вовсе не так — он прочно прикреплен с заднего конца. Миссис Спенсер сказала, что ваша ферма называется Грингейбл и что вокруг нее много деревьев. Как же я обрадовалась! Я просто обожаю деревья. А около приюта их совсем нет — только несколько чахлах саженцев, каждый в чем-то вроде побеленной клетки. Просто плакать хотелось, глядя на них. Я им говорила: «Бедняжки, как же мне вас жалко! Если бы вы стояли в лесу и кругом были большие деревья, поверх ваших корней рос мох и колокольчики, неподалеку журчал ручей, а на ваших ветках пели птицы — вот тогда бы вы быстро выросли. А здесь у вас просто не получается. Бедные деревца, я представляю себе, как вам плохо». И все-таки мне было жалко с ними расставаться.

Привыкаешь ко всему живому, даже к деревьям, правда? А около Грингейбла случайно нет

ручья? Я забыла спросить у миссис Спенсер.

— Ну как же, есть, прямо рядом с домом.

— Ой, правда? Я всю жизнь мечтала жить возле ручья, но не думала, что так и случится. Мечты ведь не очень часто сбываются, правда? А сейчас я почти счастлива. Я не могу быть абсолютно счастлива, потому что... ну какого, по-вашему, цвета эти волосы? — Она перекинула одну косичку на грудь.

Мэтью не очень разбирался в оттенках женских волос, но тут сомнений быть не могло.

— Рыжие.

Девочка со вздохом убрала косичку обратно. Вздох этот шел из самой глубины ее души и, казалось, вобрал в себя все людские горести.

— Да, рыжие, — обреченно подтвердила она. — Вот поэтому я и не могу быть абсолютно счастлива. Как можно быть абсолютно счастливой, если у тебя рыжие волосы? Все остальное меня не так огорчает — веснушки там, зеленые глаза, худоба. Я могу вообразить, что ничего этого нет. Я могу вообразить, что у меня цвет лица — свежайший, кровь с молоком, и лучистые синие глаза. Но никак не могу представить, что у меня другого цвета волосы. Как ни стараюсь. Я говорю себе: «У меня замечательные волосы, черные как вороново крыло». Но ничего не получается. Я все равно знаю, что они рыжие, и сердце мое разрывается от горя. Я буду страдать из-за этого до конца своих дней. Я как-то читала про девушку, которая страдала всю жизнь, только не из-за рыжих волос. Волосы у нее были как червонное золото, а лицо как перламутр. Что это такое — перламутр? Я так и не узнала. Вы не знаете?

— Нет, не знаю, — ответил Мэтью, у которого начинала кружиться голова. У него появилось чувство, какое он однажды испытал ребенком, когда приятель уговорил его покататься на карусели.

— Наверное, это что-то красивое, потому что про ту девушку говорилось, что она божественно красива. Вы никогда не пробовали представить, как себя чувствует человек, которого природа наделила божественной красотой?

— Нет, не пробовал, — признался Мэтью.

— А я пробовала — и не один раз. Если бы вам предложили, что бы вы выбрали: божественную красоту, ослепительный ум или ангельский характер?

— Ну, не знаю...

— Вот и я тоже не знаю. Никак не могу решить. Но это не так уж важно, все равно ничего такого у меня нет и никогда не будет. Уж ангельского характера — точно. Миссис Спенсер сказала... Ой, мистер Кутберт! Мистер Кутберт!

Миссис Спенсер, разумеется, не говорила ничего подобного, девочка не вывалилась из коляски, а Мэтью не сделал ничего ошеломляющего. Просто за поворотом дороги начиналась Аллея.

Местные жители называли Аллеей участок дороги, над которым смыкались кроны огромных яблонь. Много лет назад их посадил здесь один фермер с оригинальным складом ума.

Мэтью и девочка оказались под пологом ароматных белых цветов. В Аллее царил сиреневый полумрак, а далеко впереди виднелось окрашенное закатным багрянцем небо — словно огромное красное окно в кафедральном соборе.

Девочка, казалось, от восхищения потеряла дар речи. Она откинулась на спинку сиденья, стиснула перед собой руки и в немом восторге глядела на роскошный белый балдахин. Даже когда они выехали из Аллеи и стали спускаться по пологому склону к Ньюбриджу, она продолжала сидеть, молчаливая, неподвижная. Ее глаза были устремлены на закат, и, казалось, на этом золотисто-багряном фоне перед ней представали чудные видения. Так, в полном молчании, они и проехали через деревушку Ньюбридж, где на них лаяли собаки, где им вслед что-то кричали и свистели ребяташки, а в окнах виднелись любопытные лица. Они проехали еще три мили, а девочка все молчала. Видимо, молчать она могла так же самозабвенно, как и разговаривать.

— Ты, наверное, устала и проголодалась, — произнес наконец Мэтью, которому не пришлось в голову никакого другого объяснения ее столь длительному молчанию. — Мы скоро приедем, осталась всего одна миля.

Девочка словно вышла из транса, глубоко вздохнула и посмотрела на него отсутствующими мечтательными глазами.

— Мистер Кутберт, — прошептала она, — что это было такое — то белое место, через которой мы проехали?

— Белое? Аллея, что ли? — поразмыслив, отозвался Мэтью. — Красивое местечко.

— Красивое местечко! Это совсем неподходящие слова! Оно — изумительное, необыкновенное. В первый раз я увидела совершенство, красоту, к которой воображение не может ничего добавить. Мне даже стало больно вот здесь, — она положила руку себе на грудь, — но это была блаженная боль. Вы когда-нибудь испытывали блаженную боль, мистер Кутберт?

— Да нет, что-то не припоминаю.

— А я много раз. Когда я вижу что-то царственно прекрасное. Но почему же такое замечательное место называется так скучно — Аллея? Это же просто ничего не значит. Его нужно назвать — сейчас подумаю — Белый Восторг. Правда, красиво? Чувствуется воображение. Когда мне не нравится название места или человека, я сама даю им имя. Пусть для других это будет Аллея, а для меня — Белый Восторг. Неужели до нашего дома осталась только одна миля? Я и рада и огорчена. Огорчена, потому что мы ехали по таким красивым местам, а я всегда огорчаюсь, когда кончается что-нибудь красивое. Дальше, может, будет что-нибудь еще лучше, но ведь может и не быть. Чаще всего не бывает. И я рада, что мы подъезжаем к дому. Знаете, у меня ведь никогда не было своего дома. У меня опять так блаженно заныло в груди — просто от мысли, что я сейчас приеду домой. Ой, как красиво!

Они въехали на вершину холма, и внизу открылся длинный, как река, извилистый пруд. Через него был переброшен мост, и от моста до дальнего конца пруда, где янтарного цвета дюны отделяли его от темно-синего простора залива, вода переливалась нежно-лиловым, розовым, прозрачно-зеленым и множеством других оттенков, которым даже нет названия в человеческом языке. С ближней стороны от моста вдоль берега пруда росли высокие ели и клены, и в темно-зеленой воде отражались их колеблющиеся тени. Кое-где над гладью склонялась дикая слива, похожая на девушку в белом, которая смотрит на собственное отражение в воде. Со стороны болота на ближайшем конце пруда доносился унылый и

стройный хор лягушек. На противоположном склоне из цветущего яблоневого сада выглядывал маленький серый домик, и хотя еще не совсем стемнело, в одном из окон горел свет.

— Это пруд Барри, — сообщил Мэтью.

— Ой, мне это название тоже не нравится! Я буду звать его Лучезарное озеро. Ну вот, у меня замерло сердце. Значит, это хорошее название. Когда я придумываю идеальное название, у меня всегда сердце замирает от радости. А у вас так бывает? Мэтью задумался.

— Пожалуй, что да. У меня тоже становится радостно на сердце, когда я орудую лопатой, спасаю огуречные грядки от этих противных белых личинок. Терпеть их не могу.

— Нет, это какая-то другая радость. Я не вижу связи между личинками и лучезарными озерами. А почему этот пруд зовут прудом Барри?

— Да, наверное, потому, что мистер Барри живет вон в том доме. А вон за тем громадным кустом — Грингейбл. Только его отсюда не видно. Надо проехать по мосту, а потом по дороге. Так что еще будет с полмили.

— А у мистера Барри есть дочки? Примерно моих лет?

— Есть одна. Лет одиннадцати. Ее зовут Диана.

— Да? Какое красивое имя.

— Вот уж не знаю. По мне, так в нем есть что-то чудное. Я больше люблю простые имена, как Джейн или Мери. Но когда родилась Диана, у них в доме снимал комнату школьный учитель, и они попросили его выбрать для ребенка имя. Вот он и назвал ее Дианой.

— Жалко, что такого учителя не оказалось поблизости, когда родилась я... Ой, вот уже и мост! Я закрою глаза. Я боюсь мостов. Мне всегда кажется, что как раз когда мы доедем до середины, мост рухнет как карточный домик. Вот я и закрываю глаза. Но всегда приоткрываю их, когда мы подъезжаем к середине, потому что если уж мы рухнем, мне хочется видеть, как это произойдет. А как весело стучат колеса по мосту! Я ужасно люблю этот стук. Ну вот, теперь можно открыть глаза. Спокойной ночи, дорогое Лучезарное озеро! Я всегда желаю доброй ночи всему, что люблю, словно они люди. Мне кажется, что им это нравится. Вот и вода как будто улыбается мне.

Когда они проехали последний поворот, Мэтью сказал:

— Ну, мы почти что дома. Вон там...

— Нет-нет, не говорите, — перебила его девочка, хватая за поднятую руку и закрывая глаза, чтобы не видеть, куда он показывает. — Я хочу сама догадаться. Мне кажется, что я узнаю Грингейбл.

Она открыла глаза и огляделась. Они были как раз на вершине холма.

Солнце уже село, но в сумеречном свете внизу отчетливо виднелась небольшая долина, а за ней пологий склон, по которому разбежались уютные сельские домики. Детские глаза перебегали с одного домика на другой и наконец остановились на том, который стоял на отшибе, далеко от дороги, в окружении цветущих деревьев. Прямо над домом в чистом лиловом небе маняще сверкала одинокая яркая звезда.

— Это он, правда? — спросила девочка, показывая пальцем.

Мэтью в восторге шлепнул кобылку вожжами.

— Угадала! Тебе его, наверное, описала миссис Спенсер?

— Нет, честное слово, не описывала. То, что она мне про него рассказала, подходит для любого дома. Я не знала, какой он. Но я, как только его увидела, почувствовала, что это мой дом. Мне все кажется, что это сон. Знаете, у меня, наверное, вся рука покрыта синяками — я весь день щиплю себя за руку. У меня то и дело появляется жуткое чувство, что мне все это снится. Вот я и щиплю — чтобы убедиться, что я не сплю. А потом мне приходит в голову, что даже если это сон, то лучше подольше не просыпаться, и тогда я перестану себя щипать. Но все это на самом деле, и мы уже почти дома.

Она издала блаженный вздох и замолчала. Мэтью поежился. Он был рад, что Марилле, а не ему предстоит сказать бедняжке, что ей не придется жить в этом доме. Они переехали ложбину Линдов, где было уже совсем темно. Но не настолько, чтобы миссис Рэйчел не смогла разглядеть коляску со своего поста у окошка. Вскоре они свернули на дорожку, которая вела к Грингейблу. Чем ближе они подъезжали к дому, тем больше у Мэтью сжималось сердце при мысли о том, что сейчас девочка все узнает. Он думал не о себе, и не о Марилле, и не о том, сколько им предстоит хлопот из-за этой ошибки, он думал о разочаровании, какое сейчас постигнет бедную девочку. Когда он представлял себе, как этот радостный свет потухнет у нее в глазах, ему делалось так нехорошо, словно он собирался кого-то убить. Точно такое же чувство появлялось у него, когда ему предстояло зарезать свинью, или овцу, или еще какую-нибудь божью тварь.

Во дворе было совершенно темно, только слышался шорох листьев на тополях.

— Послушайте, как деревья разговаривают во сне, — прошептала девочка. — Им, наверное, снятся приятные сны.

Затем, крепко держа в руке саквояж, в котором помещались «все ее пожитки», она пошла за Мэтью в дом.

## Глава третья

### МАРИЛЛА КУТБЕРТ В НЕДОУМЕНИИ

Навстречу им вышла Марилла. Когда ее взгляд упал на маленькую фигурку в безобразном платье, с длинными рыжими косичками и радостно блестящими глазами, она замерла от изумления.

— Мэтью, что это такое? — едва выговорила она. — Где мальчик?

— Мальчика нет, — с несчастным видом ответил Мэтью. — Была вот только она.

Он кивнул в сторону девочки, лишь сейчас осознав, что даже не узнал ее имени.

— Мальчика нет? Как же так? Ведь должен быть мальчик, — твердила Марилла. — Мы же просили миссис Спенсер привезти мальчика!

— Ну, а она привезла вот ее. Я спросил начальника станции. Мне пришлось ехать домой с ней. Не бросать же ее на станции, даже если произошла ошибка?

— Ну и дела! — воскликнула Марилла.

Пока шел этот разговор, девочка молча переводила взгляд с одного лица на другое.

Оживление в ее глазах угасло. Наконец она поняла, о чем идет речь. Уронив на пол свой драгоценный саквояж, она шагнула вперед и воскликнула, стиснув перед собой руки:

— Так я вам не нужна? Я вам не нужна, потому что я не мальчик? Я так и знала! Я никогда никому не была нужна! Все это было слишком замечательно, просто как в сказке. А на самом деле я никому не нужна. Что же мне делать? Я сейчас заплачу...

Упав на стул, стоявший возле стола, она уронила руки, спрятала в них лицо и принялась горько рыдать. Взрослые стояли в полной растерянности. Потом Марилла принялась неловко утешать девочку:

— Ну погоди, ну чего ты плачешь?

— Как же мне не плакать! — Девочка на минуту подняла распухшее лицо с дрожащими губами. — Вы бы на моем месте тоже плакали, если бы были сиротой и приехали к людям, которые собирались вас удочерить, а потом узнали, что не нужны, потому что вы не мальчик. Ничего более трагического и представить себе невозможно!

На суровом лице Мариллы мелькнула невольная улыбка.

— Ну ладно, хватит плакать. Мы же не собираемся выгонять тебя из дома на ночь глядя.

Поживешь у нас, пока не выясним, как это получилось. Как тебя зовут?

Девочка помедлила с ответом.

— Вы не могли бы звать меня Корделия?

— Как это «звать тебя Корделия»? Это твое имя?

— Нет, у меня совсем другое имя, но мне хотелось бы, чтобы меня звали Корделия. Это такое элегантное имя.

— Что еще за выдумки? Если ты не Корделия, то как тебя на самом деле зовут?

— Энн Ширли, — неохотно выговорила девочка, — но я вас очень прошу, зовите меня Корделия. Какая вам разница, какое у меня имя, — все равно я здесь проживу недолго. Энн звучит совсем не романтично.

— Не говори чепухи, — решительно заявила Марилла. — Чем тебе не нравится Энн?

Хорошее нормальное имя. И нечего его стыдиться.

— Да я его не стыжусь, — объяснила девочка, — просто Корделия мне больше нравится. Я всегда воображала, что меня зовут Корделия, ну если не всегда, то последний год точно. Когда я была маленькая, я хотела, чтобы меня звали Джеральдина, но сейчас мне больше нравится Корделия. Ну хорошо, если хотите, зовите меня Энн.

— Ладно, договорились. Но ты не можешь объяснить, как произошла эта ошибка? Мы просили миссис Спенсер привезти нам мальчика. Что, у вас в приюте нет мальчиков?

— Да нет, у нас полно мальчиков. Но миссис Спенсер ясно сказала, что вам нужна девочка лет одиннадцати. И наша заведующая решила, что я вам, наверное, подойду. Вы не представляете, как я была рада! От счастья я не спала всю ночь. Но почему же вы мне не сказали, что я вам не нужна, и не оставили меня на станции? — с упреком обратилась Энн к Мэтью. — Мне было бы легче, если бы я не видела Белый Восторг и Лучезарное озеро.

— О чем это она? — спросила Марилла, воззрившись на Мэтью.

— Это она просто вспоминает, о чем мы с ней разговаривали по дороге, — поспешно ответил Мэтью. — Я пойду поставлю лошадь. Готовь ужин, Марилла.

— А миссис Спенсер еще кого-нибудь, кроме тебя, привезла? — продолжала Марилла расспрашивать Энн.

— Она привезла себе Лили Джонс. Лили только пять лет, и она очень красивая. У нее каштановые волосы. Если бы я была красивая и с каштановыми волосами, тогда вы оставили бы меня?

— Нет. Нам нужен мальчик, чтобы помогал Мэтью по хозяйству. А от девочки нам никакого проку. Снимай шляпу. Я положу ее вместе с твоей сумкой на столике в прихожей.

Девочка покорно сняла шляпку. Вскоре пришел Мэтью, и они сели ужинать. Но Энн не могла есть. Она откусила раза два от бутерброда с маслом и взяла немного яблочного варенья из стеклянной розетки.

— Ты ничего не ешь, — осуждающе сказала Марилла. Энн вздохнула.

— Не могу. Я в бездне отчаяния. А вы разве можете есть, когда вы в бездне отчаяния?

— Не знаю, я никогда не была там и не уверена, что смогла бы туда попасть, — ответила Марилла.

— Неужели никогда? И даже не пытались вообразить себе это?

— Нет.

— Тогда вам, наверное, не понять. Это очень неприятно. Когда пытаешься есть, кусок застревает у тебя в горле, и его никак не проглотить, будь это хоть шоколадная карамель. Я только раз в жизни ела шоколадную карамель — два года назад. Какая же она вкусная! С тех пор мне часто снилось, что у меня много-много шоколадных карамелек, но как только я собиралась их съесть, то сразу просыпалась. Пожалуйста, не сердитесь, что я не ем. Все очень вкусно, но у меня просто кусок не лезет в горло.

— Она, наверное, устала, — сказал Мэтью, который не произнес ни одного слова, с тех пор как вернулся из конюшни. — Уложи ее спать, Марилла.

Марилла как раз ломала голову, где положить Энн. Для ожидаемого и желанного мальчика она приготовила кушетку в комнатке рядом с кухней. И хотя там было прибрано, ей почему-то казалось неудобным поместить туда девочку. Но не класть же эту беспризорницу в комнате для гостей! Оставалась только комната в мансарде. Марилла зажгла свечу и

велела Энн идти за ней. Взяв свою шляпку и саквояж со столика в прихожей, девочка покорно побрела следом. В прихожей было пугающе чисто, а маленькая мансарда оказалась еще чище.

Марилла поставила свечу на треугольный столик и отвернула одеяло.

— Ночная рубашка у тебя, надеюсь, есть? — спросила она.

Энн кивнула.

— Да, и даже две. Мне их дала заведующая. Только они ужасно коротенькие. В приюте вечно всего не хватает — такой уж это бедный приют. Я не люблю коротенькие ночные рубашки. Одно утешение — спать в них и видеть сны можно ничуть не хуже, чем в длинных, с оборочками у шеи.

— Ну тогда быстро раздевайся и ложись в кровать. Я приду через несколько минут за свечой. Боюсь, как бы ты не спалила дом.

Когда Марилла ушла, Энн грустным взглядом обвела комнату. Побеленные известкой стены придавали комнате строгий вид. Она подумала, что им, наверное, холодно и неудобно от того, что они такие голые. Пол тоже был голый, если не считать маленького плетеного половичка, лежавшего посередине. Таких половичков Энн никогда не видела. В одном углу комнаты стояла высокая деревянная кровать, в другом — вышеупомянутый треугольный столик, украшенный красной бархатной подушечкой для булавок, такой твердой, что об нее погнулась бы самая неустрашимая булавка. Над ним висело небольшое зеркальце. Между столиком и кроватью находилось окно с прямо-таки белоснежной занавеской. Напротив стоял умывальник. Комната выглядела непередаваемо суровой и холодной — у Энн даже мороз пробежал по коже. Всклипнув, она поспешно разделась, набросила свою коротенькую ночную рубашку, залезла в кровать, уткнулась лицом в подушку и натянула одеяло на голову. Когда Марилла пришла за свечой, она обнаружила на полу неряшливо разбросанную одежду, а в постели под одеялом едва можно было различить свернувшуюся калачиком фигурку.

Марилла демонстративно, не спеша подобрала вещи, повесила их на жесткий стул с желтой обивкой, взяла свечу и подошла к кровати.

— Доброй ночи, — пожелала она неуверенным, но вполне миролюбивым тоном.

Из-под одеяла вынырнуло бледное личико с большими глазами.

— Как вы можете желать мне доброй ночи, если знаете, что это самая злая ночь в моей жизни? — с упреком сказала девочка и опять нырнула под одеяло.

Марилла медленно спустилась в кухню и принялась мыть посуду. Мэтью курил — он позволял себе это только когда у него было беспокойно на душе, потому что сестра считала курение отвратительной привычкой. Но случались моменты, когда Марилла, чувствуя его острую потребность в табаке, молчала, понимая, что мужчина должен как-то давать выход своим чувствам.

— Ничего себе история! — сердито проворчала она. — Вот что значит просить других. Надо было ехать самим. Родственники Роберта Спенсера все переврали. Придется завтра съездить к миссис Спенсер. Эту девочку надо отослать обратно в приют.

— Да, наверное, так, — неохотно согласился Мэтью.

— При чем тут наверное? Какой может быть разговор?

— Знаешь, Марилла, а она ведь очень славная девочка. Жалко отсылать ее обратно, ведь ей так хочется жить с нами.

— Что ты говоришь, Мэтью Кутберт? Оставить ее здесь? Марилла, наверное, меньше удивилась бы, если бы Мэтью встал на голову.

— Нет уж, — продолжала она. — Разве нам нужна эта девочка?

— Зато, может, мы ей нужны, — вдруг неожиданно изрек Мэтью.

— Я гляжу, она тебя прямо околдовала! Тебе хочется ее оставить, и не отпирайся!

— А почему бы и нет? Она такая забавная, — стоял на своем Мэтью. — Слышала бы ты, что она говорила по дороге со станции.

— Да говорить-то она мастерица, сразу видно. Но в этом нет ничего хорошего. Я не люблю чересчур разговорчивых детей. Мне не нужна девочка-сирота, а если бы уж я решила взять девочку, то выбрала бы совсем другую. Эту я как-то не понимаю. Нет, ее надо отправить туда, откуда она приехала.

— Мне в помощники можно нанять француза-подростка, — упорствовал Мэтью. — А тебе было бы с ней веселее.

— Мне и так весело, — отрезала Марилла. — Нет, я ее не оставляю.

— Ну, как знаешь, Марилла. — Мэтью встал и убрал трубку. — Я пошел спать.

Закончив с посудой, Марилла тоже отправилась в спальню. Лицо ее было по-прежнему решительно и сурово. А наверху, в мансарде, плакала в постели одинокая, изголодавшаяся по любви девочка, плакала, пока не уснула.

## Глава четвертая

### УТРО В ГРИНГЕЙБЛЕ

Когда Энн проснулась, было уже совсем светло. Она села в постели, не понимая, где находится. Яркие солнечные лучи заливали всю комнату.

В первую минуту, еще не припомнив событий предыдущего дня, сердце Энн преисполнилось радости в ожидании чего-то восхитительного. В следующую же секунду радость ее улетучилась: она в Грингейбле, и ее не хотят оставить, потому что она не мальчик.

Но все-таки стояло прекрасное утро, и за окном росла покрытая кружевом белых цветов вишня. Энн выпрыгнула из кровати и распахнула окно. Рама заскрипела, словно ее уже много лет никто не открывал. Да так оно и было.

Девочка выглянула во двор, и глаза ее засверкали от восторга. Как там красиво! Какое это замечательное место! Ну и пусть она здесь не будет жить! Можно ведь вообразить, что будет. Вот уж где открывался простор для воображения!

Огромная вишня росла так близко к дому, что ее ветви, сплошь покрытые цветами, из-за которых нельзя было разглядеть ни единого листика, постукивали по стене. Справа от дома яблоневый сад, слева — вишневый, и в траве, засыпанной белыми лепестками, желтели одуванчики. В палисаднике огромные лиловые грозди сирени испускали головокружительный аромат. Утренний ветерок доносил его до окна, где стояла Энн.

Дальше, за садами, тянулось зеленое клеверное поле, которое отлого спускалось к низине, где в окружении березок вился ручей, а белые березовые стволы выныривали из густого подлеска. Там наверняка росли папоротники, мхи и разные другие лесные растения. Вдали виднелся зеленый холм, поросший елями и пихтами; в одном месте деревья расступались, открывая часть серой крыши того домика, который Энн видела вечером с другой стороны Лучезарного озера. Слева тянулись сараи, конюшни и коровник, за ними простирались поля, а на горизонте синело и искрилось море.

Энн жадно всматривалась в этот прелестный пейзаж: бедной девочке за свою короткую жизнь пришлось видеть так много уродливого, а тут ее взору открылась красота, которая вполне могла соперничать с ее грезами.

Энн стояла на коленях у окна, упиваясь красотой цветов, деревьев и полей, когда кто-то тронул ее за плечо. Это пришла Марилла. Маленькая мечтательница даже не слышала, как та вошла в комнату.

— Пора одеваться, — сухо возвестила Марилла.

Она совсем не знала, как нужно обращаться с детьми, и чувство неловкости заставляло ее говорить почти резко, хотя она совсем не хотела быть суровой и резкой с девочкой.

Энн встала с колен и глубоко вздохнула.

— Какая красота! — Она показала рукой в сторону окна.

— Такое большое дерево, — кивнула Марилла, — и весной всегда осыпано цветами, а плодов на нем бывает мало, да и те мелкие и червивые.

— Да нет, я не о дереве, хотя оно потрясающе красиво, я обо всем — о саде, и о ручье, о лесе и других прекрасных вещах в этом мире. В такое утро любишь все вокруг. У вас так не бывает? Я даже слышу, как смеется ручей. Вы замечали, как весело смеются ручьи? Даже

зимой их смех слышится сквозь лед. Как хорошо, что возле Грингейбла есть ручей. Вы, может, спросите, какая мне разница, раз я здесь не буду жить, но разница есть. Я всегда буду помнить, что возле Грингейбла течет ручей, даже если я его больше никогда не увижу. А если бы его не было, мне было бы не по себе: должен протекать ручей, а его нет. Сегодня утром я уже не в бездне отчаяния. Таким утром просто невозможно отчаиваться. Правда, хорошо, что есть на свете утро? Но мне очень грустно. Я глядела в окно и воображала, что вы решили меня оставить и что я всегда буду жить здесь. Если вообразишь что-нибудь приятное, ужасно тяжело, когда приходится возвращаться к действительности.

— Хватит воображать. Лучше одевайся и спускайся вниз, — прервала этот поток красноречия Марилла, когда Энн на секунду умолкла, чтобы перевести дух. — Завтрак уже на столе. Умойся и причешись. Окно можешь оставить открытым, одеяло откинь. И будь попроворнее.

Оказалось, что Энн, когда хочет, может быть очень проворной: через десять минут она уже спустилась вниз, одетая, умытая и аккуратно причесанная. Она чувствовала себя очень довольной, что выполнила все предписания Мариллы. Однако, как потом выяснилось, откинуть одеяло она таки забыла.

— А вот сегодня мне очень хочется есть, — заявила Энн, усаживаясь за стол. — Мир уже не кажется таким безнадежно мрачным местом, как вчера. Как хорошо, что светит солнце. Но я люблю всякое утро, даже когда идет дождь. Утром еще не знаешь, что произойдет за день, и у тебя есть простор для воображения. Но я рада, что сегодня не идет дождь, потому что в солнечный день легче выносить несчастья. Одно дело — читать про несчастья и представлять, как героически ты их переносишь, а другое — когда тебя самое постигнет несчастье.

— Господи, да помолчи немножко, — укорила ее Марилла. — Ну разве можно столько болтать?

Энн замолкла и больше до конца завтрака не произнесла ни звука. От этого Марилле стало не по себе — что-то в этом было противоестественное. Мэтью тоже молчал, но в этом, по крайней мере, не было ничего странного. За столом воцарилась гробовая тишина.

Энн все больше уходила в себя и ела машинально. Глаза ее были прикованы к синему небу за окном, но она его, казалось, не видела. Марилле вдруг пришло в голову, что, хотя эта странная девочка сидит здесь с ними за столом, душой она улетела куда-то далеко в заоблачную страну ее воображения. Ну зачем в доме такой ребенок?

Однако Мэтью определенно хотел, чтобы она осталась. Вот уж непонятно, что это на него нашло. Марилла с удивлением поняла, что и сегодня он не изменил своего желания и будет хотеть этого и дальше. Такой уж Мэтью человек: если ему что-нибудь втемяшится, то ничем эту дурь у него из головы не выбьешь. Он будет держаться за свое с молчаливым упорством, которое в десять раз убедительнее любых доводов именно потому, что не выражено словами.

Когда они закончили завтракать, Энн вышла из своей задумчивости и предложила вымыть посуду.

— А ты умеешь мыть посуду? — недоверчиво спросила Марилла.

— Умею. А еще лучше я умею ухаживать за маленькими детьми. У меня в этом громадный опыт. Жаль, что у вас нет маленьких детей, тогда бы я вам пригодилась.

— Ну, мне хватает того, что есть. С тобой одной достаточно хлопот, просто не знаю, что и делать. Какой все-таки Мэтью нелепый человек.

— А я считаю, что он замечательный человек, — возразила Энн. — Он отлично меня понимает. И согласен, чтобы я болтала сколько мне вздумается. По-моему, ему даже нравится меня слушать. Я в нем сразу почувствовала родственную душу.

— Если ты хочешь сказать, что вы оба с мозгами набекрень, — тогда вы и впрямь родственные души, — фыркнула Марилла. — Ладно, вымой посуду. Воды горячей не желей и как следует протри все полотенцем. У меня и без посуды сегодня утром дел невпроворот. После обеда надо будет съездить в Белые Пески и повидать миссис Спенсер. Ты поедешь со мной, и там уж мы и решим, что с тобой делать. А когда закончишь с посудой, пойдешь наверх и заправь свою постель.

Энн весьма умело перемыла посуду, что была вынуждена признать даже Марилла, которая следила за ней исподтишка. Потом девочка пошла наверх убирать постель, и это получилось у нее не так хорошо — ей раньше не приходилось иметь дело с периной, и в результате она не сумела разгладить ее как следует. Так или иначе, дело было сделано, и Марилла, чтобы отвязаться от девочки, велела ей идти гулять.

Энн с сияющими глазами ринулась к двери, но на пороге остановилась, повернула назад и села за стол. Лицо ее померкло, словно кто-то накрыл его темным колпаком.

— Ну, что еще? — раздраженно спросила Марилла.

— Я боюсь, — ответила Энн тоном мученицы, которая отказывается от всех земных радостей. — Боюсь полюбить Грингейбл — ведь все равно мне здесь не жить! А если я пойду гулять и познакомлюсь с деревьями, цветами, садом и ручьем, я обязательно их полюблю. Мне и так тяжело, я не хочу, чтобы было еще тяжелее. Мне так хочется в сад, они все словно зовут меня: «Иди к нам, Энн, давай поиграем вместе!», но я, пожалуй, не пойду. Нельзя позволять себе полюбить что-нибудь, если у тебя все равно это отнимут. Поэтому я так радовалась, когда думала, что буду здесь жить. Я знала, тут так много всего, что можно любить. Но это был только краткий сон. Я уже проснулась. Я смирилась со своей судьбой, но гулять не пойду, так как боюсь, что смирение мое пройдет и я опять буду роптать на судьбу. А как зовут эту герань, что стоит на окошке?

— Это герань с яблочным ароматом.

— Нет, я спрашиваю не про то, как называется этот сорт! Как вы ее сами называете? Разве у нее нет имени? Можно, я придумаю ей имя? Я назову ее... как бы ее назвать?... Назову ее Милашка. Можно, я буду звать ее Милашкой, пока нахожусь здесь? Пожалуйста, можно?

— Господи, мне-то какое дело! Только зачем давать имя кусту герани?

— Мне нравится, чтобы у всех было имя, даже у цветка в горшке. Тогда он делается похожим на человека. А может, герани обидно, когда ее называют просто герань? Вам ведь не хотелось бы, чтобы вас звали просто женщина, правда? Да, я буду звать ее Милашка. Я уже придумала имя и для вишни, что растет у меня под окном. Я назвала ее Снежная Королева, потому что она белая как снег. Конечно, она не всегда будет в цвету, но можно ведь это вообразить!

— Ну и девчонка, сроду такой не встречала, — бурчала себе под нос Марилла, спускаясь в погреб за картошкой. — Но Мэтью прав — она и впрямь забавная. Все время ждешь — что она еще скажет? Так она и меня, глядишь, заколдует. Мэтью уже попался. Как он на меня посмотрел, когда уходил в поле: дескать, я по-прежнему стою на своем. Если бы он не молчал, а вел себя как другие мужчины! Тогда можно было бы с ним поспорить, доказать, что он не прав. А что делать с таким, который только глядит?

Когда Марилла вернулась из своего паломничества в погреб, Энн сидела у окна, подперев подбородок кулачком и глубоко задумавшись. Марилла не стала ее беспокоить, и девочка просидела так до обеда.

— Мэтью, я хочу взять кобылу с коляской, надо после обеда поехать в Белые Пески, — сказала Марилла за обедом.

Мэтью кивнул и грустно посмотрел на Энн. Сестра перехватила его взгляд и решительно продолжала:

— Надо разобраться с этим делом. Я возьму Энн с собой, и миссис Спенсер, наверное, сумеет сразу отправить ее обратно в Новую Шотландию. Я тебе оставляю все к чаю, а к вечерней дойке я уже рассчитываю быть дома.

Мэтью по-прежнему молчал, и у Мариллы возникло ощущение, что она зря ему это все объясняет. Как же тяжело с мужчиной, который никогда не спорит! Тяжелее может быть только с такой же женщиной.

После обеда Мэтью запряг гнедую кобылку в коляску, и Марилла с Энн отправились в путь. Мэтью открыл для них ворота и, когда они проезжали мимо него, сказал как будто бы сам себе:

— Сегодня утром ко мне приходил Джерри Буот. Пожалуй, найму его в работники на это лето.

Марилла ничего не ответила, но хлестнула ни в чем не повинную кобылку кнутом с такой силой, что та, не привыкшая к подобному обращению, рванула с места в галоп.

Подпрыгивая на ухабах, Марилла оглянулась и увидела, что ее несносный брат стоит, опершись о калитку, и грустно смотрит им вслед.

## Глава пятая

### ИСТОРИЯ ЭНН

— Знаете, — доверительно сообщила Энн Марилле, — я решила получить от этой поездки такое удовольствие, какое только возможно. Я давно уже поняла, что если решишь получить от чего-нибудь удовольствие, то обязательно получишь. Надо только твердо решить. По дороге я не буду думать о том, что мне придется ехать обратно в приют. Я просто буду смотреть по сторонам. Ой, глядите, одна розочка уже распустилась! Какая хорошенькая! Она, наверное, радуется, что она розочка. Жаль, что цветы не умеют разговаривать. Я уверена, что они говорили бы только приятные вещи. А правда, розовый — самый изумительный цвет на свете? Я его обожаю, только он мне не идет. Рыжим нельзя носить розовое, даже в воображении. Вы не знаете людей, у которых в детстве были рыжие волосы, а потом потемнели?

— Нет, не знаю, — безжалостно отрезала Марилла, — а уж у тебя-то они вряд ли потемнеют.

Энн вздохнула.

— Ну вот, рухнула еще одна надежда. У меня не жизнь, а просто кладбище рухнувших надежд. Я прочитала эту фразу в книжке, и произношу ее вслух каждый раз, когда мне необходимо утешение.

— Ну и какое же в этом утешение? — спросила Ма-рилла.

— Просто это так романтично звучит, будто я — героиня какой-нибудь книги. Я очень люблю романтичные вещи. Я даже рада, что могу сейчас так про себя сказать. А мы поедем через Лучезарное озеро?

— Если ты имеешь в виду пруд Барри, то нет, мы поедем вдоль берега.

— Вдоль берега — это тоже приятно, — мечтательно проговорила девочка. — Когда вы сказали «вдоль берега», я сразу представила эту дорогу. И Белые Пески тоже звучит приятно, но Эвонли мне нравится больше. Такое красивое название, мелодичное. А далеко до Белых Песков?

— Миль пять. Раз уж ты все равно не можешь молчать, то говори хоть по делу: расскажи мне, откуда ты, почему живешь в приюте?

— Ой, об этом мне совсем не хочется говорить! Вот если бы вы мне позволили рассказать вам, кем я себя люблю воображать, это было бы куда интереснее.

— Нет, не надо мне твоих выдумок. Расскажи про то, что было на самом деле. Начни с начала. Где ты родилась и сколько тебе лет?

— Мне в марте исполнилось одиннадцать, — ответила Энн, смирившись с необходимостью говорить о том, что происходило на самом деле. — Родилась я в Болингброке, в Новой Шотландии. Моего отца звали Уолтер Ширли, и он был учителем в средней школе. Маму звали Берта Ширли. Правда, Уолтер и Берта — прелестные имена? Я так рада, что у моих родителей такие красивые имена. Было бы очень обидно иметь отца, которого звали бы, например, Джедедя.

— По-моему, неважно, как человека зовут, лишь бы он хорошо себя вел, — сказала Марилла, решив воспользоваться случаем, чтобы преподать девочке урок морали.

— Не знаю, — задумчиво ответила Энн. — Я как-то читала, что роза пахла бы так же хорошо, даже если бы имела другое название. Но я в это не верю. Мне кажется, что роза не стала бы таким замечательным цветком, зовись она чертополох или крапива. Наверное, мой отец был бы хорошим человеком, даже если бы его звали Джедедя, но ему было бы трудно жить с таким именем. Ну, так вот. Мама тоже преподавала в школе, но когда она вышла замуж за папу, то, конечно, оставила работу. Ей хватало забот о муже. Миссис Томас говорила мне, что они ничего не понимали в жизни и были к тому же ужасно бедны. Они поселились в крошечном желтом домике в Болингброке. Я никогда не видела этого домика, но представляла его тысячи раз. Мне кажется, что под окнами росла жимолость, а у самой калитки — ландыши. Да, и на окошках висели кисейные занавески. Это так украшает — кисейные занавески. В этом домике я и родилась. Миссис Томас говорит, что я была ужасно некрасивым ребенком — тощая, маленькая, одни глазища. Но мама считала, что я красавица, а мама ведь лучше знает своего ребенка, чем женщина, которая приходит убираться в доме, правда? Во всяком случае, я рада, что нравилась маме. Мне было бы очень грустно думать, что она во мне разочаровалась, — она ведь недолго прожила после моего рождения. Мама умерла от лихорадки, когда мне исполнилось только три месяца. Жаль, что я даже не успела научиться называть ее мамой. И совсем ее не помню. А папа умер через четыре дня после нее — тоже от лихорадки. И я осталась сиротой, а наши соседи не знали, что со мной делать. Так, по крайней мере, говорит миссис Томас. Я и тогда никому не была нужна. Такая у меня, видно, судьба. Папа с мамой приехали в Болингброк издалека, и соседи знали, что у них нет родных. Наконец миссис Томас сама решила взять меня, хотя она жила очень бедно и ее муж ужасно пил. Она меня и вырастила. Потом мистер и миссис Томас переехали из Болингброка в Мэрисвилл, и я так с ними и жила, пока мне не исполнилось восемь лет. Я ухаживала за ее маленькими детьми — у миссис Томас было четверо детей меньше меня, и я вам скажу, дел с ними по самую макушку. А потом мистер Томас попал под поезд, и его мать позвала миссис Томас и ее детей жить к себе. Но меня она взять отказалась. Миссис Томас опять не знала, что со мной делать. А тут пришла из поселка миссис Хэммонд и сказала, что возьмет меня, раз я хорошо умею ходить за детьми. Ну, я и стала жить у нее в домике, который стоял в лесу на полянке среди пеньков. И никаких других людей там не было. Я, наверно, не вынесла бы такой жизни если бы не мое воображение. Мистер Хэммонд работал неподалеку на лесопилке, а у миссис Хэммонд было восемь детей. У нее три раза рождалось по двойне. Я вообще-то люблю маленьких детей, но двойняшки три раза подряд — это уж чересчур. Когда родилась третья пара, я так и сказала миссис Хэммонд. Мне было очень тяжело таскать их на руках. С ними я прожила два года, а потом мистер Хэммонд умер, а миссис Хэммонд раздала детей по родственникам, а сама уехала в Штаты. Меня отправили в приют в Хоуптауне, потому что тогда я совсем никому не была нужна. Меня и в приют-то не хотели брать, говорили, что он переполнен. В приюте я прожила четыре месяца, а потом приехала миссис Спенсер. Энн вздохнула, на этот раз с облегчением. Видно, ей нелегко было рассказывать о том, что она никому не нужна.

— А в школу ты когда-нибудь ходила? — спросила Марилла, заворачивая лошадь на дорогу, идущую вдоль берега залива.

— Не очень много. Ходила в последний год жизни с миссис Томас. Когда я поселилась у миссис Хэммонд, то школа оказалась очень далеко. Зимой мне туда было не дойти, а летом в школе каникулы. Так что я училась только весной и осенью. Но, конечно, в приюте я ходила в школу. Я хорошо умею читать и знаю наизусть много стихов. Я очень люблю стихи. А вы?

— А эти женщины — миссис Томас и миссис Хэммонд — они хорошо с тобой обращались? — осведомилась Марилла.

— Да как сказать... — замялась Энн. Ее личико вдруг вспыхнуло от смущения. — Они старались хорошо со мной обращаться, а когда человек хочет быть к тебе добрым, то не так обижаешься, если у него это не всегда получается. У них ведь своих хлопот много. У одной муж пил, а другая без конца рожала двойняшек. Но вообще-то они старались меня не обижать.

Марилла больше ее ни о чем не спрашивала, и Энн молча любовалась красотами окрестностей. Марилла, глубоко задумавшись, рассеянно погоняла кобылу. Ей вдруг стало ужасно жаль девочку. Бедная, как же ей не повезло: никто ее не любил, жила она в нищете, выполняла недетскую работу. Марилла была достаточно проникательной женщиной, чтобы из короткого рассказа Энн понять, каково той приходилось на самом деле. Неудивительно, что она так обрадовалась, узнав, что у нее будут приемные родители и настоящий дом. Жаль, что ее придется отослать назад. А может, осуществить странную фантазию Мэтью и оставить девочку у себя? Он явно этого хочет, а девочка как будто добрая и неглупая. «Болтает, правда, много, — размышляла Марилла, — но от этого ее можно будет отучить. Опять же она не говорит ничего грубого и не употребляет нехороших слов. Воспитанная девочка. Родители у нее, видно, были порядочные люди».

— Как красиво море! — воскликнула Энн. — И как величественно парят чайки! Вам никогда не хотелось стать чайкой? А мне бы хотелось, если бы я не была девочкой. Как это прекрасно — парить над синей водой с утра до вечера, а ночью улетать в гнездо. А что это там за дом виднеется — такой большой?

— Это отель «Белые Пески». Но летний сезон еще не начался. Летом сюда приезжает много американцев. Им тоже нравится этот берег.

— А я уже испугалась, что это дом миссис Спенсер. Мне не хочется, чтобы мы так скоро приехали. Это будет конец всему.

## Глава шестая

### МАРИЛЛА ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Однако вскоре они таки подъехали к дому миссис Спенсер. Когда хозяйка открыла ворота, на ее добром лице отразилась радость, смешанная с удивлением.

— Господи, вот уж кого не ожидала увидеть! — воскликнула миссис Спенсер. — Но все равно я очень рада. Заводите лошадь. Как дела, Энн?

— Дела так себе, — без улыбки ответила девочка.

— Ну ладно, мы немного у вас побудем, чтобы дать лошади отдохнуть, — сказала Марилла, — но я обещала Мэтью вернуться пораньше. Дело в том, миссис Спенсер, что произошла ошибка. Вот я и приехала выяснить, как это получилось. Мы просили вас передать, чтобы вы привезли нам из приюта мальчика лет десяти-одиннадцати. Так мы сказали Роберту.

— Правда? — изумленно воскликнула миссис Спенсер. — А Роберт прислал к нам свою дочку Нэнси, которая сказала, что вам нужна девочка. Правда, Флора? — обратилась она к своей дочери, которая тоже вышла на крыльцо.

— Да, она сказала: девочку, — подтвердила Флора.

— Мне очень жаль, — сокрушалась миссис Спенсер, — но это не моя ошибка, мисс Кутберт. Мне сказали девочку — я и привезла девочку. У этой Нэнси один ветер в голове. Я ее не раз ругала за то, что она никогда не слушает, что ей говорят.

— Нет, это мы сами виноваты, — обреченно вздохнула Марилла. — Нужно было самим к вам приехать, а не передавать серьезную просьбу через третьи руки. Так или иначе, ошибка уже совершена, теперь надо ее исправлять. Можно ли отправить девочку обратно в приют? Они возьмут ее?

— Я думаю, возьмут, но, кажется, нам не надо этого делать. Вчера ко мне приходила миссис Блуветт и сожалела, что не попросила меня привезти ей девочку, которая помогала бы ей по дому. У нее большая семья, а служанку найти нелегко. Энн как раз ей подойдет. Все складывается как нельзя лучше.

Но Марилла, судя по выражению ее лица, совсем не была уверена, что все так уж хорошо складывается. Ей представлялся случай избавиться от девочки, но, казалось, ее это совсем не радовало. Она видела миссис Блуветт, худую и вечно сердитую женщину, всего два или три в жизни, но много слышала о ней: «Сама не присядет за день и другим не даст».

Служанки, которых она уволила, рассказывали страшные истории про ее скупость и вспыльчивость. И дети у нее нахальные и драчливые. Марилле стало не по себе при мысли, что она обрекает Энн на жизнь у этой мегеры.

— Ну ладно, пойдем и обсудим все как надо, — неохотно проговорила она.

— Смотрите, а вон и миссис Блуветт идет, — воскликнула миссис Спенсер, заводя гостей в стильную гостиную, где зеленые шторы, казалось, не пропускали в комнату ни капельки тепла. — Как удачно! Сейчас мы все и решим. Садитесь в кресло, мисс Кутберт, а ты, Энн, садись на кушетку и не болтай ногами. Снимайте шляпы. Флора, поставь чайник на огонь! Добрый день, миссис Блуветт. Как вы кстати. Познакомьтесь — это мисс Кутберт. Извините меня, я сейчас. Забыла сказать Флоре, чтобы она вынимала пышки.

Миссис Спенсер вышла из комнаты. Энн молча сидела на кушетке, стиснув на коленях руки и неотрывно глядя на миссис Блуветт. Неужели ее отдадут этой злюке? У девочки сдавило горло и глаза наполнились слезами. Еще минута — и она бы заплакала, но тут вошла улыбающаяся миссис Спенсер. У нее был вид женщины, способной с легкостью разрешить любое затруднение.

— Видите ли, миссис Блуветт, — начала она, — с этой девочкой произошло недоразумение. Я думала, что мистер и мисс Кутберт хотят удочерить девочку — так мне, по крайней мере, передали. Но они, оказывается, хотят мальчика. Так что если вы не передумали, вот для вас подходящая девочка.

Миссис Блуветт осмотрела Энн с головы до ног.

— Сколько тебе лет? — спросила она. — И как тебя зовут?

— Энн Ширли, — прошептала девочка. — Мне одиннадцать лет.

— Какая-то ты малорослая. Но вроде жилистая. Жилистые лучше работают. Ладно, я тебя возьму, только ты должна хорошо себя вести и беспрекословно делать что тебе говорят. Я не собираюсь кормить тебя даром. Ладно, мисс Кутберт, считайте, что вы от нее избавились. Малыш у меня ужасно капризный, я с ним просто с ног сбилась. Если хотите, я ее прямо сейчас и заберу.

Марилла поглядела на девочку, и сердце у нее сжалось: бледное лицо Энн выражало глубокое отчаяние — отчаяние беспомощного существа, словно она опять попала в западню, из которой только что вырвалась. Марилле показалось, что если она не отзовется на немой призыв о помощи, эти печальные глаза будут укором стоять перед ней до самого смертного часа. И ей очень не нравилась миссис Блуветт. Отдать этой женщине такую чувствительную девочку? Нет уж, этот грех она на душу не возьмет!

— Вот уж и не знаю, — медленно проговорила Марилла. — Собственно, мы с Мэтью еще не решили, отправлять ее назад или взять к себе. Мэтью очень хочет, чтобы она осталась. Я просто приехала узнать, как получилось, что произошла ошибка. Пожалуй, я отвезу ее обратно и поговорю с Мэтью. Не хочу принимать окончательного решения, не посоветовавшись с ним. Если мы решим ее отдать, то завтра вам ее привезем, миссис Блуветт. А если нет, значит мы решили ее оставить. Вас это устраивает?

— Ладно уж, — недовольно буркнула та.

За эти минуты лицо Энн словно просветлело. Исчезло выражение отчаяния, появился проблеск надежды. Глаза засияли, как утренние звезды. Девочку было не узнать. Когда миссис Спенсер и миссис Блуветт пошли искать рецепт пирога, за которым как раз и явилась миссис Блуветт, Энн вскочила на ноги и бросилась через комнату к Марилле.

— О, мисс Кутберт, вы действительно сказали, что, может быть, оставите меня в Грингейбле? — проговорила она прерывистым шепотом, как будто опасаясь, что громкий голос может разбить вдребезги ее хрупкую надежду. — Вы это правда сказали? Или я это вообразила?

— Знаешь что, Энн, придется тебе учиться не давать волю воображению, если ты не можешь отличить того, что происходит на самом деле, от того, чего нет, — сердито ответила Марилла. — Да, я действительно сказала, что, может быть, мы оставим тебя. Но не больше. Вопрос еще не решен, может, мы все же отдадим тебя миссис Блуветт. Ей ты

нужна гораздо больше, чем мне.

— Уж лучше я поеду обратно в приют! — почти закричала Энн. — Она похожа на... на шило. Марилла сдержала улыбку: по ее мнению, детям нельзя было прощать подобные вольности.

— Как тебе не стыдно так говорить о взрослом человеке, которого, к тому же, ты совершенно не знаешь! Иди садись на кушетку и веди себя тихо, как положено воспитанной девочке.

— Я все буду делать, как вы хотите, только оставьте меня у себя, — повторила Энн и покорно вернулась на место.

Когда они возвратились в Грингейбл, Мэтью встретил их на дороге. Марилла издали увидела, как он бродит перед воротами, и поняла почему. Как она и ожидала, при виде Энн на его лице отразилось облегчение. Но мисс Кутберт ничего не сказала брату, пока они не пошли в хлев доить коров. Там она кратко пересказала ему историю Энн и результат своего разговора с миссисСпенсер.

— Ну уж, этой Блуветт я и собаку бы не отдал, — с непривычным для него пылом высказался Мэтью.

— Мне она тоже не больно-то нравится, — согласилась Марилла, — но нам надо решать: либо мы отдаем Энн миссис Блуветт, либо берем ее к себе в дом. А раз уж ты хочешь ее оставить, придется, видно, мне согласиться. Я вроде бы привыкла к этой мысли. У меня такое чувство, что это мой долг. Мне никогда не приходилось воспитывать ребенка, особенно девочку, и, наверное, у меня это плохо получится. Но я постараюсь. Ладно, Мэтью, я согласна, пусть она живет у нас.

Мэтью просиял.

— Я так и думал, что ты согласишься, Марилла. Она такая забавная.

— Если бы еще от нее была какая-нибудь польза! — отрезала Марилла. — Но я постараюсь научить ее всему, что надо уметь женщине. И уж пожалуйста, Мэтью, не вмешивайся в ее воспитание. Может быть, старая дева не очень-то разбирается в детях, но уж наверняка лучше, чем старый холостяк. Так что воспитывать ее буду я. Вот если уж у меня совсем ничего не получится, тогда берись ты.

— Да что ты, Марилла, конечно, воспитывай ее, как считаешь нужным, — успокоил ее Мэтью. — Только будь с ней добрее, хотя и баловать чересчур не надо. Мне кажется, что если она тебя полюбит, то будет делать все, что ты ей скажешь.

Марилла хмыкнула, выражая свое презрение к мнению брата относительно тайн женской души, взяла ведро с молоком и вышла из коровника. «Сегодня я ей не скажу, что мы решили, — думала она, процеживая молоко. — Она так разволнуется, что не сможет заснуть. Ну, Марилла Кутберт, попала ты в историю! Тебе и не снилось, что ты когда-нибудь удочеришь девочку-сироту! Удивительное дело. Но самое удивительное это то, что все дело заварил Мэтью. Подумать только — он ведь всю жизнь до смерти боялся девочек. Ну ладно, раз решили — посмотрим, что из этого выйдет».

## Глава седьмая

### МОЛИТВА НА СОН ГРЯДУЩИЙ

Поднявшись вечером с Энн в ее комнату, Марилла заявила недовольным тоном:

— Послушай, Энн, вчера ты разбросала свою одежду по всей комнате. Так нельзя. Я этого не позволю. Одежду надо аккуратно вешать на стул. Я не люблю нерях.

— Но я вчера была в таком отчаянии, что и думать забыла про одежду, — оправдывалась Энн. — Сегодня я все аккуратно повешу. В приюте нас тоже заставляли это делать. Правда, я часто забывала — мне так хотелось поскорее лечь в постель и начать думать о чем-нибудь приятном...

— Нет уж, здесь тебе придется об этом помнить. Ну, вот так-то лучше. А теперь помолись на сон грядущий и ложись в постель.

— Я не умею молиться, — призналась девочка. Марилла поглядела на нее в ужасе.

— Как, Энн? Разве ты не знаешь, что на ночь надо молиться? Это же грех — ложиться спать, не помолившись. Ты, оказывается, плохая девочка.

— Если бы у вас были рыжие волосы, вы увидели бы, что легче быть плохой, чем хорошей, — укоризненно произнесла Энн. — Те, у кого волосы другого цвета, просто не знают, как тяжело жить рыжим. Миссис Томас говорила мне, что Бог нарочно сделал меня рыжей, и я после этого не хотела иметь с ним никакого дела. И потом я всегда к вечеру так уставала, что у меня просто не было сил молиться. Нельзя требовать от людей, которым приходится нянчить двойняшек, чтобы они еще молились. Где им взять на это силы?

Марилла решила незамедлительно начать религиозное воспитание девочки.

— Нет уж, Энн, под моей крышей ты будешь каждый день молиться на сон грядущий.

— Пожалуйста, если вы настаиваете, — весело согласилась Энн. — Для вас я на все готова. Только вы мне для начала скажите, какие слова надо говорить. А когда я лягу в постель, я уж придумаю замечательную молитву и буду произносить ее каждый вечер. Это будет даже интересно.

— Встань на колени. — Марилла почему-то смутилась.

Энн встала на колени рядом со стулом, на котором сидела Марилла, и подняла на нее глаза. Ее лицо было серьезным.

— А зачем становиться на колени? Если бы мне захотелось обратиться к Богу, знаете, что бы я сделала? Я бы пошла в широкое поле или в густой лес, посмотрела бы на небо — бездонное голубое небо, и тогда бы мне захотелось молиться. Ну, я готова. Что говорить?

— Неужели ты не знаешь, Энн? Просто поблагодари Господа Бога за все, чем он тебя наградил, и смиренно попроси у него того, чего тебе хочется.

— Ладно, сейчас. — Энн уткнулась лицом в колени Мариллы. — Господь всеблагий и всемилостивый — так говорят пасторы в церкви, наверное, и мне можно обратиться к Богу этими словами? — вставила Энн, на минуту приподняв голову. — Господь всеблагий и всемилостивый, благодарю тебя за Белый Восторг, Лучезарное озеро, Милашку и Снежную Королеву. Я ужасно Тебе за них благодарна. Пока что других наград я не припомню. А хочется мне так много, что долго перечислять. Так что я назову только два своих главных желания: пожалуйста, сделай так, чтобы меня оставили жить в Грингейбле и чтобы я стала красивой, когда вырасту. С уважением — Энн Ширли. Ну и как? — спросила она,

поднимаясь с колен. — Я бы могла и покрасивее все расцветить, если бы у меня было время подумать.

Эта невероятная молитва привела Мариллу в состояние, близкое к шоку, но она не стала бранить девочку, подумав, что та, наверное, так непочтительно разговаривала со Всевышним лишь оттого, что ее никто не наставлял в религии. Поэтому Марилла лишь поправила одеяло и дала себе слово, что завтра же научит Энн настоящей молитве. Когда она была уже в дверях, Энн окликнула ее:

— Ой, я вспомнила, что надо было под конец сказать не «с уважением», а «Аминь!» — как это делают пасторы. Я совсем забыла, но нужна же какая-то концовка, вот я и сказала «с уважением». Как вы думаете, Бог не обидится?

— Думаю, нет, — улыбнулась Марилла. — Спи. Доброй ночи.

— Вот теперь я с чистой совестью могу сказать «доброй ночи», — ответила Энн, свернувшись клубочком под одеялом.

Марилла пришла на кухню, поставила свечу на стол и излила свое возмущение на брата: — Мэтью Кутберт, мы вовремя удочерили эту девочку — а то бы она выросла нехристом. Мне придется научить ее, как должна вести себя христианка. Можешь себе представить, что она до сего дня ни разу не молилась? Завтра же схожу к пастору и возьму у него молитвенник для детей. И отправлю Энн в воскресную школу, как только сошью ей приличное платье. Да, дел на меня свалилось — невпроворот. Ну что ж, у кого в этом мире нет забот? До сих пор мне жилось слишком легко, но теперь и мое время пришло. Что ж, буду нести свой крест.

## Глава восьмая

### НАЧАЛО ВОСПИТАНИЯ ЭНН

По какой-то лишь ей одной ведомой причине Марилла утром не сказала Энн, что решила взять ее к себе. Она давала девочке одно поручение за другим и зорко наблюдала, как та их выполняет. К обеду она пришла к выводу, что Энн — послушная и понятливая девочка, что она охотно делает любую работу и легко осваивает все новое. Главным ее недостатком была привычка улетать в мечтах куда-то далеко, в заоблачные выси, и возвращаться к действительности, только когда ее окликнут или когда что-нибудь сгорит или прольется. После обеда, вымыв посуду, Энн вдруг подошла к Марилле с видом человека, готового к самому худшему. Она дрожала всем своим худеньким тельцем, лицо ее пылало, зрачки так расширились, что глаза стали черными. Сжав перед собой руки, она умоляюще произнесла: — Пожалуйста, мисс Кутберт, скажите, отошлете вы меня назад или нет? Я все утро терпела и не спрашивала, но у меня больше нет сил выносить эту неизвестность. Мне просто нехорошо. Пожалуйста, скажите.

— Я тебе велела прополоскать посудное полотенце в горячей воде, а ты этого до сих пор не сделала, — невозмутимо ответствовала Марилла. — Пойди прополоскай, а потом уж задавай вопросы.

Энн прополоскала полотенце, вернулась к Марилле и умоляюще воззрилась на нее.

— Так вот, — начала Марилла, почувствовав, что больше откладывать нет причин и надо сообщить девочке о ее судьбе, — пожалуй, можно тебе сказать, что мы с Мэтью решили оставить тебя в Грингейбле, если ты, конечно, постарайся хорошо себя вести и будешь нам благодарна за наше доброе дело. Энн, что с тобой?

— Я плачу, — удивленно всхлипнула Энн. — Не знаю почему. Я так рада. Только это слово не выражает моих чувств. Я радовалась Белому Восторгу и вишневому цвету, но это совсем другое. Это не просто радость. Я счастлива. Я постараюсь хорошо себя вести. Наверное, мне это будет нелегко, потому что миссис Томас часто говорила, что я плохая девочка. Но я постараюсь. Только не пойму, почему плачу.

— Ты просто себя взвинтила, — неодобрительно сказала Марилла. — Сядь на стул и постарайся успокоиться. Уж очень ты легко принимаешься то плакать, то смеяться. Да, ты останешься у нас, и мы постараемся сделать для тебя все, что нужно. Тебе надо будет ходить в школу, но до каникул осталось всего две недели и, наверное, не стоит уж начинать. Подождем до сентября.

— А как мне вас называть? — спросила Энн. — Нельзя же всю жизнь звать вас мисс Кутберт. Можно я буду обращаться к вам тетя Марилла?

— Нет, зови меня просто Марилла и на «ты». К «мисс Кутберт» я не привыкла.

— Но как-то неуважительно звать вас по имени.

— Ничего тут нет неуважительного, если будешь говорить со мной с уважением. Все в Эвонли от мала до велика зовут меня Мариллой. Кроме пастора. Он говорит мисс Кутберт — если вдруг вспоминает мое имя.

— Как бы мне хотелось звать вас тетей Мариллой, — с сожалением сказала Энн. — У меня никогда не было тети — и вообще никаких родственников, даже бабушки не было. Если бы я звала вас тетей, я чувствовала бы, что я вам родная. Ну, пожалуйста, разрешите мне.

— Нет, не разрешу. Я тебе никакая не тетя, и я не люблю, когда людей называют неправильно.

— Но можно вообразить, что вы мне тетя.

— Я этого вообразить не смогу, — отрезала Марилла.

— Неужели вы никогда не воображаете того, чего нет на самом деле?

— Никогда.

— О, мисс... Марилла, вы даже не знаете, как много теряете.

— Не вижу, зачем мне воображать то, чего нет на самом деле. Господь Бог поместил нас в определенные обстоятельства не для того, чтобы мы воображали, что этих обстоятельств нет. Да, кстати, Энн, поди в гостиную... У тебя ноги чистые? Да не напусти туда мух! Принеси мне открытку, которая стоит на каминной полке. На ней молитва «Отче наш». Пожалуйста, выучи ее сегодня наизусть. Таких молитв, как вчера, я больше терпеть не стану.

— Да, это была довольно нескладная молитва, — извиняющимся тоном сказала девочка, — но мне ведь никогда раньше не приходилось сочинять молитвы. Нельзя же ожидать, чтобы человек с первого раза придумал хорошую молитву.

— Энн, когда я тебе велю что-то сделать, ты должна сразу это делать, а не стоять столбом и рассуждать. Иди и делай, что тебе велели.

Энн отправилась в гостиную без дальнейших разговоров, но обратно не пришла. Подождав минут десять, Марилла положила на стол вязанье и отправилась вслед за ней с выражением лица, которое не предвещало ничего хорошего. Девочка неподвижно стояла перед картиной, висевшей в простенке между окнами. Она сцепила руки за спиной, подняла вверх лицо и явно унеслась куда-то в страну грез. Зеленоватый свет, проникавший в комнату сквозь ветви деревьев и завесу из дикого винограда, окружал ее застывшую в восторге фигурку почти неземным сиянием.

— Энн, когда я тебя за чем-нибудь посылаю, ты должна тут же принести то, что нужно, а не стоять перед картинами, воображая бог знает что. Пожалуйста, запомни это. Возьми открытку и иди на кухню. Ну вот, садись за стол и учи молитву.

Девочка поставила открытку так, чтобы та опиралась о вазу с цветущими ветками яблонь, которые она принесла из сада для украшения стола. Марилла весьма неодобрительно поглядела на этот букет, но воздержалась от замечаний. Подперев щеку ладошкой, Энн стала внимательно читать текст на открытке.

— Мне это нравится, — наконец заявила она. — Очень красиво. Эту молитву однажды читал попечитель нашего приюта. Только тогда она мне не понравилась. У него был такой надтреснутый голос, и он произносил слова так уныло. Мне показалось, что ему неприятно молиться, но он считает это своим долгом. Эта молитва — не стихи, но она так же волнует меня, как стихи: «Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое». Звучит как музыка. Как я рада, что вы велели мне это выучить, мисс... Марилла.

— Ну так и учи, а не болтай языком.

Энн наклонилась к себе вазу с яблоневыми ветками и поцеловала розовый бутон. Потом несколько мгновений учила молитву. Однако молчала она недолго.

— Марилла, как вы думаете, найду я себе в Эвонли закадычную подругу?

— Какую?

— Закадычную. Близкого друга, родственную душу, которой я могла бы поведать мои самые сокровенные мысли. Я всю жизнь мечтала, чтобы у меня была такая подруга, но мне казалось, что этого никогда не будет. Однако сейчас, когда осуществилась моя самая заветная мечта, может быть, осуществится и эта. Как вы думаете, это возможно?

— Рядом на ферме живет Диана Барри. Это очень славная девочка примерно твоих лет. Скоро она вернется домой — сейчас она гостит у тетки в Кармоди, и, может быть, вы подружитесь. Только тебе надо будет очень хорошо себя вести у них в доме, потому что миссис Барри не позволит Диане дружить с девочкой, которая придется ей не по вкусу. Энн с интересом глядела на Мариллу сквозь яблоневые ветки.

— А какая Диана из себя? Надеюсь, у нее не рыжие волосы? Это было бы уж чересчур. Пусть только у меня, но если и у закадычной подруги тоже!..

— Диана — очень хорошенькая девочка. У нее черные волосы, черные глаза и розовые щечки. Кроме того, она послушная и умная девочка — а это куда важнее, чем быть хорошенькой.

Марилла была убеждена, что, разговаривая с ребенком, надо к каждой фразе привешивать поучение.

Но Энн отмахнулась от поучения и просто обрадовалась тому, что рядом живет девочка, с которой у нее есть надежда подружиться.

— Я очень рада, что она хорошенькая. Если уж самой нельзя быть красивой, то, по крайней мере, у меня будет красивая закадычная подруга... Ой, Марилла, поглядите — из цветка вылез шмель. Как это замечательно — жить в цветке яблони! Представьте себе, как приятно заснуть в такой красивой колыбели, которую чуть колышет ветерок. Если бы я не была человеком, то хотела бы быть пчелой и жить среди цветов.

— Вчера ты хотела быть чайкой, сегодня пчелой. Какая-то ты непостоянная. Я тебе велела выучить молитву, а ты все болтаешь. Но, видно, ты не можешь держать рот закрытым, когда есть кому тебя слушать. Иди к себе в комнату и учи молитву там.

— Да я уже почти все выучила — осталась одна строчка.

— Неважно, делай как тебе говорят. Иди к себе наверх и не спускайся, пока я не позову тебя помочь мне приготовить чай.

Энн, вздохнув, пошла к себе наверх и села на стул у окна.

— Ну вот, молитву я выучила, и последнюю строчку тоже, пока шла по лестнице. А теперь я буду думать, как бы я обставила эту комнату. На полу лежит белый бархатный ковер с розами, а на окнах розовые шелковые шторы. Стены обиты золотисто-серебряной тканью. Мебель красного дерева. Я никогда не видела красного дерева, но это неважно. Зато звучит роскошно. На софе разбросаны потрясающие шелковые подушки розового, голубого, красного и золотистого цветов. Я грациозно полулежу среди этих подушек и вижу свое отражение в огромном зеркале на стене. Я высокая, у меня царственная манера держаться, на мне длинный кружевной пеньюар, на груди — крест из жемчуга и в волосах тоже заколки с жемчугом. Волосы у меня черные как ночь, а кожа — цвета слоновой кости. Меня зовут леди Корделия Фитцджеральд. Нет, не так, почему-то в это я не могу поверить...

Она подскочила к маленькому зеркалу и вгляделась в свое отражение.

— Ты просто Энн, которая живет в Грингейбле, — серьезно сказала она себе, — и я тебя вижу такой, какая ты есть, сколько бы ты ни воображала, что ты леди Корделия. Но все-таки это гораздо лучше — быть Энн, которая живет в Грингейбле, чем Энн, у которой нет никакого дома.

Она наклонилась, нежно поцеловала свое отражение и подошла к открытому окну.

— Добрый день, дорогая Снежная Королева. Добрый день, дорогие березки. Добрый день, серенький дом на холме. Интересно, станет ли Диана моей закадычной подругой? Надеюсь, что станет, и я буду очень ее любить.

Девочка послала два воздушных поцелуя в направлении серого домика, села, подперев щеку ладошкой, и погрузилась в мечтанья.

## Глава девятая

### МИССИС РЭЙЧЕЛ ЛИНД ПРИХОДИТ В УЖАС

Миссис Линд явилась в Грингейбл поглядеть на Энн только через две недели. Надо отдать миссис Рэйчел должное: задержка произошла не по ее вине. Через несколько часов после ее последнего визита в Грингейбл эту достойную матрону свалил в постель жестокий грипп. Миссис Рэйчел болела очень редко и от души презирала болезненных людей, но грипп, по ее словам, не похож ни на одно обычное заболевание, и его следует считать карой Божьей. Как только доктор позволил ей выходить из дому, она поспешила в Грингейбл. Ей не терпелось увидеть девочку, удочеренную Мэтью и Мариллой, о которой по Эвонли уже ходили самые разные слухи и предположения.

За эти две недели Энн успела познакомиться с каждым деревом и кустом на ферме и в ее окрестностях. Она обнаружила дорожку, которая начиналась сразу за яблоневым садом и шла через лесок, и обследовала ее до конца, бесконечно наслаждаясь всем, что встречалось по пути — ручьем, мостиком, аркой из диких вишен, зарослями папоротника, еловой рощицей и тропинками, окруженными стройными кленами.

Она подружилась с ручьем в лощине, из которого била чистая, холодная как лед вода. Вокруг него лежали гладкие глыбы песчаника и рос высокий, похожий на верхушки пальм водяной папоротник. В отдалении виднелся перекинутый через ручей деревянный мостик. Энн пробегала по мостику и шла вверх по поросшему лесом холму, где под высокими елями и пихтами царил вечный полумрак и серебрились нити паутины.

Марилла находила для Энн много работы по дому и не так уж часто отпускала ее гулять, но после каждой такой получасовой прогулки девочка возвращалась с сияющими от восторга глазами и до смерти заговаривала Мэтью и Мариллу рассказами о своих открытиях. Само собой, Мэтью на это никогда не жаловался, а слушал болтовню Энн с блаженной улыбкой на лице. Марилла же разрешала девочке «стрекотать», пока не обнаруживала, что сама слушает с неподобающим интересом, и, спохватившись, приказывала дать покой ее ушам. Когда пришла миссис Рэйчел, Энн гуляла в саду, и у почтенной матроны было достаточно времени, чтобы описать Марилле в мельчайших подробностях весь ход своей болезни. Она это делала с таким наслаждением, что Марилла подумала: «Не так уж это, видно, и плохо — поболеть гриппом». Покончив с насморком, головной болью и одышкой, миссис Рэйчел перешла к истинной цели своего визита:

— Тут о вас с Мэтью рассказывают удивительные вещи.

— Я сама удивлена больше всех, — улыбнулась Марилла. — Но теперь понемногу начинаю привыкать.

— Надо же, чтобы произошла такая ошибка, — сочувственно сказала миссис Рэйчел. — А разве нельзя было отослать ее назад?

— Да в общем-то можно, но мы решили оставить ее у себя. Мэтью она страшно понравилась. Да и мне тоже — хоть недостатков у нее хватает. Весь дом как-то посветлел — будто лампочка зажглась.

Марилла поняла, что забылась и сказала больше, чем хотела бы. Миссис Рэйчел смотрела на нее с явным неодобрением.

— Ты взяла на себя большую ответственность, — мрачно изрекла она. — У тебя ведь нет никакого опыта общения с детьми. Ты ничего не знаешь ни о ней самой, ни о ее характере. Что из такого ребенка получится — сказать трудно. Но ты не пугайся, Марилла.

— Я и не пугаюсь, — сухо ответила Марилла. — Когда я на что-нибудь решусь, то меня уже ничто не остановит. Ты, наверное, хочешь взглянуть на Энн? Я сейчас ее позову.

Через минуту в комнату вбежала Энн. Ее глаза сияли от счастья, которое ей доставила прогулка по закоулкам сада, но, увидев незнакомую гостью, она растерянно остановилась в дверях. Вид у нее был, конечно, неказистый — короткое приютское платье, а из-под него торчат длинные худые ноги. Растрепанные ветром волосы кажутся прямо-таки оранжевыми, да и веснушек прибавилось.

— Одно ясно — они тебя взяли не за красоту, — заметила миссис Рэйчел, которая принадлежала к той прелестной категории людей, которые обожают говорить правду прямо в глаза. — Какая же она тощая и некрасивая, Марилла! Подойди ко мне, девочка, дай тебя хорошенько рассмотреть. Боже праведный, еще и конопатая! Идо чего же рыжие волосы — прямо как морковка! Я тебе сказала, девочка, подойди ближе!

Энн подошла, но совсем не так, как предполагала миссис Рэйчел. Она, как тигрица, выпрыгнула на середину кухни и встала перед миссис Рэйчел. Ее лицо пылало от негодования, губы дрожали.

— Вы гадкая! — сдавленным голосом крикнула она и топнула ногой. — Противная... гадкая... гадкая! — с каждым восклицанием Энн все громче топала ногой. — Как вы смее называть меня тощей и безобразной? Как вы смее говорить, что я конопатая и что у меня рыжие, как морковка, волосы? Вы грубая, невоспитанная, бесчувственная женщина!

— Энн! — оторопело воскликнула Марилла.

Но Энн храбро смотрела в лицо миссис Рэйчел. Ее голова была гордо вскинута, глаза горели, руки стиснуты в кулаки, и вся она была само воплощенное негодование.

— Как вы смее говорить про меня такие вещи? — кричала она. — Вам бы понравилось, если бы что-нибудь подобное сказали вам в лицо? Понравилось бы услышать, что вы толстая, неповоротливая и что у вас, наверно, нет ни капли воображения? Можете обижаться. Я даже надеюсь, что вы обиделись. Меня так никто в жизни не оскорблял, даже пьяный муж миссис Томас. Я вас никогда не прощу, никогда!

Энн еще раз топнула ногой.

— Да что же это такое — ну и характерец! — в ужасе воскликнула миссис Рэйчел.

— Иди к себе в комнату, Энн, и жди меня там, — смогла выговорить наконец Марилла.

Девочка разрыдалась, выбежала за дверь, так хлопнув ею, что на полках зазвенела посуда, и бегом бросилась наверх. Снова раздался стук. Видимо, она захлопнула дверь в свою комнату с не меньшей яростью.

— Ну, Марилла, досталось же тебе сокровище, не позавидуешь, — голосом вещуньи проговорила миссис Рэйчел.

Марилла открыла рот, собираясь извиниться за Энн и сурово осудить ее проступок, но вместо этого, к своему собственному изумлению, сказала:

— Не надо было тебе насмехаться над ее внешностью, Рэйчел.

— Уж не хочешь ли ты сказать, Марилла Кутберт, что оправдываешь ее безобразную выходку? — возмущенно спросила миссис Рэйчел, поджав губы.

— Нет, — медленно проговорила Марилла, — я ее не оправдываю. Она поступила очень плохо, и я ей сделаю серьезное внушение. Но к ней нельзя подходить со слишком строгими мерками. Ее просто не научили, что хорошо, а что дурно. И ты напрасно ее обидела. Марилла добавила последнюю фразу почти против воли — во всяком случае, она опять сама себе удивилась. Миссис Рэйчел с оскорбленным видом встала со стула.

— Я вижу, в этом доме мне придется теперь следить за каждым своим словом, раз уж главное здесь — не задеть самолюбие какого-то найденыша. Нет-нет, не беспокойся, Марилла, я не обиделась. Мне тебя просто жаль. Ты еще натерпишься с этой девчонкой. И если разрешишь дать тебе совет — впрочем, ты наверняка ему не последуешь, хотя я и воспитала десятерых детей и еще двух похоронила, — то «внушение», о котором ты говорила, надо сделать розгой. Подобные дети только такие внушения и понимают. Видно, у нее нрав под стать волосам. Что ж, Марилла, до свидания. Надеюсь, ты по-прежнему будешь ко мне заходить. Что касается меня, то вряд ли я скоро сюда приду опять — я не привыкла, чтобы на меня кричали и топали ногами.

С этими словами миссис Рэйчел прошествовала к выходу — если только слово «прошествовать» можно применить к переваливающейся на ходу толстухе. А Марилла с хмурым лицом отправилась к Энн в мансарду.

Поднимаясь по лестнице, она ломала голову, как ей наказать Энн. Ее стычка с миссис Рэйчел очень огорчила Мариллу. Надо же было, чтобы Энн устроила такую сцену не кому-нибудь, а именно миссис Рэйчел Линд. И тут она упрекнула себя: выходит, ее не столько заботит открывшаяся вдруг вспыльчивость Энн, сколько то, что о ней стало известно Рэйчел! Как же наказать Энн? Она и думать не могла о том, чтобы последовать совету миссис Линд, дети которой до сих пор ежились при воспоминании о постоянных порках. Нет, Марилла была просто не в состоянии выпороть ребенка. Надо придумать какое-то другое наказание, которое помогло бы Энн понять, как ужасно она себя вела.

Открыв дверь, Марилла увидела, что девочка горько плачет, уткнувшись лицом в подушку, совсем не замечая, что лежит в грязных башмаках на чистом покрывале.

— Энн, — позвала Марилла совсем нестрогим голосом.

Ответа не последовало.

— Энн, — более строго повторила Марилла, — сейчас же слезь с кровати и выслушай меня. Девочка сползла с кровати и села на стул, упрямо вперив в пол распухшие от слез глаза.

— Ну разве можно так себя вести? Неужели тебе не стыдно?

— Как она смела назвать меня некрасивой и рыжей? — негодуя выкрикнула Энн, не отвечая на вопрос.

— А как ты смела кричать и топтать на нее ногами? Мне было ужасно стыдно за тебя. Я надеялась, что ты понравишься миссис Линд, а ты меня опозорила. Ну что она такого сказала — что ты некрасивая и рыжая? Ты и сама это без конца говоришь.

— Одно дело, когда сама говоришь, а другое — когда слышишь это от других! — жалобно проговорила Энн. — Сама, хоть и думаешь, что это так, все-таки надеешься, что, может, другие с тобой не согласны. Ты, наверное, скажешь, что у меня жуткий характер, но я

просто не могла ничего с собой поделать. Когда она стала мне все это выговаривать, у меня просто дыхание перехватило от ярости. Я не могла ей этого спустить.

— Но это же была безобразная выходка. Теперь миссис Линд всем расскажет, что ты за штучка. Нельзя же так бросаться на людей, Энн.

— А как бы ты себя чувствовала, если бы тебе в лицо бросили, что ты тощая и некрасивая? — со слезами в голосе спросила девочка.

И тут Марилла вдруг вспомнила, как ее тетка однажды сказала в ее присутствии, когда она была еще совсем маленькой: «Как жаль, что она такая дурнушка». Марилла до сих пор не могла забыть этих слов.

— Я и не утверждаю, что миссис Линд была права. Ей не следовало так о тебе говорить, — признала она. — Рэйчел любит резать правду-матку. Но это тебя вовсе не оправдывает.

Что бы она ни сказала, разве можно так неуважительно отнестись к пожилой женщине, моей гостье? Вот что... — Мариллу вдруг осенило, как можно наказать Энн. — Ты должна пойти к ней и сказать, что очень жалеешь о своем поведении, и попросить у нее прощения.

— Ни за что. — Энн решительно покачала головой. — Можешь как угодно наказывать меня, Марилла. Можешь запереть меня в темное и сырое подземелье, заполненное змеями и жабами, и держать меня на хлебе и воде — и я не буду роптать. Но я ни за что не стану просить прощения у миссис Линд.

— Я не имею привычки запираť людей в темное сырое подземелье, — сухо отозвалась Марилла, — да вряд ли такое подземелье и найдется в Эвонли. Но ты должна извиниться перед миссис Линд, и я на этом настаиваю. До тех пор пока ты не согласишься, будешь безвыходно сидеть в этой комнате.

— Значит, я просижу здесь всю свою жизнь, — уныло изрекла Энн. — Я не могу сказать миссис Линд, что сожалею о своих словах. Я о них вовсе не сожалею. Мне жаль, что я тебя огорчила, но я рада, что сказала ей все, что думаю. Я получила от этого огромное удовлетворение. Как я могу просить прощения, когда не чувствую себя виноватой? Да я даже вообразить не могу, что сожалею о своих словах.

— Может, все-таки к утру у тебя разыграется твое хваленое воображение? — предположила Марилла. — У тебя будет целая ночь, чтобы обдумать свое поведение и понять, что ты должна попросить прощения. Ты мне говорила, что если мы оставим тебя здесь жить, то постарайся быть хорошей девочкой, но хорошие девочки так не поступают.

Выпустив эту прощальную стрелу и надеясь, что за ночь она сделает свое дело, Марилла ушла на кухню. У нее было нехорошо на душе. Она сердилась на себя не меньше, чем на Энн, потому что каждый раз, когда она вспоминала ошеломленную физиономию миссис Рэйчел, ее губы подергивались в усмешке и ее охватывало в высшей степени неподобающее, с ее собственной точки зрения, желание рассмеяться.

## Глава десятая

### ЭНН ПРИНОСИТ ИЗВИНЕНИЯ

Вечером Марилла ничего не сказала Мэтью о выходке Энн, но когда утром она опять наотрез отказалась извиниться перед миссис Рэйчел, Марилле пришлось объяснить. Мэтью отсутствие девочки за завтраком. Она рассказала про стычку миссис Рэйчел и Энн в самых сильных выражениях, стараясь довести до его сознания, как возмутительно вела себя последняя.

В ответ на это Мэтью злорадно заметил:

— Давно пора было прищемить язык этой старой сплетнице.

— Что ты говоришь, Мэтью Кутберт? У меня нет слов! Ты отлично понимаешь, что Энн вела себя безобразно, и все равно за нее заступаешься. Может, ты еще скажешь, что ее вообще не надо наказывать?

— Да нет, этого я не скажу, — пробормотал Мэтью. — Немножко наказать ее, конечно, надо. Но уж очень-то на нее не сердись, Марилла, не забывай, что ее никто толком не воспитывал. Ну хоть... хоть поесть-то ты ей дашь?

— И когда это я морила кого-нибудь голодом за плохое поведение? — возмущенно воскликнула Марилла. — Конечно, я буду ее кормить, сама отнесу обед, завтрак и ужин. Но из комнаты ей выйти не позволю, пока она не извинится перед Рэйчел. И не пытайся меня переубедить.

Завтрак, обед и ужин в Грингейбле в тот день прошли в тягостном молчании — Энн оставалась непреклонной. Марилла каждый раз относилась наверх поднос с полными тарелками, а потом приносила их обратно почти нетронутыми. После ужина при виде этих тарелок Мэтью основательно встревожился. Похоже, Энн за весь день вообще ничего не съела.

Вечером, как только Марилла отправилась, чтобы пригнать коров с дальнего пастбища, Мэтью, который в ожидании ее ухода околачивался возле сараев, с воровским видом проскользнул в дом и тихонько поднялся по лестнице. Мэтью вообще чувствовал себя уютно только в двух комнатах в доме — на кухне и в своей маленькой спальне, дверь которой выходила в прихожую. Он очень редко и неохотно переступал порог гостиной — лишь когда к ним на чай приходил пастор или происходило какое-нибудь другое выдающееся событие. А уж в мансарде своего собственного дома он не был года четыре — с тех пор как помогал Марилле переклеивать обои в спальне для гостей.

Мэтью на цыпочках подошел к двери комнаты и некоторое время постоял там в нерешительности. Наконец, собравшись с духом, постучал и затем приоткрыл дверь. Энн сидела на желтом стуле и уныло смотрела в окно. Сердце Мэтью сжалось — девочка казалась такой маленькой и такой несчастной. Он тихонько вошел в комнату, затворил дверь и все еще на цыпочках подошел к ней.

— Энн, — прошептал он, словно боясь, что его подслушают, — ну как ты, Энн? Девочка слабо улыбнулась.

— Да ничего. Сижу, воображаю разные вещи, чтобы убить время. Скучно, конечно, и одиноко. Но надо привыкать, ничего не поделаешь. — Энн улыбнулась как можно мужественнее, ведь впереди у нее долгие годы одиночного заключения, но она останется

тверда.

Мэтью решил поскорее сказать то, за чем пришел. Вдруг, неровен час, Марилла вернется раньше, чем обычно.

— Послушай, Энн, — зашептал он, — может, лучше спихнуть это дело с плеч долой, а? Все равно когда-нибудь придется — Марилла от своего не отступит, ни за что не отступит. Так уж лучше сразу — как в омут.

— Ты хочешь, чтобы я извинилась перед миссис Линд?

— Ну да, извинись, и все тут. Подумаешь, какой пустяк. Не упрямысь, Энн.

— Может, для тебя я это и сделаю, — задумчиво сказала девочка. — Собственно говоря, мне и самой очень жаль, что все так вышло. Вчера я ни о чем не жалела, а просто жутко злилась. И ночью тоже. Я это знаю, потому что просыпалась три раза и каждый раз меня просто трясло от злости. Но сегодня утром злость прошла и осталась какая-то жуткая пустота. И мне ужасно стыдно. Но я и подумать не могла, чтобы извиниться перед миссис Линд. Это так унижительно. И я решила, что лучше всю жизнь проведу здесь взаперти, чем пойду к ней извиняться. Но для тебя... если ты меня просишь... если тебе очень хочется...

— Ну конечно, мне очень хочется. Там, внизу, без тебя ужас как скучно. Будь хорошей девочкой и помирись с ней.

— Хорошо, — обреченно согласилась Энн. — Я скажу Марилле, когда она придет, что я раскаялась.

— Вот и молодец, вот и умница. Только не говори Марилле, что это я тебя уговорил. А то она подумает, будто я вмешиваюсь в твое воспитание, — а я обещал этого не делать.

И Мэтью ушел, сам поражаясь успеху своего предприятия. Опасаясь, что сестра может что-нибудь заподозрить, он сбежал на самый дальний конец выгона для лошадей. Марилла же, вернувшись домой, была приятно удивлена, услышав сверху жалобный зов: «Марилла!»

— Ну что? — спросила она, поднявшись в мансарду.

— Мне очень жаль, что я вышла из себя и наговорила грубостей миссис Линд. Я согласна перед ней извиниться.

— Вот и хорошо, — деловито кивнула Марилла, ничем не выдавая своего облегчения. Она просто представить себе не могла, что будет делать, если Энн не согласится попросить прощения. — Вот подою корову, и сходим к миссис Линд.

Через час на дорожке, ведущей от Грингейбла, появились две женские фигуры:

торжествующе прямая — Мариллы и уныло сгорбившаяся — Энн. Но на полдороге с Энн, словно по мановению волшебной палочки, вдруг слетело все ее уныние, она распрямилась, подняла голову, глаза ее заблестели. Мариллу эта перемена отнюдь не обрадовала. Теперь девочка совсем не походила на раскаявшуюся грешницу, с которой она собиралась предстать пред очи оскорбленной миссис Линд.

— О чем ты думаешь, Энн? — резко спросила она.

— Я сочиняю покающую речь, — мечтательно ответила Энн.

Что ж, ничего плохого в этом, кажется, не было. Но Мариллу не оставляло опасение, что наказание, которое она задумала для Энн, может принять какой-нибудь неожиданный оборот. С чего это у нее вдруг такой самозабвенно-сияющий вид?

Однако Энн перестала сиять, как только они предстали перед миссис Линд, которая мирно вязала, сидя у окна своей кухни. Лицо девочки вдруг выразило крайнюю степень горестного раскаяния. Никто еще не успел произнести ни слова, как она бухнулась на колени перед ошеломленной миссис Рэйчел и умоляюще протянула к ней руки.

— Миссис Линд, прошу вас, простите меня, — начала Энн со слезами в голосе. — У меня не хватает слов, чтобы выразить свое раскаяние. Да таких слов, наверное, и в словаре не найти. Вам придется просто их вообразить. Я вела себя ужасно — и я покрыла позором моих дорогих друзей Мэтью и Мариллу, которые взяли меня к себе, хотя я и не мальчик. Я ужасная, неблагодарная девочка и заслуживаю, чтобы меня сурово наказали и чтобы порядочные люди навсегда изгнали меня из своего общества. Я не имела никакого права кричать на вас за то, что вы сказали мне правду. Я не могу этого отрицать — в ваших словах не было ни слова неправды. У меня действительно рыжие, как морковка, волосы, и я действительно тощая, страшненькая и вся в веснушках. Я вам тоже сказала правду, но я не должна была этого делать. О, миссис Линд, пожалуйста, простите меня! Если вы откажетесь меня простить, вы повергнете меня в бездну отчаяния до конца моих дней. Неужели вам хочется повергнуть в бездну отчаяния бедную сироту, даже если у нее вспыльчивый характер? Я уверена, что ваше доброе сердце вам этого не позволит. Пожалуйста, скажите, что вы меня прощаете, миссис Линд!

Энн стиснула на груди руки, опустила голову и замолчала, ожидая приговора миссис Рэйчел.

В ее искренности нельзя было сомневаться — каждое ее слово и весь тон ее речи дышали раскаянием. Это было ясно и Марилле, и миссис Линд. Но Марилла видела — и это ее абсолютно обескуражило, — что Энн упивается самой глубиной своего унижения, самой театрализованностью сцены раскаяния. Нет, это невозможно считать наказанием, которое запомнится на долгие годы. Энн явно наслаждалась, произнося свою покаянную речь.

Но миссис Линд, которая не отличалась тонкостью восприятия, ничего этого не заметила. С ее точки зрения, Энн как подобает выразила свое раскаяние, попросила у нее прощения, и она тут же простила ее от всего сердца. Миссис Линд, несомненно, имела склонность поучать, но по сути дела была доброй женщиной.

— Ну ладно, девочка, вставай, зачем же так? — добродушно сказала она. — Конечно, я тебя прощаю, тем более что сама сказала тебе обидные слова. Но такое уж у меня правило — говорить правду в глаза. Ты на меня не сердись. Волосы у тебя действительно ужасающе рыжие — просто глаза режет, но у моей школьной подруги, когда она была еще девочкой, волосы были такие же, как и у тебя, а когда она стала взрослой, они потемнели и сделались прелестного каштанового цвета. Ничуть не удивлюсь, если и с тобой случится то же самое. — О, миссис Линд, — с искренней благодарностью воскликнула Энн, поднимаясь с колен, — вы вдохнули в меня надежду. Я вам буду вечно за это благодарна. Мне кажется, я согласна перенести все что угодно — лишь бы знать, что когда я вырасту, у меня будут красивые каштановые волосы. Знаете, если бы у меня были красивые волосы, мне было бы гораздо легче хорошо себя вести. Можно, я пойду к вам в сад и посижу на скамейке под яблоней, пока вы будете разговаривать с Мариллой? Там как-то больше простора для воображения.

— Ну, конечно, девочка, иди в сад. Можешь нарвать букет июньских нарциссов. Они растут в углу сада.

Когда за Энн закрылась дверь, миссис Рэйчел встала и зажгла лампу.

— Странная она все же девочка. Пересядь в это кресло, Марилла, здесь гораздо удобнее. А этот стул я держу для мальчика-батрака. Да, странная девочка, ничего не скажешь, но что-то в ней есть симпатичное. Теперь я уже не удивляюсь, что вы с Мэтью взяли ее к себе, и мне уже вас не так жалко. Может, все обернется хорошо? Правда, она необычно выражается, как-то вычурно, но, может, это и пройдет — в конце концов, теперь она будет жить с воспитанными людьми. И конечно, она чересчур вспыльчива, но тут есть одно утешение: ребенок, который легко вспыхивает, так же легко и остывает и не склонен затаивать зло и обманывать. А если он себе на уме — не дай Бог! Так что, Марилла, пожалуй, она мне даже нравится.

Когда Марилла вышла из дома, Энн появилась из глубины сада с букетом нарциссов в руках.

— Правда, я замечательно просила прощения, Марилла? — с гордостью спросила она. — Я решила: если уж надо каяться, сделаю это красиво.

— Да уж, каялась ты красиво, — сухо отозвалась Марилла, которая опять неожиданно для себя с трудом сдерживала улыбку, вспоминая эту трогательную сцену. Надо бы выбрать Энн за этот спектакль, но, с другой стороны, как бранить за такое прочувствованное раскаяние? В конце концов Марилла нашла компромисс со своей совестью:

— Надеюсь, тебе больше не придется каяться и извиняться. Надо лучше держать себя в руках, Энн.

— Я бы держала себя в руках, если бы меня не дразнили все время, — со вздохом ответила Энн. — Я вообще-то не такая уж и вспыльчивая, но мне надоело слушать, что мои волосы как морковка. Тут я просто убить готова. А как ты думаешь, Марилла, может, они и вправду с годами потемнеют и станут красивого каштанового цвета?

— Нельзя столько думать о внешности, Энн. Тщеславие — это грех.

— Как же я могу быть тщеславной, когда знаю, что некрасива! — вскричала Энн. — Я так люблю все красивое, а когда смотрюсь в зеркало, то вижу безобразную девочку, и мне сразу делается грустно. Мне всегда грустно, когда я вижу что-то некрасивое.

— Красота — в красивых поступках! — процитировала Марилла.

— Да, мне это уже много раз говорили, только я не уверена, что это правда, — скептически заметила Энн, нюхая нарциссы. — Как они чудно пахнут. Я очень благодарна за них миссис Линд и уже совсем не сержусь на нее. Знаешь, Марилла, когда извинишься и тебя простят — на душе делается так легко! А как звезды сверкают! Если бы тебе предложили жить на звезде, какую бы ты выбрала? Я бы поселилась вон на той красивой и большой звезде, что висит над холмом.

— Ох, Энн, помолчи, — не выдержала Марилла, не в силах следовать за причудливым ходом мыслей Энн.

Девочка замолчала и не произнесла ни звука, пока они не свернули на дорожку, ведущую к Грингейблу. Тут она вдруг подошла поближе к Марилле и сунула руку в ее шершавую ладонь.

— Как замечательно идти домой и знать, что это твой дом, — прошептала она. — Я уже полюбила Грингейбл так, как не любила ни одно место на земле. Где бы я раньше ни жила, я нигде не чувствовала себя дома. Но теперь я счастлива!

Прикосновение худенькой ручки наполнило сердце Мариллы радостным теплом. Может, это был порыв материнской любви, которой судьба обделила ее. Это непривычное чувство слегка обеспокоило Мариллу, и она поспешила сделать Энн очередное наставление:

— Если ты будешь хорошей девочкой, Энн, ты всегда будешь счастлива.

## Глава одиннадцатая

### ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

— Ну, как они тебе нравятся? — спросила Марилла.

Энн стояла посреди своей комнатки и без улыбки глядела на три платья, разложенные у нее на кровати. Одно было из ситца табачного цвета, который Марилла купила еще летом прошлого года у разъездного продавца, решив, что это не маркая и, видимо, прочная материя; второе — из сатина в черно-белую клетку, купленного на зимней распродаже; и третье — из грубой мутно-голубой материи, которую Марилла приобрела на прошлой неделе в Кармоди специально для Энн.

Марилла сама сшила все три платья, и все они были одного фасона: прямой лиф, чуть расклешенная юбка и узкие, в обтяжку, рукава.

— Что ж, — вздохнула Энн, — очень хорошие платья.

— При чем здесь «что ж»? — рассердилась Марилла. — Нет уж, я вижу, они тебе не нравятся. Что в них плохого? Новенькие, чистенькие, аккуратные! Разве нет?

— Да.

— Тогда почему они тебе не нравятся?

— Они... они... не очень красивые, — неохотно выговорила Энн.

— Подумаешь, не очень красивые! — фыркнула Марилла. — Буду я еще тебя наряжать, как же! Я против того, чтобы поощрять в ребенке тщеславие и кокетство — так и запомни. Это хорошие прочные платья на каждый День, безо всяких там тебе складочек и оборок. И больше этим летом я ничего шить тебе не собираюсь. В табачном и голубом будешь ходить в школу. А сатиновое будешь надевать в церковь и воскресную школу. И, пожалуйста, постарайся их не испачкать и не порвать. После того платьишка, в котором ты приехала из приюта, я бы на твоём месте была благодарна за любую приличную одежду.

Я и благодарна! — воскликнула Энн. — Но я была бы во много раз благодарнее, если бы ты сделала мне рукавчики буфами. Их сейчас все носят. Ох, Марилла, я бы так радовалась, если бы у меня было платье с такими рукавчиками.

— Ничего, обойдешься. У меня нет лишнего материала на буфы. И вообще, я считаю, что они очень глупо выглядят. Нормальный прямой рукав, на мой взгляд, куда лучше.

— А я бы предпочла выглядеть так же глупо, как все, чем быть единственной во всем классе с нормальными прямыми рукавами.

— Ну, от тебя я ничего другого и не ждала. Повесь-ка платья в шкаф, а потом спускайся вниз учить текст для воскресной школы. Завтра ты пойдешь туда — я договорилась с мистером Бэллом, — заявила Марилла и, весьма недовольная, начала спускаться по лестнице.

Энн стояла, стиснув руки, и смотрела на платья.

— А я-то надеялась, что будет хоть одно беленькое платьице с буфами, — горестно прошептала она. — И Богу молилась, но от него-то я помощи особенно и не ждала. Станет Бог морочить себе голову платьями для какой-то сироты. Я знала, что все зависит от Мариллы. Остается только вообразить, что одно из них — из белой кисеи с кружевами и пышными рукавчиками.

На следующее утро у Мариллы разболелась голова, и она отправила Энн в воскресную школу одну.

— Тебе надо будет зайти за миссис Линд, — велела Марилла, — и она определит тебя в нужный класс. Смотри, води себя как положено. После уроков оставайся на проповедь, миссис Линд покажет тебе, где наша скамья. Вот тебе цент — положишь, когда пойдут с кружкой. Не пялься на людей и не вертись. Когда вернешься домой, я спрошу у тебя урок. Энн отправилась в церковь в безупречном, с точки зрения Мариллы, наряде: новое платье в черно-белую клетку было ей впору, в отличие от старого саржевого платьица, но так невыгодно подчеркивало худобу и угловатость фигуры. И новая плоская соломенная шляпка тоже вызвала у Энн чувство глубокого разочарования — уж очень она была невыразительна. Энн втайне мечтала о шляпке с ленточками и цветочками. Цветочки, однако, скоро нашлись: на полпути к большой дороге девочка увидела заросли золотистых лютиков и цветущие кусты шиповника. Она тут же свила из них венок и украсила свою скучную шляпку. Что бы там ни думали об этом люди, встречающиеся ей по дороге, Энн значительно повеселела и бежала вприпрыжку, гордо неся на своей рыжей головке желто-розовое великолепие.

Миссис Линд она дома не застала — та уже ушла. Это, однако, нисколько не обескуражило Энн, и она отправилась в церковь одна. У входа стояла толпа девочек в нарядных ярких платьях белого, голубого или розового цветов. Они изумленно уставились на новенькую с причудливым украшением на голове. Девочки, живущие в Эвонли, уже слышали разные странные истории про Энн: миссис Линд сказала, что она вспыльчивая и грубиянка; Джерри Буот, мальчик, который работал у Мэтью по найму, рассказывал, что она все время разговаривает сама с собой или с деревьями и цветами — прямо как полоумная. Девочки смотрели на Энн и перешептывались. Никто не подошел к ней знакомиться ни перед занятиями, ни когда ее усадили в классе, который вела мисс Роджерсон.

Старая дева мисс Роджерсон преподавала в воскресной школе уже двадцать лет. Ее метод обучения был прост до крайности: она прочитывала главу из Евангелия и затем, бросив строгий взгляд на какую-нибудь девочку, задавала ей вопрос из прочитанного. Ее взгляд часто падал на Энн, но Марилла хорошо ее натаскала и та правильно отвечала на все вопросы. Другое дело — хорошо ли она понимала то, о чем сама говорила.

Мисс Роджерсон не понравилась Энн, и вообще ей было очень скучно, к тому же сердце ныло при виде красивых платьиц с буфами. Нет, думала Энн, без рукавов-буфов жизнь просто не имеет смысла.

— Ну и как тебе понравилась воскресная школа? — спросила Марилла, когда девочка пришла домой. Венок к тому времени завял, и Энн выбросила его, так что об этом ее подвиге Марилла пока не знала.

— Нисколько не понравилась. Там все было ужасно.

— Энн, что ты говоришь! — укоризненно воскликнула Марилла.

Девочка со вздохом села в кресло-качалку, поцеловала листик Милашки и помахала рукой цветущему кусту фуксии.

— Они, наверное, по мне соскучились, — объяснила она. — Так вот, о воскресной школе. Вела я себя хорошо, как ты мне велела. Миссис Линд дома не оказалось, и я пошла в

церковь одна. Нас впустили всех вместе — целую толпу девочек, и я села на край скамейки у окна. Сначала были упражнения. Потом мистер Бэлл прочел ужасно длинную молитву. Я бы, наверное, заснула, слушая ее, если бы не сидела у окна. Мне было видно Лучезарное озеро, и я просто глядела на него и воображала разные замечательные вещи.

— Ну разве можно так вести себя в церкви? Тебе следовало слушать мистера Бэлла!

— Но он же не со мной разговаривал! Он разговаривал с Богом, да и то как-то без интереса, словно не был уверен, что Бог его услышит. Зато я сама прочитала маленькую молитву, глядя, как солнце просвечивает сквозь склонившиеся над озером березы — глубоко, до самого дна. Это было так красиво, Марилла, что я сказала: «Спасибо тебе, Боже!» — два или три раза.

— Надеюсь, не вслух? — обеспокоенно спросила Марилла.

— Нет, про себя. Ну, а потом мистер Бэлл наконец закончил, и мне велели идти в класс мисс Роджерсон. Там сидели еще девять девочек. И на всех были платья с буфами. Я попыталась вообразить, что и на мне такое же, но ничего не вышло. Интересно, почему? Дома в своей комнате все получалось очень хорошо, но в классе, где у всех девочек на самом деле были такие рукавички, у меня ничего не вышло.

— В воскресной школе надо думать не о рукавах, а о том, что говорит учительница.

Надеюсь, ты правильно отвечала на вопросы?

— Да, правильно. Мисс Роджерсон задавала мне ужасно много вопросов. Это даже как-то несправедливо — почему спрашивает только она? Мне тоже хотелось ее кое о чем спросить, но я не стала, так как не чувствовала в ней родственную душу. После урока мисс Роджерсон показала мне нашу скамью, потому что миссис Линд поблизости не было. Я старалась сидеть тихонько и слушать проповедь, но она такая длинная и совсем не интересная. Мне кажется, у нашего священника не хватает воображения. Так что я не особенно его слушала, а думала о своем.

Марилла не знала, как поступить. С одной стороны, надо бы сурово отчитать Энн, но в то же время она не могла отрицать, что многое в словах девочки было правдой, особенно то, как мистер Бэлл читает молитвы и произносит проповеди. Она и сама думала так уже много лет, но ни разу не посмела высказать свои мысли вслух. И вот теперь, как ни стыдно в этом признаться, ее тайные мысли нашли выражение в словах этой маленькой девочки, которая, прожив такую тяжелую жизнь, не разучилась, однако, говорить правду.

## Глава двенадцатая

### ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Марилла узнала о венке, украшавшем шляпку Энн, только в следующую пятницу.

Вернувшись от миссис Линд, она позвала девочку на кухню и сделала ей строгий выговор.

— Миссис Рэйчел говорит, что в воскресенье ты надела поверх шляпки дурацкий венок из лютиков и цветов шиповника. Что это еще за причуды, Энн? На тебя, наверное, смешно было смотреть.

— Я знаю, что розовое и желтое мне не очень идет... — начала Энн.

— При чем здесь идет или не идет? Сама затея надевать на шляпку венок — глупость несусветная, а уж какого цвета венок — не имеет значения. Ох, Энн, какой только ерунды ты не выдумашь!

— Но почему же? У многих девочек к платьям были приколоты маленькие букетики. Какая разница?

Но Марилла не желала вдаваться в общие рассуждения.

— Не спорь со мной, Энн. Ты совершила ужасную глупость. И чтоб я больше ни о чем подобном не слышала. Рэйчел говорит, что она чуть сквозь землю не провалилась, увидев тебя в таком убранстве. Она хотела сказать, чтобы ты поскорей сняла венок, но было уже поздно. Все прихожане только об этом и говорили. Они, небось, вообразили, что это я тебя так вырядила.

— Прости меня, Марилла, — печально сказала девочка, и глаза ее наполнились слезами. — Мне и в голову не пришло, что тебе это может не понравиться. Я думала, что красивые розочки и лютики только украсят мою шляпку. У многих девочек на шляпках были искусственные цветы. Я, наверное, никогда не научусь поступать так, как тебе хочется. Может, лучше отослать меня обратно в приют? Но это будет ужасно: я этого не переживу. У меня, наверное, начнется чахотка — я ведь и так очень худая. Но уж лучше заболеть чахоткой, чем все время огорчать тебя.

— Ерунда, — решительно заявила Марилла, уже пожалевшая о том, что довела девочку до слез. — Я вовсе не хочу отсылать тебя назад в приют. Просто мне хочется, чтобы ты вела себя, как все остальные девочки, и не выставляла себя и меня в глупом свете. Не плачь, Энн. У меня для тебя есть хорошая новость. Сегодня домой вернулась Диана Барри. Я собираюсь пойти к миссис Барри попросить выкройку для юбки. Хочешь, пойдем вместе? Познакомишься с Дианой.

Энн вскочила на ноги, стиснув руки перед грудью. На щеках ее еще блестели слезы, а посудное полотенце, которое она подрубала, упало на пол.

— Ой, Марилла, я боюсь! Что, если я ей не понравлюсь? Это будет самым трагическим разочарованием в моей жизни!

— Ладно, ладно, нечего приходить в такое волнение. И не надо употреблять слишком длинных фраз. Смешно, когда девочка так разговаривает. Диане-то ты понравишься. Главное — понравиться ее матери. Вот если она тебя невзлюбит, тогда уж будет неважно, как отнесется к тебе Диана. Если она слышала о том, как ты кричала на миссис Линд и в каком виде ты явилась в церковь, то уж не знаю, что она о тебе думает. Смотри, веди себя с ней вежливо и не пугай ее своими высказываниями. Господи, Энн, да ты вся дрожишь!

Энн действительно побледнела и начала дрожать.

— Ой, Марилла, ты бы тоже волновалась, если бы тебе предстояло познакомиться с девочкой, в которой ты надеешься найти закадычную подругу, а ее мать может запретить ей дружить с тобой.

Они отправились на ферму Барри кратчайшей дорогой по мостику через ручей и дальше через ельник вверх по склону холма.

На стук Мариллы дверь им открыла сама миссис Барри. Это была высокая черноволосая, черноглазая женщина с крепко сжатыми губами. Ходили слухи, что она воспитывает своих детей в большой строгости.

— Здравствуй, Марилла, — приветливо сказала она. — Заходи. Так это и есть та девочка, которую ты удочерила?

— Да, это Энн Ширли.

— Здравствуй, детка, — ласково кивнула миссис Барри. — Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, мэм, я здорова телом, но душа моя в тревоге, — серьезно ответила Энн. И повернувшись к Марилле, спросила громким шепотом: — Это не очень пугающее высказывание, Марилла?

Диана сидела на диване и читала книжку. Она отложила ее в сторону, когда вошли гости. Это была очень хорошенькая девочка: такие же черные волосы и глаза, как и у ее матери, розовые щечки и веселое выражение лица, которое она унаследовала от своего отца.

— А это моя дочь Диана, — представила ее миссис Барри. — Диана, отведи Энн в сад и покажи ей свои цветы. Хватит портить глаза над книжкой. Она слишком много читает, — пожаловалась миссис Барри Марилле, когда девочки вышли за дверь, — и я не могу это запретить — отец ей во всем потакает. Вот она вечно и сидит с книжкой в руках. Я буду рада, если у нее появится подруга, — может, тогда она больше времени будет проводить на воздухе.

Тем временем Диана и Энн стояли в саду, в потоках розового закатного света, который струился меж высоких старых елей, и застенчиво глядели друг на друга поверх куста роскошных тигровых лилий.

В саду Барри росло невероятное множество самых разных цветов, и Энн наверняка пришла бы от этого в восторг, если бы не трепетала от сознания, что сейчас решается ее судьба.

Вдоль забора стояли развесистые старые ивы и высокие ели, под которыми пестрел ковер тенелюбивых цветов. Сад пересекало несколько дорожек, посыпанных толченым кирпичом и обложенных ракушками, а все остальное пространство заполняли цветы: розовые петунии, огромные красные пионы, белые ароматные нарциссы, розовые, голубые и белые водосборы, лиловые ирисы. Кустиками росла мята, кругом пестрели головки кашки. Это был сад, из которого не хотело уходить солнце, где слышалось неумолчное жужжание пчел и случайно залетевший ветерок легко проносился среди трав и кустов.

Наконец Энн, стиснув руки, проговорила почти шепотом:

— Диана, как ты думаешь, ты могла бы стать моей закадычной подругой?

Диана засмеялась. Она вообще часто смеялась.

— Ну, а почему бы и нет? Я ужасно рада, что ты будешь жить в Грингейбле. Так хорошо, когда есть подруга и есть с кем поиграть. Из девочек здесь поблизости больше никто не

живет, а сестры у меня еще маленькие.

— А ты согласна поклясться, что мы будем дружить до гробовой доски?

Диана широко открыла глаза.

— Говорят, давать клятву грех.

— Да нет, почему же грех? Мы просто пообещаем друг другу никогда не расставаться.

— Да? Ну, это можно. А что нужно делать?

— Нам нужно взяться за руки над текущей водой. Но можно и вообразить, что вот эта дорожка — ручей. Сначала скажу я: «Торжественно клянусь быть верной моей закадычной подруге Диане Барри до конца своих дней». А теперь скажи ты, только уже поставь вместо своего мое имя.

Диана повторила клятву, не переставая смеяться. Потом сказала:

— Какая ты чудная, Энн. Мне уже говорили, что ты чудная, но все равно я уверена, что мы подружимся.

Когда Марилла и Энн отправились домой, Диана пошла их провожать до мостика через ручей. Девочки шли обнявшись. На мостике они распрощались, обещая обязательно встретиться завтра и провести вместе послеобеденное время.

— Ну и как? — спросила Марилла. — Ты нашла в Диане родственную душу?

У

— Остается только надеяться, что ты не заговоришь Диану до смерти, — наконец сумела вставить Марилла. — Только запомни одно, Энн, когда планируешь все эти развлечения. Никто не позволит тебе играть все время. У тебя есть обязанности по дому, и играть ты будешь тогда, когда переделаешь все дела.

Счастье Энн ничто не могло омрачить, но зато Мэтью сумел доставить ей еще одну неожиданную радость. Он только что вернулся из поездки в Кармоди и, опасливо взглянув на Мариллу, смущенно вручил Энн небольшой пакетик.

— Ты говорила, что любишь шоколадные конфеты, вот я и купил тебе пакетик.

— Выдумал тоже! — фыркнула Марилла. — Не хватало ей еще зубы испортить. Ну да ладно-ладно, Энн, только не кисни. Раз уж Мэтью купил, можешь их съесть. Конечно, лучше бы он купил леденцов — они полезнее. И смотри не съешь все сразу, не то живот заболит.

— Нет, Марилла, я вовсе не собираюсь есть их все сразу. Сегодня я съем только одну. А можно, я половину отдам Диане? Остальные мне покажутся вдвое вкуснее. Как хорошо, что у меня теперь тоже есть что ей подарить!

Когда Энн поднялась к себе наверх, Марилла сказала брату:

— Одного у нее не отнимешь — в ней нет жадности. Я этому очень рада — терпеть не могу жадных детей... Подумать только — она у нас живет всего три недели, а мне уже кажется, что она была тут всегда. Даже трудно представить Грингейбл без нее. Ладно-ладно, Мэтью, нечего на меня смотреть — дескать, «а я что говорил?». Мужчине это вовсе не к лицу. Да, я рада, что оставила девочку у себя, и я уже к ней привыкла. Только не надо тыкать мне этим в нос, Мэтью Кутберт!

## Глава тринадцатая

### ВОСТОРГИ ПРЕДВКУШЕНИЯ

— Опять Энн не вернулась, когда я ей велела, — проворчала Марилла, бросив взгляд на часы и осмотрев двор, где все млело в августовском зное. — Сначала она заигралась с Дианой, а теперь вон сидит на поленнице и болтает с Мэтью, хотя я ей приказала прийти домой в два часа и заняться рукоделием. А он, конечно, слушает ее разинув рот. Вот уж человек, прямо голову потерял. Чем больше она трещит и чем непонятнее, тем в больший восторг он приходит. Энн, сейчас же иди домой, слышишь?

Через несколько секунд, в ответ на ее сердитый окрик и стук по стеклу, в дом вбежала Энн. Щеки девочки пылали, глаза блестели, незаплетенные рыжие волосы рассыпались по плечам.

— Ой, Марилла! — вскричала она. — На той неделе воскресная школа устраивает пикник — на поляне у Лучезарного озера. И там будут давать мороженое — подумай только, Марилла, — мороженое! Ты отпустишь меня на пикник?

— Энн, погляди, пожалуйста, на часы! Когда я тебе велела прийти домой?

— В два часа. Ой, Марилла, ну правда, ведь это замечательно, что будет пикник? Ты меня отпустишь? Я никогда в жизни не бывала на пикниках — только мечтала о них, но никогда...

— Я тебе велела быть дома в два часа. А сейчас без четверти три. Почему ты меня не послушалась, Энн?

— Я и хотела прийти в два, но мы с Дианой увлеклись и забыли про время. А потом надо же мне было рассказать Мэтью про пикник. Марилла, ну ты отпустишь меня?

— Когда я тебе говорю, чтобы ты пришла домой в такое-то время, то именно в это время ты и должна прийти, а не являться на полчаса позже. И нечего по пути болтать с разными любителями послушать твои байки. А на пикник я тебя, конечно, пущу. Ты же учишься в воскресной школе, почему же тебе не пойти на пикник, если все пойдут?

— Да, но... — замялась Энн. — Диана говорит, что все возьмут с собой корзинки с едой. Ты же знаешь, Марилла, что я не умею готовить, и хотя я согласна пойти на пикник без пышных буфов, мне будет очень стыдно явиться туда с пустыми руками, без сэндвичей или еще какого-нибудь угощения. Это так меня беспокоит...

— И нечего об этом беспокоиться. Приготовлю я тебе пирожков и всего прочего.

— Ой, Марилла, миленькая, как я тебе благодарна! Энн бросилась на шею Марилле и поцеловала ее в сморщенную щеку. Это был первый случай в жизни Мариллы, когда она ощутила детский поцелуй на своем лице, и ее пронзило непривычное чувство нежности. Эта порывистая ласка Энн заставила ее заговорить с удвоенной строгостью:

— Вот еще придумала — целоваться. Лучше бы слушалась и приходила домой вовремя. А готовить тебе, конечно, надо учиться, я давно уже думаю, что пора начинать. Только уж больно ты у меня безалаберная, а когда готовишь, надо не мечтать, а помнить все время о том, что у тебя на плите.

Всю следующую неделю Энн не могла ни думать, ни говорить ни о чем, кроме предстоящего пикника.

Когда они в воскресенье возвращались с Мариллой из церкви, Энн призналась, что у нее мороз пошел по коже, когда священник объявил с кафедры о том, что в среду воскресная

школа организует пикник.

— Ой, Марилла, у меня внутри все замерло от восторга. Я, наверно, до сих пор не верила, что пикник на самом деле будет. Боялась, что я все это себе вообразила. Но уж когда священник что-то с кафедры объявляет, значит так оно и есть.

— Ох, Энн, ты так себя взвинчиваешь, когда ждешь чего-нибудь хорошего, — со вздохом сказала Марилла. — Боюсь, у тебя в жизни будет много разочарований.

— Но, Марилла, ждать чего-нибудь хорошего — это такое удовольствие. Может, это хорошее и не случится, но ты уже ему порадовалась, воображая, как это будет замечательно. Я считаю, что лучше пусть меня постигнет разочарование, чем вообще не ждать от жизни ничего хорошего...

В этот день Марилла, как обычно, заколола ворот платья аметистовой брошью. Она всегда надевала ее в церковь. Наверное, ей показалось бы чуть ли не кощунством явиться в церковь без броши — все равно что забыть Библию или десятицентовик для церковной кружки. Аметистовая брошь была ее самой большой ценностью. Когда-то мать Мариллы получила эту брошь в подарок от брата-матроса, а от нее брошь перешла Марилле. Старомодной овальной формы, она была украшена великолепными аметистами, а в ладанке помещалась прядь волос матери. Марилла плохо разбиралась в драгоценных камнях, но аметисты казались ей необыкновенно красивыми, и когда она прикалывала брошь к своему выходному коричневому платью, то ни на секунду не забывала об их переливчатом лиловатом сиянии.

Увидев эту брошь в первый раз, Энн пришла в восторг:

— Ой, Марилла, какая очаровательная брошь! Не знаю, как ты ухитришься слушать проповедь и молиться, когда на тебе такая красота. Я бы ни за что не смогла. Я так люблю аметисты! Раньше, когда я еще не видела бриллиантов, а только читала о них, мне казалось, что они должны быть лиловыми. Но когда я увидела у одной дамы кольцо с настоящим бриллиантом, я даже расплакалась от разочарования. Конечно, это был очень красивый камень, но я представляла его себе совсем по-другому. Можно, я подержу брошь, Марилла? А ты не думаешь, что аметисты — это души добрых фиалок?

## Глава четырнадцатая

### ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

В понедельник, за два дня до пикника, Марилла вышла из своей комнаты, озабоченно хмурясь. — Энн, — спросила она девочку, которая лущила горох за безукоризненно чистым кухонным столом, распевая «Нелли в орешнике» — Диана все же научила ее этой песенке, — ты нигде не видела мою брошь? Я считала, что приколола ее к подушечке для булавок, но ее там нет.

— Я видела брошь, когда ты уходила на заседание общества, — как-то странно помедлив, проговорила Энн. — Я проходила мимо твоей комнаты, заметила ее на подушечке и зашла посмотреть.

— Ты ее трогала? — Марилла сурово сжала губы.

— Д-да, — призналась Энн. — Я взяла ее и приколола себе на грудь — посмотреть, идет мне или нет.

— Кто же тебе позволил брать мои вещи? Так нельзя. И в комнату ко мне незачем было заходить, а уж тем более трогать то, что тебе не принадлежит. Куда ты ее дела?

— Я положила ее обратно на комод. Минуточку поносила и положила на место. Извини меня, Марилла, я не знала, что это нехорошо — зайти к тебе в комнату и примерить брошь. Теперь я понимаю, что этого не надо было делать, и больше никогда не буду. Ты не можешь отрицать, что, по крайней мере, я не повторяю одну и ту же ошибку дважды.

— Но ты не положила ее на место. Броши нигде нет. Ты взяла ее и куда-то унесла, Энн.

— Нет, положила! — поспешно и, как показалось Марилле, дерзко заявила девочка. — Я, правда, не помню, приколола я ее к подушечке или нет. Но я точно знаю, что оставила ее на комоде.

— Ладно, попробую поискать еще, — вздохнула Марилла, решив, что у нее нет оснований не верить девочке. — Если ты положила ее на место, то она там и лежит. А если нет, значит ты ее унесла.

Марилла пошла к себе в комнату и тщательно ее обыскала, поглядев не только на комоде, но везде, куда могла завалиться брошь. Однако броши нигде не оказалось, и Марилла вернулась на кухню с потемневшим лицом.

— Энн, брошь исчезла. Ты сама призналась, что последней брала ее в руки. Что ты с ней сделала? Скажи мне правду! Ты унесла ее и потеряла?

— Нет, я не уносила ее из комнаты, — серьезно ответила Энн, прямо глядя в глаза Мариллы. — Могу положить голову на плаху, хотя мне не очень ясно, что такое плаха. И ничего другого я тебе сказать не могу.

Последние слова девочки Марилла восприняла как вызов.

— Это неправда, Энн. Я же вижу. Можешь больше вообще ничего не говорить, пока не решишься сказать правду. Иди к себе в комнату. Будешь сидеть там до тех пор, пока чистосердечно не признаешься.

— А горох с собой взять? — кротко спросила Энн.

— Нет, я сама доделаю. Иди и подумай.

Энн ушла, а Марилла занялась домашними делами. На душе у нее было очень нехорошо.

Неужели дорогая брошь пропала? Что, если Энн ее потеряла? И как ей не стыдно отрицать,

что она ее взяла, ведь сама брошь никуда не могла деться? Врать в глаза, да еще с таким невинным видом!

«Господи, пусть бы случилось все что угодно, но не это, — думала Марилла. — Определенно, она не хотела ее терять. Просто взяла поиграть, чтобы легче было представить себя какой-нибудь графиней. Конечно, взяла она, больше некому, в комнату после нее вообще никто не входил. А брошь-то пропала. Наверное, потеряла и боится признаться — думает, что я ее строго накажу. Неужели она способна солгать? Это похуже, чем вспыльчивый характер. Ужасно, когда у тебя в доме живет ребенок, которому нельзя доверять. Не так жалко брошь, как тяжело сознавать, что Энн обманывает. Сказала бы правду — мне сразу стало бы легче».

Весь вечер Марилла то и дело поднималась к себе в комнату и опять принималась искать брошь. Однако ее нигде не было. Перед сном она зашла к Энн, но та по-прежнему отрицала свою вину, и Марилла еще больше уверилась, что Энн говорит ей неправду.

Наутро она рассказала о случившемся Мэтью. Тот был совершенно обескуражен и озадачен: он привык верить Энн и не хотел ее подозревать, — но брошь-то пропала!

— А за комод она не могла завалиться? — спросил он.

— Я отодвигала комод от стены и обыскала все ящики. Кажется, не пропустила ни одного уголка или щелочки. Брошь исчезла, и я уверена, что Энн взяла ее, хотя и все отрицает. Ничего не поделаешь, Мэтью, она лжет, и от этого никуда не денешься.

— Ну и что ты собираешься предпринять? — уныло поинтересовался Мэтью. В глубине души он был рад, что ему не надо самому решать этот вопрос.

— Будет сидеть у себя в комнате, пока не признается, — мрачно решила Марилла, вспоминая, что в прошлый раз эта мера оказалась весьма действенной. — А там поглядим. Если она скажет, куда ее дела, может, мы еще найдем брошь. Во всяком случае, Мэтью, Энн надо будет строго наказать.

— Ну, ты и наказывай, Марилла, — сказал Мэтью, надевая шляпу. — Я тут ни при чем. Помнишь, как ты запретила мне вмешиваться?

Марилла чувствовала, что ее все покинули. Она даже не могла посоветоваться с миссис Рэйчел. Она опять пошла к Энн с самым серьезным выражением лица и вернулась от нее чернее тучи. Девочка по-прежнему отрицала, что взяла брошь. Ее глаза покраснели от слез, и Марилле на минуту стало ее жаль. Но она решительно подавила в себе эту слабость. К вечеру Марилла, как она выразилась, еле таскала ноги.

— Будешь сидеть у себя в комнате, пока не признаешься! — заявила она Энн. — Лучше сделай это побыстрее.

— Марилла, но завтра же пикник! — жалобно воскликнула Энн. — Неужели ты меня непустишь? Отпусти меня только на пикник, а потом запрешь опять! Пожалуйста, Марилла. Я потом буду сидеть тут сколько угодно и слова не скажу. Ну, неужели ты меня непустишь?

— Пока не признаешься, не видать тебе никаких пикников, Энн.

— Марилла! — в глазах девочки блеснули слезы. Но та уже вышла из комнаты и захлопнула дверь.

В среду с утра ярко сияло солнце — лучшей погоды для пикника и вообразить было невозможно. Над Грингейблом распевали птицы, от белых лилий струился аромат, который

проникал в дом сквозь все окна и двери и бродил по нему как добрый призрак. Березы в ложине весело качали кронами, казалось, ожидая, что Энн, как обычно, помашет им из окна рукой. Но Энн в окне не появлялась. Когда Марилла принесла ей на подносе завтрак, девочка, выпрямившись, сидела на кровати. Ее лицо было бледным, губы плотно сжаты, глаза горели решимостью.

— Марилла, я хочу сделать чистосердечное признание.

— Наконец-то!

Марилла поставила поднос на стол. Ее метод опять увенчался успехом. Но у этого успеха был очень горький привкус.

— Ну что ж, Энн, выкладывай.

— Я взяла аметистовую брошь, — заговорила Энн таким тоном, будто повторяла выученный урок. — Ты была права — я не хотела ее брать, но не удержалась. Она такая красивая, Марилла. Я приколола ее к груди, и тут меня охватило непреодолимое искушение. Я представила себе, как было бы замечательно пойти с ней в наш лесной домик и там вообразить, будто я вовсе не я, а леди Корделия Фитцджеральд. Мне будет гораздо легче представить себя леди Корделией, если у меня на груди будет аметистовая брошь. Мы с Дианой делаем ожерелья из шиповника, но что такое шиповник по сравнению с аметистами? Вот я и взяла брошь. Я собиралась положить ее на место до твоего возвращения. Когда я шла по мостику через Лучезарное озеро, то отколола брошь, чтобы посмотреть на нее в солнечных лучах. Как она сверкала и искрилась! Я держала ее над водой и слегка поворачивала, чтобы поймать каждую искорку — и вдруг она выскользнула у меня из рук, упала в воду и пошла ко дну, посылая мне прощальные лиловые отблески. Она похоронена на дне Лучезарного озера. Вот, Марилла, я призналась, больше мне сказать нечего.

Кровь бросилась Марилле в голову. Эта девчонка взяла без спросу ее драгоценную брошь, потеряла, а теперь спокойно говорит об этом, и на лице ее нет ни капли сожаления или раскаяния!

— Ты поступила ужасно, Энн. — Марилла изо всех сил старалась сдерживаться. — Ты самая скверная девочка, какую только можно себе представить.

— Да, наверное, — хладнокровно кивнула Энн. — Я заслуживаю самого ужасного наказания. Твой долг, Марилла, — наказать меня. И пожалуйста, наказывай меня поскорее, чтобы я могла пойти на пикник со спокойным сердцем.

— Какой еще пикник? Ни на какой пикник ты не пойдешь, Энн Ширли! Это и будет тебе наказанием. Да за твой проступок ты заслуживаешь куда более суровой кары.

— Как? Ты непустишь меня на пикник? — Энн соскочила с кровати и схватила Мариллу за руку. — Но ты же обещала меня отпустить! Как же так? Я для того и призналась, чтобы ты меня пустила. Накажи меня как хочешь, Марилла, только, пожалуйста, пожалуйста, позволь мне пойти на пикник! Там же будет мороженое! Может быть, у меня больше никогда в жизни не будет случая попробовать мороженое!

Марилла с каменным лицом оттолкнула девочку.

— Перестань клянчить, Энн. Ни на какой пикник ты не пойдешь. Это мое последнее слово.

Осознав, что уговоры бесполезны, Энн пронзительно закричала и бросилась ничком на кровать, где принялась рыдать и корчиться, дав волю своему отчаянию.

— Боже правый! — ахнула Марилла и поспешно вышла из комнаты. — По-моему, она ненормальная. Разве так ведут себя нормальные дети? Или она безнадежно испорчена. Боюсь, что Рэйчел была права. Но назад ходу мне уже нет.

Совершенно расстроившись, Марилла провела утро в непрерывных трудах. Когда все домашние дела были переделаны, она вымыла крыльцо и полки, где стояли бидоны с молоком. Ни крыльцо, ни полки вовсе в этом не нуждались, но в работе Марилла находила облегчение. Потом она решила пройтись с граблями по двору.

Когда наступило время обеда, она поднялась по лестнице и позвала Энн. Над перилами появилось заплаканное личико.

— Иди обедать, Энн.

— Я не хочу есть, — сквозь слезы проговорила девочка. — У меня кусок застрянет в горле. Мое сердце разбито. Когда-нибудь ты пожалеешь, что разбила мое сердце, Марилла. Но я тебя прощаю. Когда тебя начнут мучить угрызения совести, вспомни, как я тебя простила. Только не заставляй меня есть, особенно вареную свинину с горохом. Такая неромантическая еда совсем не подходит для человека с разбитым сердцем.

Марилла резко повернулась и пошла на кухню, где обрушила все свои горести на Мэтью. Брат выслушал ее, но сердце его разрывалось: Марилла поступила по справедливости, но все равно...

— Ты права, Марилла, ей не следовало брать брошь, — согласился он, уныло глядя в тарелку, где лежала свинина с горохом: похоже, как и Энн, он считал, что эта еда не подходит для человека, у которого скверно на душе. — Но она же еще совсем маленькая девочка — и такая славная девочка. Неужели тебе ее не жалко? Она так мечтала об этом пикнике.

— Ты меня удивляешь, Мэтью Кутберт! Я считаю, что она еще легко отделалась. Она будто и не понимает, как скверно поступила, — вот это меня больше всего огорчает. Если бы я видела, что она раскаивается, мне было бы легче. И ты тоже, я вижу, совсем этим не огорчен — как всегда, готов во всем ее оправдать!

— Да что там, она ведь совсем ребенок, — повторил Мэтью, которому больше ничего не приходило в голову. — И нельзя забывать, где она выросла: ее же никто не воспитывал.

— Ну так вот, теперь я ее воспитываю! — отрезала Марилла.

Мэтью умолк, но остался при своем мнении.

После обеда, который прошел в атмосфере общего уныния, Марилла вымыла посуду, покормила кур и вспомнила: когда она в понедельник вернулась с собрания и снимала свою кружевную черную шаль, то заметила в ней небольшую дырочку. «Надо пойти ее зашить», — решила она.

Шаль лежала в ящике комода. Марилла вынула ее, и тут луч солнца, пробившийся сквозь завесу дикого винограда, закрывавшего окно, высветил что-то, сверкнувшее фиолетовым блеском. Марилла ахнула и схватила аметистовую брошь, которая висела на ниточке, зацепившись за нее застежкой.

— Боже правый, — проговорила она, тупо глядя на брошь, — как это понимать? Вот же моя брошь, и вовсе она, оказывается, не утонула в пруду. Зачем же эта девочка на себя наговорила? Нет, это просто черти со мной играли. Теперь я вспомнила: когда я в понедельник сняла шаль, я на минутку положила ее на комод. Вот брошь, видно, и зацепилась. Что же теперь делать?

Сжимая в руках свою находку, Марилла поспешила к Энн. Та уже перестала плакать и с подавленным видом сидела у окна.

— Энн Ширли, — серьезно начала Марилла, — я нашла свою брошь. Она зацепилась за кружевную шаль. Но что за басню ты сочинила мне сегодня утром?

— Но ты же сказала, что не выпустишь меня, пока я не признаюсь, вот я решила признаться, чтобы пойти на пикник. Я весь вечер придумывала чистосердечное признание и повторяла его много раз, чтобы не забыть. А ты все равно не пустила меня на пикник, так что я старалась напрасно.

Марилла рассмеялась. Но она чувствовала себя виноватой.

— Энн, до чего ты только не додумаешься! Но я была не права — теперь я это вижу. Я должна была тебе поверить — ты мне еще ни разу не соврала. Но зачем же было сознаваться в том, чего ты не делала? Это тоже нехорошо. Хотя я сама тебя к этому вынудила. Так что давай договоримся — если ты простишь меня, я прощу тебя, и все у нас будет хорошо. И давай быстрее собирайся на пикник.

Энн взлетела как ракета.

— Ой, Марилла, а разве я не опоздала?

— Нет, не опоздала. Сейчас два часа. Они, наверное, только начали собираться, а чай станут пить не раньше чем через час. Умойся, причешись, надень свое клетчатое платье, а я тем временем соберу тебе пирожков и пирожных. Их у меня в доме предостаточно. Я скажу Джерри, чтобы он запряг кобылку и отвез тебя на озеро.

— О Марилла! — в восторге завизжала Энн, бросаясь к умывальнику. — Пять минут назад у меня сердце разрывалось от горя и я жалела, что родилась на свет, а сейчас у меня прямо крылья выросли!

Вечером Энн вернулась домой в состоянии неопишуемого блаженства.

е

Вечером Марилла рассказала Мэтью про найденную брошь.

— Должна признаться, что я ошиблась, — горько вздохнула она. — Это послужит мне уроком. Когда я сейчас вспоминаю ее «чистосердечное признание», меня смех берет, хотя я должна на нее рассердиться за ложь — ведь это действительно была ложь. Но почему-то мне эта ложь не кажется такой уж предосудительной — во всяком случае, не такой, как если бы она потеряла брошь и отпиралась. К тому же я сама вынудила ее сочинить подобное «признание». Эту девочку иногда нелегко понять. Но сердце у нее доброе, и она вырастет честным человеком. И уж одного у нее не отнимешь — с ней не соскучишься!

## Глава пятнадцатая

### БУРЯ В ШКОЛЬНОМ СТАКАНЕ ВОДЫ

— Какой чудесный день — упоение! — воскликнула Энн, с наслаждением вдыхая лесной воздух. — И еще большее упоение — ходить в школу по этим чудесным тропинкам!

— Правда, куда приятнее, чем по дороге — там так пыльно и жарко, — согласилась практичная Диана.

Энн и Диана действительно ходили в школу по очаровательным местам. Выходя из дому, Энн сначала шла по дорожке, которая начиналась у яблоневого сада и потом пересекала лесок. Она назвала эту дорожку Тропой Мечтаний, потому что, как Энн объяснила Марилле, здесь она могла сколько душе угодно мечтать вслух, не боясь, что ее сочтут помешанной. Возле ручья они встречались с Дианой и шли дальше по тропинке под сводом развесистых кленов, пока не доходили до маленького мостика. Тут девочки сворачивали с тропы и двигались через поле мистера Барри и мимо крошечного озера, который они называли Ивовым омутом. Пройдя мимо Ивового омута, они оказывались на Фиалковой поляне — маленьком зеленом островке посреди леса, принадлежавшей Эндрю Бэллу.

— Сейчас там, конечно, фиалок нет, — объясняла Марилле Энн, — но Диана говорит, что весной их там просто миллионы. Марилла, ты можешь себе представить миллионы фиалок? У меня просто дух захватывает. Вот я и назвала поляну Фиалковой. Диана говорит, что я замечательно придумываю красивые названия. Все-таки приятно, когда у тебя хоть что-нибудь хорошо получается, правда? А Березовую аллею назвала так Диана. Ей очень хотелось, и я позволила, хотя сама придумала бы что-нибудь более поэтичное. Березовая аллея — это одно из самых красивых мест на свете, Марилла.

Так думал каждый, кто туда попадал. Это была узкая тропинка, окруженная стройными молодыми березками, она тянулась вниз по холму через лес мистера Бэлла и в конце концов выходила на большую дорогу. А там девочкам оставалось только немного подняться к школе. Школа помещалась в чисто выбеленном одноэтажном здании с низкой крышей и большими окнами. В классе стояли удобные широкие парты с открывающимися крышками, на которых уже несколько поколений школьников вырезали свои имена, фамилии и прочие полезные сведения. Школа стояла в стороне от дороги, и прямо за ней виднелись пихтовая роща и ручей, куда дети утром опускали свои бутылки с молоком, чтобы оно оставалось прохладным и свежим до большой перемены.

Первого сентября Марилла проводила Энн в школу с беспокойной душой. Энн такая странная девочка. Сможет ли она поладить с другими детьми? И не будет ли непрерывно болтать на уроках?

Однако Энн вернулась вечером домой в отличном расположении духа.

— Мне понравилось в школе! — объявила она. — Правда, учитель не очень. Он все время крутит усы и строит глазки Присси Эндрюс. Она уже совсем взрослая. Ей шестнадцать лет, и она готовится поступать в следующем году в Куинс-колледж в Шарлоттауне. Тилли Боултер говорит, что учитель по уши влюблен в нее. У нее розовые щечки и волнистые русые волосы, и она их очень красиво причесывает. Она сидит за длинной партой в конце класса позади всех, а он обычно садится рядом с ней — вроде бы объясняет урок. Руби Джиллис утверждает, что один раз он написал на ее грифельной доске что-то такое, отчего

она вспыхнула как маков цвет и захихикала. Руби Джиллис говорит, что, наверное, это не имело никакого отношения к урокам.

— Послушай, Энн, я не желаю выслушивать сплетни про вашего учителя, — резко оборвала ее Марилла. — Тебя не для того послали в школу, чтобы ты критиковала учителей. Твое дело учиться, и уж наверняка тебя-то он может кое-чему научить. Так что этим и занимайся. Ты хорошо себя вела на уроках?

— Хорошо, — спокойно кивнула Энн. — Это оказалось не так уж и трудно. Я села вместе с Дианой. Наша парта около окна, и из него видно Лучезарное озеро. В школе столько симпатичных девочек! Мы ужасно весело играли на перемене. Приятно, когда есть с кем поиграть. Но, конечно, больше всех я люблю Диану. Я очень отстала от других девочек моего возраста. Мне это как-то обидно. Но зато ни у кого из них нет такого богатого воображения. У нас сегодня было чтение, география, история Канады и диктант. Мистер Филлипс сказал, что я делаю ужасно много ошибок, и даже показал мой листок классу, чтобы все видели, как он его исчеркал. Это тоже было очень неприятно, Марилла, — мог бы и повежливее обращаться с девочкой, которая в первый раз пришла к нему в класс. Руби Джиллис дала мне яблоко, а Софи Слоун — хорошенькую открытку с надписью: «Можно, я провожу тебя до дома?» Завтра я должна ее вернуть. А Тилли Боултер одолжила мне на время обруч для волос. Можно, я тоже сделаю себе обруч для волос из тех бус, что валяются у нас в мансарде? Ой, Марилла, Джейн Эндрюс говорит, что она слышала, как Присси Эндрюс сказала Саре Джиллис, что у меня очень хорошенький носик. Марилла, это первый комплимент в моей жизни! Мне даже стало как-то странно. Как ты считаешь, Марилла, у меня хорошенький носик?

— Носик как носик, вполне сносный, — согласилась Марилла, хотя в глубине души считала, что у Энн в самом деле необыкновенно хорошенький носик, но вовсе не собиралась ей об этом говорить.

С тех пор минуло три недели, и все как будто шло прекрасно. И вот в солнечный сентябрьский денек Энн и Диана вприпрыжку бежали по Березовой аллее, и настроение у них было просто замечательное.

— Сегодня, наверное, придет Джильберт Блайт, — сказала Диана. — Он все лето жил у родственников в Нью-Брансуике и вернулся домой только в субботу. Он ужасно интересный парень, Энн. И страшно любит дразнить девочек. Просто житья от него никакого нет. Однако в голосе Дианы не слышалось особого негодования по этому поводу.

— Джильберт Блайт? — переспросила Энн. — Так это его имя написано на стене: «Джильберт + Джулия = любовь»?

— Да, — пренебрежительно кивнула Диана, — но, по-моему, она ему не так уж и нравится. Он как-то заявил, что изучает по ее веснушкам таблицу умножения.

— Только не говори мне о веснушках! — взмолилась Энн. — Это все равно что в доме повешенного говорить о веревке. Я считаю, что писать на стене такие вещи про мальчиков и девочек — ужасная глупость. Пусть только кто-нибудь посмеет написать так про меня! Хотя, — поспешно добавила Энн, — никто про меня такого, конечно, не напишет...

И она вздохнула. Ей вовсе не хотелось, чтобы про нее писали, будто у нее с каким-то мальчиком любовь. Но сознавать, что такая опасность ей не грозит, тоже было как-то

обидно.

— Почему это не напишет? — великодушно возразила Диана, смоляные кудри и черные глаза которой поразили не одно мальчишеское сердце, а имя ее появлялось на стене чуть ли не в полдюжине различных сочетаний. — Это же просто шутка. И с чего ты взяла, что про тебя никогда такого не напишут? Чарли Слоун в тебя уже втюрился. Он сказал своей маме — маме! — что ты самая умная девочка в школе. А это поважнее, чем быть просто хорошенькой.

— Нет, не важнее, — возразила Энн как истинная женщина. — Я бы предпочла быть хорошенькой. А Чарли Слоуна я терпеть не могу. Не выношу лупоглазых мальчишек. Если бы про нас с ним написали «любовь», я бы умерла со стыда. Но быть первой ученицей в классе, конечно, приятно.

— Теперь в твоем классе будет учиться Джильберт, а он всегда был первым. Он тоже отстал от других. Четыре года назад его отец заболел и поехал лечиться в Альберту, и Джил поехал вместе с ним. Они там пробыли три года, и Джил почти совсем не ходил в школу. Но с ним тебе будет не так-то легко соперничать.

— Вот и прекрасно, — поспешно отозвалась Энн. — Невелика честь быть первой ученицей среди девяти-десятилеток.

Когда мистер Филлипс отправился на заднюю скамейку помогать Присси Эндрюс готовить задание по латыни, Диана шепнула Энн:

— Вот он, Джильберт Блайт, — с другой стороны от прохода. Правда, красивый мальчишка? Энн поглядела направо и смогла хорошенько рассмотреть Джильберта. Он как раз сосредоточенно прикалывал кнопкой косичку Руби Джиллис, которая сидела перед ним, к спинке ее скамейки. Джильберт был высокий мальчик, с вьющимися волосами, глазами плута и явной склонностью к самым разным проделкам. Когда Руби попыталась встать, чтобы отдать учителю тетрадку с задачей, ей вдруг показалось, что косичку у нее вырвали с корнем. Она взвизгнула на весь класс и рухнула на скамейку. Все взоры устремились к ней, а мистер Филлипс так свирепо нахмурился, что Руби расплакалась. Джильберт тем временем проворно вытащил кнопку и сосредоточенно уставился в учебник истории. Когда волнение в классе улеглось, он глянул на Энн и весело ей подмигнул.

— Пожалуй, и правда красивый парень, — сказала Энн Диане, — но слишком развязно ведет себя. Придумал тоже — подмигивать девочке, с которой даже не знаком!

Однако главные события были впереди.

После перемены мистер Филлипс опять отошел к задней парте объяснять Присси Эндрюс задачу по алгебре, предоставив остальным ученикам делать все что заблагорассудится.

Одни ели яблоки, другие перешептывались, третьи рисовали картинки на своих грифельных досках, четвертые гоняли по проходу упряжки из сверчков. А Джильберт Блайт пытался обратить на себя внимание новенькой, Энн Ширли, но у него ничего не получалось: Энн забыла и о нем, и обо всех остальных учениках, забыла даже о том, что сидит в школе.

Подперев подбородок ладошкой, она устремила взор на голубой просвет Лучезарного озера, который ей был виден из окна, и Унеслась мыслями в страну волшебных грез.

Джильберт Блайт не привык, чтобы девочки игнорировали его. Нет, он все-таки заставит эту задавалу с острым подбородком и глазами, каких нет ни у одной другой девочки в Эвонли,

посмотреть в его сторону.

Джилберт протянул через проход руку, дернул Энн за рыжую косичку и проговорил громким шепотом, который слышал весь класс:

— Морковкин хвостик!

Тут уж Энн обратила на него внимание! Да так, как ему и в дурном сне не приснилось бы! Грубо вырванная из страны грез, она вскочила на ноги, глаза ее негодуя засверкали, а еще через минуту наполнились гневными слезами.

— Мерзкий, злобный мальчишка! — крикнула она. — Как ты смеешь обзывать?!

И, схватив грифельную доску, она с такой силой стукнула ею Джилберта по голове, что та треснула пополам — доска, конечно.

Класс замер от восторга — кто не любит скандала? Диана ахнула. У Руби Джиллис, которая плакала по любому поводу, по щекам потекли слезы. Томми Слоун разинул рот от изумления и даже не заметил, как его упряжка сверчков скрылась под шкафом.

Мистер Филлипс быстрым шагом прошел по проходу и тяжело положил руку на плечико Энн.

— Что это за выходки, Энн Ширли? — грозно спросил он.

Энн молчала. Не станет же она повторять перед всем классом, что ее косичку называли морковкиным хвостиком. Но за нее вступился Джилберт:

— Я сам виноват, мистер Филлипс. Я ее дразнил. Мистер Филлипс, однако, не обратил на его слова никакого внимания.

— Я не предполагал, что у меня в классе возможны такие безобразные сцены, — торжественно проговорил он, словно сам факт пребывания здесь должен был очистить души маленьких грешников от всех недостойных страстей. — Поди встань у доски, Энн. Будешь так стоять до конца уроков.

Побелевшая как полотно Энн подошла к доске. Мистер Филлипс взял мел и написал у нее над головой: «Энн Ширли недопустимо вспыльчива. Энн Ширли надо учиться держать себя в руках».

Он произнес эти слова вслух, чтобы они дошли до сознания даже малышей из первого класса, которые еще не научились читать.

Так Энн и простояла у доски до конца уроков. Она не плакала и смотрела прямо перед собой. В ней все еще кипел гнев — наверное, именно он и давал ей силы вынести это унижение. Одинаково негодующим взглядом она глядела и на Диану, которая была полна сочувствия, и на Чарли Слоуна, возмущенно кивавшего в сторону Джилберта, и на Джози Пайн, на лице которой играла злорадная усмешка. А Джилберта Блайта она просто не видела. Она поклялась себе, что больше никогда в жизни на него не посмотрит и не будет с ним разговаривать до самой могилы.

Когда кончились уроки, Энн вышла из класса с гордо поднятой головой. Джилберт попытался перехватить ее в дверях.

— Энн, извини, что я тебя дразнил, — покаянно прошептал он. — Мне очень жаль, честное слово. Не сердись на меня, ладно?

Энн прошла мимо, даже не удостоив его взглядом.

— Почему ты не захотела его простить, Энн? — полуукоризненно-полувосхищенно спросила Диана. Сама она ни за что бы не устояла перед просьбой Джильберта.

— Я никогда не прощу Джильберта Блайта, — твердо заявила Энн. — Мое сердце заковано в латы.

Диана весьма смутно представляла себе, что произошло с сердцем Энн, но поняла — это что-то ужасное.

— Зря ты на него так рассердилась, — осторожно заметила она. — Он всех девочек дразнит. Про меня он говорит, что я похожа на ворону. И еще ни разу ни перед кем не извинялся.

— Одно дело сказать, что ты черная как ворона, а другое — сказать про твою косичку, что это морковкин хвостик, — с достоинством произнесла Энн. — Джильберт Блайт нанес мне несмываемое оскорбление.

Может быть, оскорбление все-таки постепенно и смылось бы, если бы на этом все кончилось. Но, как говорится, беда не приходит одна.

Во время большой перемены школьники любили собирать жевательную смолу в ближнем лесочке, откуда им был виден дом Эбена Уайта. Мистер Филлипс снимал у него комнату и в перерыв ходил туда обедать. Когда дети видели, что учитель вышел из дому, они бежали к школе, но так как расстояние от лесочка до школы было раза в три больше, чем от дома мистера Уайта, они часто прибегали запыхавшись, минуты на три позже учителя.

И вот на следующий день, после того как Энн наказали за вспыльчивость, мистер Филлипс в очередном порыве реформаторского вдохновения заявил, уходя обедать, что к его возвращению все ученики должны быть на своих местах. Опоздавших он строго накажет.

Однако все мальчики и многие девочки, как всегда, отправились в пихтовую рощу, исполненные самых благих намерений — набрать смолы только на одну жвачку и тут же вернуться назад. Но в роще было так хорошо, а желтые сгустки смолы так соблазнительны, что они совсем забыли про угрозу учителя, пока Джимми Гловер, забравшийся чуть ли не на верхушку старой пихты, не закричал:

— Идет!

Девочки, которые стояли внизу, бросились в школу и успели сесть на места вовремя. Но мальчикам надо было еще спуститься с деревьев, и они, конечно, опоздали. Опоздала и Энн, которая вообще не интересовалась жвачкой, а просто забрела в заросли папоротника и плела венок из лилий, тихонько напевая про себя. Она оказалась бы последней, но так как очень быстро бегала, то догнала мальчиков в дверях и вместе с ними влетела в класс в тот момент, когда мистер Филлипс уже вешал свою шляпу на гвоздь.

Реформаторский пыл учителя уже угас, и ему не хотелось наказывать добрый десяток учеников, но и бросать слова на ветер тоже как-то негоже. И он решил найти козла отпущения. Энн, запыхавшись, шлепнулась на свое место и совсем забыла про венок, который съехал на одно ухо и придавал ей совершенно ухарский вид. Что ж, она идеально подходила на эту роль.

— Энн Ширли, — сказал мистер Филлипс насмешливым тоном, — вижу, ты предпочитаешь общество мальчиков, и я решил пойти тебе навстречу. Сними с головы венок и садись за одну парту с Джильбертом Блайтом.

Мальчики сразу заухмылялись. Диана, побледнев от жалости, сорвала с головы Энн венок и сжала ей руку. Энн глядела на учителя расширенными глазами, она словно окаменела.

— Ты слышала, что я сказал, Энн? — строго спросил мистер Филлипс.

— Да, сэр, — медленно произнесла Энн. — Но неужели вы говорите это всерьез?

— Уверю тебя, что да, — ответил учитель тем саркастическим тоном, который ненавидели все дети в классе, а Энн в особенности. — Делай, что тебе велят.

На минуту в глазах Энн вспыхнула бунтарская искра — казалось, она сейчас откажется выполнять приказание учителя. Но потом, словно осознав, что выхода нет, она встала с гордым видом, сделала два шага через проход и села рядом с Джильбертом Блайтом, положив руки на парту и опустив на них голову. Руби Джиллис, которая мельком увидела лицо Энн, до того как она его закрыла, потом рассказывала девочкам, что она не представляла, что у человека может быть такое лицо — белое как полотно и с жуткими красными пятнами на щеках.

Энн казалось, что в ее жизни наступил настоящий крах. Мало того, что среди десятка одинаково провинившихся учитель решил наказать ее одну; мало того, что он назначил ей особенно унижительное наказание — сидеть за одной партой с мальчиком... Но чтобы этот мальчик оказался не кем иным, как ее врагом номер один Джильбертом Блайтом... Нет, этого она перенести не сможет. Не будет даже и пытаться. Все существо Энн кипело от гнева, стыда и унижения.

Сначала дети в классе тарасили на нее глаза, толкали друг друга локтями и перешептывались. Но Энн не двигалась и не поднимала головы, а Джильберт решал задачу с дробями с таким видом, словно в целом свете его интересовали только дроби. В конце концов все занялись своими делами и забыли про Энн. В какой-то момент, когда на них никто не смотрел, Джильберт достал из парты розовую конфетку в виде сердечка и положил перед Энн. Девочка тут же подняла голову, взяла двумя пальцами розовое сердечко, бросила его на пол и раздавила каблуком. После этого она приняла прежнее положение, даже не удостоив Джильберта взглядом.

Когда уроки закончились, Энн подошла к своей парте, вынула из нее все книжки, мелки, ручку, чернильницу, Библию, задачник по арифметике и демонстративно сложила на своей треснутой грифельной доске.

— Зачем ты все это уносишь домой, Энн? — спросила Диана, как только они вышли из школы. Раньше она просто не осмелилась задать этот вопрос.

— Я больше не буду ходить в школу, — отрезала Энн.

Диана даже споткнулась.

— А Марилла тебе позволит?

— Ей придется позволить. У такого учителя я не хочу учиться.

— Энн, что ты говоришь?! — Диана, казалось, вот-вот заплачет. — Это нечестно. А я что буду делать? Мистер Филлипс посадит меня с этой мерзкой Гerti Пайн, обязательно посадит — она ведь сидит одна. Энн, пожалуйста, не бросай школу.

— Диана, ради тебя я готова сделать все, что ты попросишь, — грустно сказала Энн. — Я вошла бы в клетку к хищным зверям — пусть бы они меня разорвали на кусочки. Но не проси меня вернуться в школу. Я не могу. Не терзай мою душу.

— Но тебе же будет ужасно скучно! — уговаривала ее Диана. — Мы же собирались всем классом строить новый шалаш у ручья. Собирались выучить новую песенку — Джейн Эндрюс ее уже разучивает; а Элис Эндрюс обещала на той неделе принести новую книжку, и мы будем читать ее по очереди вслух, сидя у ручья. Ты же обожаешь читать вслух, Энн! Но все уговоры были напрасны. Обратно в школу, где правит мистер Филлипс, она больше не вернется. Так она и сказала Марилле, когда пришла домой.

— Не болтай глупости, — отмахнулась Марилла.

— Это не глупости, — проговорила Энн, глядя на Мариллу бесконечно печальными глазами. — Неужели ты не понимаешь, Марилла? Он меня оскорбил.

— Выдумала тоже — оскорбил! Пойдешь завтра в школу как миленькая!

— Нет, не пойду, — покачала головой Энн. — Я никогда туда больше не пойду, Марилла. Я буду учиться Дома, постараюсь себя хорошо вести и помалкивать, насколько это в моих силах. Но в школу я не пойду ни за что на свете.

Марилла увидела в глазах Энн непоколебимую решимость, которую не так-то просто будет одолеть. Весьма мудро она решила пока прекратить обсуждение этого вопроса.

«Схожу вечером к Рэйчел и посоветуюсь, как быть, — подумала она. — Энн сейчас, видно, не уговорить. Она страшно расстроена, и упрямства в ней тоже хватает. Да и если верить ее словам, мистер Филлипс действительно к ней несправедлив. Но ей я этого, конечно, не скажу. Посоветуюсь с Рэйчел. Она вырастила десять детей, и все они ходили в школу, так что кому как не ей знать, как поступать в таком случае. Она, наверное, уже слышала про этот скандал».

Когда Марилла пришла к миссис Рэйчел, та, как всегда, вязала и была в прекрасном настроении.

— Ты, наверное, понимаешь, зачем я к тебе пришла, — несколько смущенно начала Марилла.

Миссис Рэйчел кивнула:

— Из-за этой истории в школе. Тилли Боултер заглянула ко мне по дороге домой и все рассказала.

— Ума не приложу, что делать с Энн, — пожаловалась Марилла. — Твердит, что больше не будет ходить в школу, — и не подступись. Я так и думала, что с ней там что-нибудь случится. Слишком уж все было хорошо. Она такая нервная девочка. Что ты посоветуешь, Рэйчел?

— Ну, если тебе нужен мой совет, Марилла, — с готовностью ответила миссис Линд, которая больше всего на свете любила давать советы, — то я бы не стала настаивать: пусть делает как хочет. Я считаю, что мистер Филлипс был не прав. Конечно, детям таких вещей не говорят. Вчера он наказал ее справедливо — нельзя же так распускаться. А сегодня — другое дело. Он должен был наказать всех опоздавших. И что это еще за наказание — сажать девочек с мальчиками? Это просто неприлично. Тилли Боултер вся кипела от негодования. Она целиком на стороне Энн, и другие ученики тоже. Они все очень хорошо относятся к Энн. Вот уж не ожидала, что она придется там ко двору.

— Ты хочешь сказать, что... пусть не ходит в школу? — изумленно спросила Марилла.

— Пусть не ходит. На твоём месте я бы вообще не поминала школу, пока она сама о ней не заговорит. Не беспокойся, Марилла, через недельку она остынет и ей самой захочется вернуться, а если ты заставишь её идти в школу сейчас, ещё неизвестно, какой следующий номер она выкинет. И будет только хуже. Так что не нужно настаивать. А от того, что Энн пропустит несколько дней занятий, она ничего не потеряет. Мистер Филлипс — никуда не годный учитель. Он не обращает внимания на маленьких и все своё время уделяет тем, кто готовится в колледж... И вообще, на следующий год мистера Филлипса на этой должности не оставят. Его уже и нынче бы не оставили, если бы дядя мистера Филлипса не был самым богатым попечителем.

Марилла последовала совету миссис Рэйчел и больше не заговаривала с Энн о школе. Та учила дома уроки, которые ей приносила Диана, выполняла свои обязанности по дому и гуляла с Дианой в прохладном, ярко расцвеченном осеннем лесу. Если ей приходилось встречать на дороге или в воскресной школе Джильберта Блайта, она проходила мимо с ледяным презрением, игнорируя все его попытки к примирению. Диана попробовала выступить в роли посредника, но её старания не увенчались успехом. Энн явно решила ненавидеть Джильберта до конца своих дней.

## Глава шестнадцатая

### КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ ЧАЕПИТИЕ

В октябре березы в ложине возле Грингейбла надели свой золотистый наряд, клены поражали багряно-алыми тонами, дикие вишни вдоль Тропы Мечтаний вспыхнули пурпурным цветом с легким бронзовым оттенком, а скошенные поля все еще золотились в лучах неяркого солнца.

Это буйство красок приводило Энн в восхищение.

— Ой, Марилла! — воскликнула она как-то в воскресенье, входя в дом с охапкой роскошных веток. — Как я рада, что живу в мире, где бывает октябрь. Как было бы ужасно, если бы мы из сентября сразу попадали в ноябрь! Посмотри на кленовые листья. У тебя сердце не замирает от восторга? Я хочу украсить этими ветками свою комнату.

— Они быстро опадут и замусорят пол, — заметила Марилла, которой всегда не хватало воображения. — Ты и так загромождила комнату всяким мусором, Энн. В спальне положено спать.

— Нет, Марилла, и мечтать тоже. А мечтать гораздо легче в комнате, где много красивого. Я поставлю эти ветки на стол в старой голубой вазе.

— Только не засыпь листьями всю лестницу. Я сегодня поеду в Кармоди и вернусь лишь к вечеру. Тебе надо будет приготовить ужин для Мэтью и Джерри. И можешь — ох, не знаю, стоит ли тебе это разрешать, как бы ты все не перепутала! — пригласить Диану в гости и напоить ее чаем.

— Ой, Марилла! — Энн в восторге всплеснула руками. — Как ты замечательно придумала! Нет, у тебя все-таки есть воображение, а то как бы ты догадалась, что я мечтаю пригласить Диану на чай? Я буду хозяйкой, а она гостьей, совсем по-взрослому. Не бойся, я ничего не забуду. Марилла, а можно я достану сервиз с розочками?

— Еще чего выдумала! С розочками! Ты же знаешь, что я ставлю его на стол только когда приходит священник или дамы из общества. Нет уж, обойдешься коричневыми чашками. Открой баночку с вишневым вареньем. Пора его пустить в дело — а то как бы не засахарилось. нарежь фруктового торта, положи в вазочку печенье и хворост.

— Ой, я так и представляю: сижу во главе стола и разливаю чай. — Энн мечтательно закатила глаза. — И спрашиваю Диану, положить ли ей в чашку сахару. Я знаю, что она пьет чай без сахара, но обязательно спрошу, словно она незнакомая гостья. И я буду ее уговаривать съесть еще кусочек торта и взять еще варенья. Ой, Марилла, даже думать об этом невыразимо приятно!

— Да, Энн, там еще осталось полбутылки малинового морсу. Она стоит на второй полке в кладовой. Можете с Дианой выпить его и закусить печеньем, пока будете дожидаться Мэтью. Он собирается возить картошку и, наверное, рано не придет.

Энн помчалась по тропинке мимо Дриадиного ключа и дальше к саду Барри — приглашать Диану на чай. Не успела Марилла уехать в Кармоди, как Диана уже пришла в гости. На ней было нарядное платье, и вместо того чтобы по обыкновению вбежать в кухню не постучав, она подошла к парадной двери и чинно стукнула молоточком. Энн, тоже одетая в свое лучшее платье, так же чинно отворила ей дверь, и девочки с серьезным видом пожали друг другу руки, словно познакомились впервые. Энн проводила Диану к себе наверх, где та сняла

шляпку, и затем они спустились в гостиную, сели на стулья, сдвинув колени, и завели чинную беседу.

— Как поживает ваша мама? — осведомилась Энн, словно она не видела, как миссис Барри в полном здравии и прекрасном настроении собирает в саду яблоки.

— Спасибо, она здорова. А мистер Кутберт, наверное, возит картошку? — спросила Диана, которую Мэтью подвез утром в своей повозке до дома Хармона Эндрюса.

— Да. В этом году у нас выдался прекрасный урожай картошки. Надеюсь, и ваш отец накопал много картошки?

— Да, спасибо, урожай отличный. А яблоки вы уже все собрали?

Энн, тут же забыв про чинную беседу, вскочила со стула.

— Пойдем в сад, Диана, и нарвем сладких краснушек. Марилла разрешила нам сорвать все, что осталось на яблоне. Марилла очень щедрая. Она позволила взять к чаю вишневого варенья и фруктовый торт. Но гостям ведь не положено говорить, чем их будут угощать, поэтому я не скажу тебе, что еще мы будем пить. Только это начинается с буквы «м», и цвет у него красный.

В залитом солнцем саду, где ветви яблонь клонились к земле под тяжестью плодов, было так хорошо, что девочки просидели там часа два, лакомясь яблоками и болтая без передышки. Диана рассказала Энн про дела в школе. Ее действительно посадили с этой противной Герти Пайн. У Герти жутко скрипит карандаш, и у Дианы от этого мурашки идут по коже. Руби Джиллис избавилась от бородавок — честное слово! — с помощью волшебного камушка, который ей дала старая Мэри Джо. Выбираешь ночь, когда на небе в первый раз появляется новый месяц, трешь этим камушком бородавки и бросаешь его через левое плечо. И все бородавки исчезают. На стене написали: «Чарли Слоун + Эм Уайт = любовь». И Эм ужасно разозлилась. Сэм Боултер надерзил мистеру Филлипсу, и тот его высек, а отец Сэма пришел в школу и сказал, что если тот еще раз посмеет тронуть его детей хоть пальцем, то ему не поздоровится. У Мэтти Эндрюс новая красная шапочка и платье с голубыми лентами, и она до того задается, что сил нет. Лиззи Райт не разговаривает с Мейми Уилсон из-за того, что старшая сестра Мейми отбила ухажера у старшей сестры Лиззи. Все ужасно скучают по Энн и ждут, когда она опять придет в школу; а Джильберт Блайт...

Но Энн не стала слушать про Джильберта Блайта. Она поспешно вскочила на ноги и позвала Диану пить малиновый морс.

Энн заглянула на вторую полку в кладовой, но там бутылки с малиновым морсом не оказалось. Поискав, она нашла ее на самом верху. Энн поставила бутылку на поднос и принесла на кухню, прихватив два бокала.

— Угощайся, Диана, — вежливо предложила она. — Мне что-то не хочется. Наверное, объелась яблоками.

Диана налила себе бокал, поднесла его к свету — как красиво играет красный цвет — и отхлебнула немножко.

— Ужасно вкусный морс, — сказала она. — Я такого сроду не пробовала.

— Очень рада, что тебе нравится. Пей сколько хочешь. А я пойду разгребу угли в камине. Если остаешься за хозяйку, появляется столько разных дел!

Когда Энн пришла из кухни, Диана допивала второй бокал морса и не отказалась от третьего, предложенного ей хозяйкой. Бокалы были большие, а морс — необыкновенно вкусный.

— Никогда такого вкусного не пила, — сообщила Диана. — Куда лучше, чем у миссис Линд, а уж она всегда так хвастается свои морсом.

— Конечно, у Мариллы все вкуснее, — с готовностью согласилась Энн. — Марилла замечательно готовит. Она и меня пробует научить, но какая же это трудная работа, Диана. И никакого простора для воображения. Все надо делать по правилам. Когда я в прошлый раз собралась испечь кекс, я забыла всыпать в него муку. В это время я представляла себе, как ты заболела оспой, умираешь и все тебя покинули, но я не побоялась заразы и ухаживала за тобой, и ты выздоровела; но я все-таки заразилась и умерла, и меня похоронили под тополями на кладбище, а ты посадила на моей могиле розовый куст, поливала его своими слезами и до конца дней помнила свою закадычную подругу, которая пожертвовала ради тебя жизнью. Получилась такая жалостливая история, Диана, что у меня по щекам лились слезы и я совсем забыла про муку. Конечно, никакого кекса не получилось, ведь мука в кексе — главное. Марилла ужасно сердилась, и я ее понимаю. Ей от меня одни мученья. Вот, например, на прошлой неделе была жуткая история с соусом Для пудинга. Во вторник у нас на обед был сливовый пу-Динг с соусом, и половина пудинга и кувшинчик с соусом остались. Марилла решила, что этого хватит еще на один раз, и велела мне поставить кувшинчик на полку в кладовой и накрыть его крышкой. Честное слово, я собиралась его накрыть, Диана, но когда несла кувшинчик в кладовую, вообразила себя монахиней — католической монахиней, хотя я и протестантка, — которая решила уйти в монастырь, чтобы там забыть мирскую жизнь и залечить свое разбитое сердце. Ну вот, я так все это живо представила, что совсем забыла накрыть кувшинчик с соусом. А утром вспомнила и побежала в кладовую. И представь себе, Диана, в какой я пришла ужас — в кувшинчике плавала утонувшая мышь! Я ее вытащила ложкой и выбросила на помойку, а ложку вымыла в трех водах. Марилла в это время доила коров, и я хотела ее спросить, когда она придет, что делать с соусом — отдать свиньям или как? Но пока ее ждала, я вообразила себя феей, которая идет через лес и прикосновением своей волшебной палочки окрашивает деревья в красный и желтый цвет, и совсем забыла про соус. Потом Марилла отправила меня собирать с деревьев яблоки. А к обеду к нам пришли мистер и миссис Росс из Спенсервейла. Марилла позвала меня из сада, когда все уже сидели за столом. Я вежливо поздоровалась с гостями и вообще старалась вести себя с достоинством, чтобы они поняли, что хоть я и некрасивая, но, по крайней мере, воспитанная девочка. Все шло хорошо, пока я не увидела, что Марилла несет из кухни пудинг на тарелке и тот самый кувшинчик с соусом! Она его еще и подогрела! Диана, у меня просто в голове помутилось. Я вскочила на ноги и закричала диким голосом: «Марилла, этот соус нельзя подавать к пудингу. Сегодня утром я вытащила из него дохлую мышь. Я забыла тебе про это сказать!» Ой, Диана, я никогда не забуду, какая наступила мертвая тишина, — даже если доживу до ста лет. Миссис Росс бросила на меня такой взгляд, что мне захотелось сквозь землю провалиться. Представляешь, что она о нас подумала? Марилла покраснела как свекла, но не произнесла ни слова, по крайней мере, в тот момент. Она просто унесла и пудинг, и соус,

а взамен принесла клубничное варенье. Даже мне положила немного на блюдечко, но я так и не смогла притронуться к нему. Я просто сгорала со стыда. А когда гости ушли, Марилла ругала меня, наверное, целый час... Что с тобой, Диана, тебе нехорошо?

Диана встала было на ноги, но покачнулась, села обратно на стул и обхватила голову руками.

— Меня что-то тошнит, — пролепетала она, — и голова кружится. Я пойду домой.

— Как же так, мы же еще чай не пили! Сейчас я все приготовлю, поставлю чайник...

— Я пойду домой, — тупо, но решительно повторила Диана.

— Ну, скушай хотя бы кусочек торта, — умоляла Энн. — Приляг на диван — тебе станет лучше. Что у тебя болит?

— Я пойду домой, — опять повторила Диана, словно забыв все другие слова.

— Ну где это видано, чтобы гости уходили домой, не напившись чаю? — взмолилась Энн. — А вдруг ты и в самом деле заболела оспой, Диана? Тогда я буду ухаживать за тобой, я тебя ни за что не брошу на произвол судьбы. Но все-таки подожди, пока вскипит чай. Где у тебя болит?

— У меня кружится голова, — ответила Диана.

Со слезами разочарования на глазах Энн принесла Диане шляпку и проводила ее до калитки фермы Барри. Диана шла, сильно пошатываясь. Всю обратную дорогу Энн горько плакала. Придя домой, она поставила бутылку с морсом обратно на полку и приготовила ужин для Мэтью и Джерри. Но все это она проделала механически, потеряв всякий интерес к роли хозяйки дома.

На следующий день, в воскресенье, с утра до вечера Шел проливной дождь и Энн не выходила из дому. В понедельник после обеда Марилла послала ее за чем-то к миссис Линд. Буквально через полчаса Энн прибежала домой, заливаясь слезами, влетела на кухню и бросилась ничком на диван.

— Что еще случилось, Энн? — испуганно спросила Марилла. — Что ты еще натворила? Неужели опять нагрубила миссис Линд?

Энн только бурно рыдала, не говоря ни слова.

— Энн Ширли, отвечай, когда тебя спрашивают! Сейчас же сядь и объясни: отчего ты плачешь?

Энн поднялась и села — само воплощение скорби.

— Миссис Линд утром была у миссис Барри, и та просто вне себя от негодования. Она говорит, что я в субботу напоила Диану допьяна — так, что та еле приплелась домой. Она говорит, что я испорченная девочка и она никогда больше не позволит Диане дружить со мной. Марилла, я умру от горя!

Марилла глядела на нее, ничего не понимая.

— Как это напоила допьяна? — спросила она, когда к ней вернулся дар речи. — Кто-то из вас сошел с ума — или ты, Энн, или миссис Барри! Чем ты поила Диану?

— Да твоим морсом, чем же еще! — рыдая, ответила девочка. — И как это можно опьянеть от морса — даже если выпить три бокала? Зачем мне надо было спаивать Диану?

— Чушь какая-то, — заявила Марилла и ушла в кладовую.

На полке она тут же увидела бутылку с наливкой из черной смородины, которая была знаменита в Эвонли своим замечательным вкусом и большой крепостью. Но некоторые из приверженцев трезвости, в том числе и миссис Барри, считали, что изготовление алкогольных напитков — это грех. И Марилла тут же вспомнила, что морс она вовсе не поставила на полку в кладовую, как обещала Энн, а унесла в погреб.

Марилла вернулась на кухню, держа в руках бутылку с наливкой. Она с трудом сдерживала улыбку:

— Ну, Энн, вечно ты попадаешь в истории! Знаешь, чем ты угостила Диану? Вовсе не морсом, а черносмородиновой наливкой. Неужели ты не почувствовала, что у нее совсем другой вкус?

— А я ее не пила. Я просто угощала Диану, а мне самой не хотелось. Диане стало плохо, и она пошла домой. Когда ее мама спросила, что с ней такое, она как-то глупо захихикала, упала на диван и уснула. И проспала до утра. Ее мама понюхала, чем от нее пахнет, и поняла, что она пьяна. А вчера весь день у Дианы ужасно болела голова. Миссис Барри рвет и мечет. Она ни за что не поверит, что я это сделала не нарочно.

— Лучше бы она наказала Диану за жадность: это же надо — выпить три бокала! — рассердилась Марилла. — Даже если бы это был морс, от трех больших бокалов ей все равно стало бы плохо. Вот шуму-то будет! И так меня многие осуждают за эту наливку, хотя я уже три года ее не делаю — с тех пор как узнала, что священник тоже этого не одобряет. Эту бутылку я держала на случай, если кто-нибудь заболит. Ну ладно, детка, не плачь. Ты ничего плохого не совершила. Жаль, конечно, что все так получилось.

— Как же мне не плакать! Мое сердце разбито! Марилла, сама судьба против меня! Мы с Дианой разлучены навсегда! Вот уж не думала, что нашей дружбе придет такой ужасный конец!

— Не говори ерунду, Энн. Миссис Барри простит тебя, когда узнает, что ты просто ошиблась. Она, наверное, думает, что ты решила подшутить над Дианой. Сходи к ней вечером и объясни, как все получилось.

— Я не смею, — вздохнула Энн. — Может быть, ты сходишь, Марилла? Ты умеешь вести себя с достоинством. Она тебе скорее поверит.

— Ну ладно, схожу. — Марилла подумала, что миссис Барри, может быть, и вправду не станет слушать оправданий Энн. — Не плачь, Энн. Все уладится.

Но когда Марилла вернулась домой после встречи с миссис Барри, она была вынуждена признать, что ее миссия не увенчалась успехом.

Энн, с нетерпением дожидавшаяся ее возвращения, выбежала на крыльцо.

— Я по твоему лицу вижу, что ничего не вышло, — грустно вздохнула она. — Миссис Барри не хочет меня прощать, да?

— Таких упрямых женщин, как миссис Барри, я еще не видела, — сердито сказала Марилла. — Я ей объяснила, что ты тут ни при чем, произошла ошибка, но она заявила, что не верит в твою невиновность, а потом стала меня упрекать в том, что я делаю черносмородиновую наливку, да еще уверяю всех, будто от нее нельзя опьянеть. Ну, тогда я ей прямо сказала, что наливку не пьют бокалами, да еще по три сразу, что если бы моя дочь стала в гостях так напиваться, пусть даже и морсом, то получила бы хорошую трепку.

Марилла прошла на кухню. На душе у нее было совсем скверно. Энн, совершенно упавшая духом, осталась на крыльце. Немного погодя она спустилась со ступенек и в чем была, с непокрытой головой, побежала через клеверное поле к мостику и дальше через пихтовую рощу, освещенную бледной луной, висевшей низко над лесом.

В ответ на ее слабый стук дверь открыла миссис Барри.

Увидев робкое, умоляющее личико, миссис Барри нахмурилась. Эта женщина неохотно отказывалась от своих предубеждений, а рассердившись, долго хранила обиду. Заслужить ее прощение было непросто. Надо отдать ей справедливость — она искренне считала, что Энн нарочно напоила ее дочь, и так же искренне верила, что Диану следует оградить от столь дурного влияния.

— Что тебе надо? — холодно спросила она. Энн умоляюще сжала руки:

— Миссис Барри, пожалуйста, простите меня. Я не хотела напоить Диану. Зачем мне это делать? Представьте себе, что вы бедная сирота, которую из милости приютили чужие люди, и что у вас одна-единственная закадычная подруга на всем белом свете. Неужели вы стали бы ее нарочно спаивать? Я думала, что в бутылке малиновый морс! Пожалуйста, простите меня и разрешите Диане дружить со мной! Если вы нас разлучите, на мою жизнь падет черная пелена горя.

Эта пылкая речь, которая сразу бы растопила доброе сердце миссис Линд, отнюдь не подействовала на миссис Барри. Она только вызвала у нее еще большее раздражение. Возвышенные слова и драматические жесты Энн навели ее на мысль, что девчонка просто издевается над ней. И она бросила ей в лицо холодные жестокие слова:

— Я считаю, что ты не заслуживаешь того, чтобы дружить с моей дочерью. Иди домой и научись вести себя как следует.

Губы Энн задрожали.

— Позвольте мне хотя бы попрощаться с Дианой, — взмолилась она.

— Диана уехала с отцом в Кармоди, — отрезала миссис Барри и захлопнула дверь.

Энн побрела домой. Она была в отчаянии, но уже больше не плакала.

— Все, — сказала она Марилле. — Больше надеяться не на что. Я сама сходила к миссис Барри, и она очень оскорбительно со мной разговаривала. Мне кажется, Марилла, что она не леди. Остается только молиться, но боюсь, что и сам Господь Бог бессилен против этой упрямой женщины.

— Не говори таких вещей, Энн, — строго заметила Марилла, еле удерживаясь от смеха.

Она стала замечать за собой склонность смеяться в самых неподходящих ситуациях, когда, по ее прежним понятиям, следовало бы проявить строгость. И рассказывая вечером Мэтью про беду, постигшую Энн, она таки посмеялась над этой нелепой историей.

Но когда перед сном Марилла поднялась в комнату Энн и увидела, что бедная девочка заснула вся в слезах, на ее суровом лице появилась нежная улыбка.

— Бедняжка моя, — тихо проговорила она, убирая прядь волос с распухшего от слез личика Энн. Потом наклонилась и поцеловала горячую щечку.

## Глава семнадцатая

### ВОЗВРАЩЕНИЕ В ШКОЛУ

На другой день, сидя у окна за надоевшим вышиванием, Энн вдруг увидела у Дриадиного ключа Диану. Та делала ей какие-то таинственные знаки. Энн вылетела из дома и кинулась по тропинке. В душе ее ожила надежда, но она угасла, как только Энн увидела грустное лицо Дианы.

— Твоя мама не передумала? — запыхавшись, спросила она.

Диана уныло покачала головой:

— Нет. Она говорит, что запрещает мне с тобой дружить. Я плакала, убеждала ее, что ты тут ни при чем, но она и слушать не хочет. Еле-еле упросила ее отпустить меня попрощаться с тобой. Она велела мне быть дома ровно через десять минут — она проверит по часам.

— Десять минут, чтобы проститься навсегда, — со слезами проговорила Энн. — Диана, обещай мне, по крайней мере, не забывать подругу своего детства, даже если у тебя появятся другие дорогие тебе друзья.

— Нет, — рыдая, отвечала Диана, — я никогда тебя не забуду, и у меня никогда не будет другой закадычной подруги. Я не хочу! Я все равно не буду никого любить так, как тебя.

— Диана! — воскликнула Энн, ломая руки. — Ты правда меня любишь?!

— Конечно, люблю. Разве ты не знала?

— Нет. — Энн перевела дыхание. — Я знала, что ты хорошо ко мне относишься, но не смела надеяться, что ты меня любишь. Знаешь, Диана, я думала, что меня вообще нельзя любить. Меня никогда в жизни никто не любил. Как это замечательно! Это луч света, который будет освещать мой путь, хотя нас насильно разлучают. Диана, скажи мне это еще раз!

— Я люблю тебя всей душой, Энн, — без колебаний произнесла Диана, — и буду любить всегда, можешь в этом не сомневаться.

— И я всегда буду любить тебя, Диана, — торжественно сказала Энн, протягивая подруге руку. — Память о тебе будет, как звезда, освещать мою одинокую жизнь. Диана, ты дашь мне на прощанье прядь своих черных как смоль волос, чтобы я могла хранить их как самое драгоценное сокровище?

— А у тебя есть ножницы? — спросила Диана, вдруг вспомнив о практической стороне вопроса. Она вытерла слезы, которые вновь полились у нее из глаз от прочувствованных слов Энн.

— Да, у меня в кармане маленькие ножнички из моего рукодельного набора, — ответила Энн. С торжественным видом она отстригла черный завиток. — Прощай, моя милая подруга. Теперь мы будем жить рядом, как совсем чужие. Но в сердце своем я сохраню тебе неизменную верность.

Энн смотрела вслед уходящей Диане и грустно махала платком, когда та оглядывалась. Потом пошла домой, несколько утешившись таким романтическим расставанием.

— Все кончено, — сообщила она Марилле. — У меня никогда больше не будет подруги. Мы с Дианой очень трогательно расстались у ручья. Память об этом расставании останется для меня священной. Диана дала мне прядь своих волос, и я собираюсь сделать из них ладанку

и носить ее на шее всю жизнь. И пожалуйста, Марил когда будешь меня хоронить, положи ее в гроб. Мне кажется, что я недолго проживу. Может быть, когда миссис Барри увидит мой холодный труп, она пожалеет о том, что сделала, и позволит Диане прийти на мои похороны. — Сдается мне, Энн, что пока у тебя не отнялся язык, тебе не грозит преждевременная смерть, — невозмутимо отозвалась Марилла.

В следующий понедельник утром Энн удивила Мариллу. Девочка спустилась вниз с сумкой, полной учебников. На лице ее была написана решимость.

— Я возвращаюсь в школу, — объявила Энн. — Больше мне в жизни ничего не осталось. Мою любимую подругу безжалостно вырвали из моего бедного сердца. В школе я, по крайней мере, смогу видеть ее и вспоминать о счастливых днях.

— Чем вспоминать, лучше думай об уроках. — Марилла тщательно старалась скрыть свой восторг по поводу такого удачного развития событий. — Надеюсь, мне не придется больше слышать жалобы на тебя и ты не будешь разбивать грифельные доски о головы своих товарищей. Веди себя хорошо и слушайся учителя.

— Я постараюсь быть примерной ученицей, — печально проговорила Энн. — Только это совсем неинтересно. Мистер Филлипс говорит, что Минни Эндрюс примерная ученица. И какая же она скучная! У нее совсем нет воображения, и ее, кажется, ничто в жизни не радует. Но у меня в жизни тоже теперь не осталось радости, так что, может, из меня и получится примерная ученица. Я пойду в школу по дороге. Просто невыносимо было бы одной идти по Березовой аллее. Я бы ослепла от слез.

В школе Энн встретили с распростертыми объятиями. Детям очень не хватало ее выдумки, когда они играли; ее нежного голоса, когда они пели песни, и ее выразительного чтения вслух на большой перемене. Руби Джиллис дала ей на уроке Закона Божьего три большие сливы; Элла Макферсон подарила огромный букет анютиных глазок, который она вырезала из обложки цветного каталога — девочки очень ценили подобное украшение для парты. Софи Слоун предложила научить ее вязать красивый кружевной узор для отделки фартуков. Кэти Боултер подарила флакон от духов, чтобы держать в нем воду для смывания надписей с грифельной доски, а Джулия Бэлл тщательно выписала на розовом листе бумаги следующее вдохновенное четверостишие:

*Когда свой черный занавес  
Зашпилит ночь звездой,  
Где б ни был твой далекий друг,  
Знай — он всегда с тобой.*

— Знаешь, Марилла, все-таки приятно, когда к тебе хорошо относятся, — со вздохом удовлетворения поведала Энн Марилле вечером.

Хорошее отношение проявили не только девочки. Вернувшись после большой перемены, учитель посадил Энн с примерной ученицей Минни Эндрюс. Энн нашла у себя на парте большое наливное яблоко клубничного сорта. Она уже приготовилась было его надкусить, но вдруг вспомнила, что такие яблоки растут только в одном месте во всем Эвонли — в саду старого Блайта на другом берегу Лучезарного озера. Энн выронила яблоко, словно обжегшись, и демонстративно вытерла руки платочком. Яблоко так и пролежало нетронутым у нее на парте до следующего утра, когда его присвоил как трофей Тимоти

Эндрюс, в обязанности которого входило подметать школу и разжигать камин. Грифельный карандаш с желто-красными полосками, который Чарли Слоун купил специально для Энн за два цента — обычный карандаш стоил один цент, — был принят Энн гораздо более благосклонно. Она нашла карандаш на парте также после большой перемены и наградила дарителя улыбкой, от которой тот совсем ошалел от восторга и наделал в диктанте такое невообразимое количество ошибок, что мистер Филлипс оставил его после уроков переписывать диктант заново.

Но полное отсутствие даже малейшего знака внимания со стороны Дианы Барри, которая теперь сидела вместе с Герти Пайн, омрачило торжество Энн.

— Ну неужели Диана не могла хотя бы улыбнуться мне? — горестно пожаловалась она Марилле.

Но на следующий день Энн передали изящно закрученную записку и что-то завернутое в бумажку.

Записка была от Дианы:

«Дорогая Энн!

Мама не разрешает мне играть и даже разговаривать с тобой в школе. Пожалуйста, не сердись на меня — я люблю тебя не меньше, чем раньше. Мне ужасно скучно без тебя, мне некому рассказывать секреты, а Герти Пайн мне совсем не нравится. Я тебе сделала закладку для книг из красной салфетки. Такие закладки сейчас в моде, и только три девочки во всей школе умеют их делать. Вспоминай, глядя на нее, твою верную подругу Диану Барри».

Энн прочитала записку, поцеловала закладку и тут же послала на другой конец класса ответ:

«Милая, дорогая Диана!

Я на тебя совсем не сержусь, — конечно, ты обязана слушаться маму. Но она не может запретить общаться нашим душам. Я буду вечно хранить твой чудесный подарок. Минни Эндрюс неплохая девочка, хотя у нее совсем нет воображения, но она никогда не сможет заменить мне мою заветную подругу Диану.

Остаюсь вечно твоя до последнего вздоха

Энн, или Корделия Ширли.

Р. S. Я положу твоё письмо себе под подушку и постараюсь увидеть тебя во сне. или К. Ш.».

Марилла была настроена пессимистически и каждый день ожидала, что Энн опять что-нибудь натворит в школе. Но все шло благополучно. Может быть, Энн переняла кое-что от примерной ученицы Минни Эндрюс, — во всяком случае, у нее больше не было никаких конфликтов с учителями. Она поставила себе целью по всем предметам обогнать Джильберта Блайта и не жалела сил для осуществления этой задачи. Скоро их соперничество стало явным для всех. Но если Джильберт относился к нему весьма добродушно, об Энн этого, к сожалению, сказать было нельзя. Она не прощала обидчиков и ненавидела врагов с такой же страстью, с какой любила друзей.

В конце каждого месяца учитель проводил контрольные работы, и тут напряжение этой борьбы достигло апогея. В первый месяц Джильберт оказался на три балла впереди. В

следующем на пять баллов вперед вырвалась Энн. Но ее триумф был омрачен добродушным поздравлением, которое Джильберт произнес перед всем классом. Энн, конечно, хотелось бы, чтобы он страдал от своего позорного поражения.

В результате этих титанических усилий Энн и Джильберт в конце семестра были переведены в пятый класс, где начиналось изучение латыни, геометрии, французского языка и алгебры. И тут Энн обнаружила свою полнейшую неспособность к геометрии.

— Это мучение, а не наука, — жаловалась она Марилле. — Я ничего не могу в ней понять. Она не дает никакого простора для воображения. Мистер Филлипс говорит, что в геометрии я тупица из тупиц. А Джильберт... Я хочу сказать, другим она дается легко. Диане, например. Но Диане мне уступить не жалко. Хотя мы встречаемся как чужие, я все равно люблю ее неугасимой любовью. Иногда, когда я думаю о ней, мне становится очень грустно. Но нельзя же все время грустить, когда такая интересная, правда, Марилла?

## Глава восемнадцатая

### ЭНН БРОСАЕТСЯ НА ПОМОЩЬ

В жизни большое и маленькое неразрывно связаны. Ну кто бы мог подумать, что решение премьер-министра Канады посетить во время своего предвыборного турне остров Принца Эдуарда окажет важное влияние на жизнь девочки Энн Ширли? Но именно так и случилось. В январе премьер-министр приехал в Шарлоттаун, чтобы обратиться с речью к своим сторонникам, а также к тем из противников, которые сочтут нужным присутствовать на огромном предвыборном митинге. Большинство жителей Эвонли поддерживали взгляды премьер-министра, и поэтому в назначенный день почти все мужчины и очень многие женщины поехали из Эвонли в Шарлоттаун. Поехала и миссис Линд. Она, проявляя постоянный и глубокий интерес ко всем политическим событиям, даже не могла себе представить, чтобы политический митинг мог обойтись без ее участия, хотя она как раз поддерживала партию противников премьер-министра. Так что она отправилась в Шарлоттаун, захватив с собой мужа — присматривать за лошадью — и Мариллу Кутберт. Марилла и сама втайне интересовалась политикой, и к тому же она подумала, что больше ей в жизни, наверное, не представится возможность увидеть живого премьер-министра. Поэтому она с готовностью составила компанию миссис Линд, оставив дома Мэтью и Энн, на которых возложила обязанность вести хозяйство до ее возвращения.

И вот, в то время как Марилла и миссис Рэйчел хлопали и кричали на огромном митинге, Энн с Мэтью сидели на уютной кухне в Грингейбле. В старинной печи ярко горел огонь, окна были украшены сверкающим морозным узором. Мэтью дремал на диване с газетой в руках, а Энн старательно готовила уроки, хотя ее глаза то и дело устремлялись на полку: там лежала новая книга, которую ей дала почитать Джейн Эндрюс. Джейн уверяла, что книга до того интересная — не оторвешься, и Энн страшно хотелось бросить геометрию и поскорее достать ее с полки. Но тогда завтра Джильберт Блайт одержит над ней верх. Энн пересела так, чтобы не видеть полку, и попыталась представить, что никакой книги вовсе нет.

— Мэтью, ты в школе учил геометрию?

— Да нет, не пришлось, — ответил Мэтью, просыпаясь.

— Жаль, — вздохнула Энн. — Тогда бы ты, по крайней мере, мог мне посочувствовать. А если ты о ней понятия не имеешь, то тебе трудно представить, какая это гадость. Она отравляет мне всю жизнь. Я в ней просто ничего не смыслю.

— Ну, что ты, — успокоил ее Мэтью. — Ты очень даже хорошо во всем разбираешься. На прошлой неделе мистер Филлипс сказал мне в Кармоди, что ты хорошо учишься и делаешь огромные успехи. Он так и сказал: огромные успехи. Некоторые говорят, что Тедди Филлипс не больно-то хороший учитель, а по-моему, он дельный парень.

Мэтью объявил бы дельным парнем любого, кто хорошо отзывается о его милой Энн.

— У меня, может, получалось бы еще лучше, если бы он все время не менял буквы, — пожаловалась Энн. — Только я выучу теорему наизусть, а он возьмет и на доске поставит на углах треугольника не те буквы, которые в учебнике, и у меня все путается в голове. Разве это хорошо — так морочить своих учеников? А еще мы изучаем основы сельского хозяйства, и я теперь знаю, почему У нас дороги красного цвета. Мне всегда так хотелось это узнать. Интересно, как там Марилла и миссис Линд? Миссис Линд говорит, что если у

власти останется теперешнее правительство, то Канада погибнет и что все избиратели должны это помнить, когда пойдут голосовать. О говорит, что если бы женщинам дали право голоса, все изменилось бы к лучшему. А ты за кого голосуешь, Мэтью?

— За консерваторов, — не задумываясь ответил Мэтью. Он всю жизнь голосовал за консерваторов.

— Тогда и я за консерваторов, — решила Энн. — И очень хорошо, потому что Джил... некоторые мальчики в школе за либералов. Мистер Филлипс тоже, наверное, за либералов, потому что отец Присси Эндрюс либерал, а Руби Джиллис говорит, что когда мужчина ухаживает за девушкой, он должен соглашаться с ее матерью в вопросах религии и с ее отцом — в вопросах политики. Это так, Мэтью?

— Да кто его знает, — Мэтью пожал плечами.

— А ты когда-нибудь ухаживал за девушкой?

— Да нет, как-то не пришлось, — ответил Мэтью, который за всю жизнь ни разу даже не помыслил ни о чем подобном.

Энн задумалась, подперев рукой подбородок.

— А ведь это, наверно, довольно интересно, а, Мэтью? Руби Джиллис говорит, что когда вырастет, заведет кучу ухажеров и все они будут сходить по ней с ума. А мне это не нравится. Я бы предпочла одного, и чтобы он был в здравом уме. Но Руби Джиллис в этих делах разбирается очень хорошо, потому что у нее много взрослых сестер, которых, как говорит миссис Линд, расхватали, как горячие пирожки. Мистер Филлипс приходит к Присси почти каждый вечер. Он уверяет, что готовит ее в колледж, но Миранда Слоун тоже собирается в колледж и нуждается в помощи гораздо больше, чем Присси, потому что глупее ее, однако к ней он вечером не приходил ни разу. Все-таки в мире много непонятного, Мэтью.

— Это верно, я и сам не все понимаю, — признался Мэтью.

— Ну ладно, надо заканчивать геометрию. Ни за что не открою книгу Джейн, пока не сделаю уроки. Если б ты только знал, Мэтью, какое это искушение. Даже когда я поворачиваюсь к ней спиной, я все равно вижу ее, будто она стоит передо мной. Джейн сказала, что пролила над ней море слез. Я обожаю книжки, над которыми плачешь. Вот что — унесу-ка я ее в гостиную и запру в шкафчик с вареньем, а ключ отдам тебе. И не давай его мне, Мэтью, пока я не разделаюсь с уроками, даже если я буду тебя умолять, стоя на коленях. Хорошо им говорить: боритесь с искушением, но все-таки с искушением бороться гораздо легче, когда у тебя нет ключа. Заодно сбегаю в погреб и принесу яблоки. Ты хочешь яблок, Мэтью?

— Что ж, почему бы и нет, — согласился Мэтью, который вообще не ел яблок, но знал, что Энн их очень любит.

И вот, когда Энн поднялась из погреба с тарелкой яблок в руках и лицом торжествующей добродетели, снаружи раздались торопливые шаги, мгновение спустя дверь распахнулась, и перед Энн предстала Диана Барри. Она прерывисто дышала, лицо ее было бледным, голова кое-как обмотана платком. От изумления Энн выронила и свечу, и тарелку, которые полетели вниз по ступенькам и на следующий день были обнаружены Мариллой на дне погреба в кучке оплавившегося воска. Собирая их, Марилла вознесла молитву Всевышнему

за то, что Он спас их от пожара.

— Диана! — воскликнула Энн. — Что случилось? Твоя мама решила меня простить?

— Ох, Энн, бежим скорее к нам, — умоляющим голосом сказала Диана. — Моя сестренка Минни заболела. Наша служанка Мари говорит, что это круп, а папа с мамой уехали в Шарлоттаун, и некому даже съездить за Доктором. Минни еле дышит, а Мари не знает, что надо делать... Энн, я так боюсь!

Мэтью, не говоря ни слова, уже надел пальто и шапку и вышел во двор.

— Мэтью пошел запрягать лошадь и сейчас поедет за доктором в Кармоди, — объяснила Энн, торопливо одеваясь. — Он ничего не сказал, но я его понимаю без слов. У нас с ним родственные души.

— Он не найдет доктора в Кармоди! — в отчаянии воскликнула Диана. — Доктор Блэр в Шарлоттауне, и, наверное, доктор Спенсер тоже. Мари не знает, что делать, когда ребенок болеет крупом, а миссис Линд тоже уехала. Ой, Энн, как все ужасно!

— Не плачь, Диана, — постаралась ободрить ее Энн. — Я отлично знаю, что надо делать. Не забывай, что у миссис Хэммонд было три пары двойняшек и я их всех вынянчила. На трех парах двойняшек приобретаешь огромный опыт. Они все переболели крупом. Подожди только, сейчас возьму бутылку с ипекакуаной — у вас, может, ее нет в доме. Ну, идем. Девочки, взявшись за руки, побежали по Тропе Мечтаний, а потом напрямик через поле, покрытое ледяной коркой. Через лес им было бы ближе, но там пришлось бы пробираться по глубокому рыхлому снегу. Энн очень жалела бедную Минни, однако при всем том она радовалась встрече с подругой при таких романтических обстоятельствах.

Трехлетней Минни действительно было очень плохо. Она лежала в кухне на кушетке, и ее хриплое тяжелое дыхание разносилось по всему дому. Пухленькая девушка-француженка Мари, которую миссис Барри наняла присматривать за детьми в свое отсутствие, совсем растерялась. Она понятия не имела, что делать, у нее все валилось из рук.

— Да, у Минни действительно круп, — со знанием дела определила Энн. — Ей плохо, но я видела случаи и похуже. Первым делом надо нагреть побольше воды. Диана, у вас в чайнике и чашки не наберется! Ну вот, я налила полный чайник и поставила на огонь. Мари, подложи дров. Не знаю, о чем ты только думала? Уж воды-то могла бы согреть. Я сейчас раздену Минни и уложу в постель, а ты, Диана, поищи ночную рубашку потеплее и помягче, лучше фланелевую. Первым делом я дам ей ложку ипекакуаны.

Минни не хотела пить лекарство, но Энн не зря вынянчила три пары близнецов. Она ловко влила Минни в рот ипекакуаны — и делала это через каждый час в течение долгой и тревожной ночи, которую две девочки провели у постели задыхавшегося ребенка, стараясь облегчить его страдания. Мари, когда ей сказали, что надо делать, развела жаркий огонь и нагрела столько воды, что ее хватило бы на целую палату больных детей.

В три часа ночи Мэтью привез доктора — ему пришлось ехать в Спенсервейл, ближе ни одного не нашлось. Но к этому времени Минни уже стало лучше и она даже заснула.

— Я было совсем пришла в отчаяние, — призналась Энн доктору. — Ей становилось все хуже, а под конец сделалось так плохо, как не бывало ни одному из близнецов миссис Хэммонд, даже из последней пары. Я боялась, что она умрет от удушья. Когда я вылила ей в рот последнюю ложку ипекакуаны, я сказала себе — не вслух, конечно: не хотела пугать

Диану и Мари, они и без того были до смерти напуганы, — но про себя сказала: «Ну вот, больше мне надеяться не на что». Но минуты через три она вдруг откашляла очень много мокроты и ей сразу стало легче дышать. Представляете, доктор, какое я почувствовала облегчение! Я просто не могу выразить это словами. Есть такие вещи, которые нельзя выразить словами.

— Да, я знаю, — кивнул доктор.

Он глядел на Энн так, словно у него в голове тоже бродили мысли, которые нельзя выразить словами. Однако он сумел сделать это позднее в присутствии мистера и миссис Барри:

— Эта рыженькая девочка, — приемыш Кутбертов, — просто молодец. Поверьте мне, — она спасла вашему ребенку жизнь. Я приехал слишком поздно, и если бы не она, ребенок умер бы. Сколько ей — одиннадцать лет? И такое присутствие духа и умение обращаться с больными! Когда она мне объяснила, какие у девочки были симптомы и какие она принимала меры, я просто диву давался. А глаза ее так и лучились от счастья.

Поразительная девочка!

Энн ушла домой морозным ясным утром. От усталости у нее слипались глаза, но тем не менее она без умолку говорила всю дорогу до дома:

— Ой, Мэтью, какое замечательное утро, правда? Я так рада, что живу в мире, в котором бывают такие красивые заиндевевшие деревья. И я рада, что у миссис Хэммонд были три пары двойняшек, а то я не знала бы, что делать с Минни. Мне даже жаль, что я сердилась на миссис Хэммонд за то, что она все время рожала двойняшек... Ой, Мэтью, как спать хочется! Я не пойду в школу. У меня просто глаза закрываются. Мне не хочется, чтобы Джил... чтобы разные там воспользовались моим отсутствием — потом будет еще труднее догонять, но ничего, тем интереснее. Зато когда добьешься своего, сердце радуется, правда, Мэтью?

— Чего там, конечно, ты их всех обгонишь, — подбодрил ее Мэтью, взглянув на бледное личико девочки с темными кругами под глазами. — Ложись сразу спать, а я сделаю все, что нужно по дому.

Энн так и поступила и заснула так крепко, что проснулась только часа в три пополудни. Она спустилась на кухню, где Марилла, уже вернувшаяся домой, спокойно вязала у окна.

— Ну, видела премьер-министра, Марилла?! — воскликнула Энн. — Каков он из себя?

— Я одно скажу, что премьером его назначили не за красоту, — отозвалась Марилла. — Один нос чего стоит. Но язык у него хорошо подвешен. Я радовалась, что голосую за консерваторов. А Рэйчел, которая стоит за либералов, о нем, конечно, доброго слова не сказала. Обед дожидается тебя в духовке, Энн. И можешь взять на десерт сливового повидла из кладовой. Ты, наверное, сильно проголодалась. Мэтью мне рассказал про вчерашнюю ночь. Как удачно, что тебе приходилось иметь дело с крупом. Я бы точно растерялась — никогда не видела ребенка, который задыхается. Ладно-ладно, расскажешь мне все потом, сначала поешь. Я уж вижу, что тебя сейчас прорвет, но потерпи, садись обедать.

У Мариллы тоже были прекрасные новости для Энн, но она знала, что если расскажет их до обеда, девочка придет в такое волнение, что не сможет проглотить ни кусочка. И только

когда Энн выскребла розетку со сливовым джемом, Марилла сказала:

— Энн, сегодня к нам приходила миссис Барри. Она хотела повидаться с тобой, но я не стала тебя будить. Она говорит, что ты спасла жизнь Минни, и она сожалеет, что была так резка с тобой после того случая с наливкой. Миссис Барри сказала, что теперь-то она поверила в то, что ты это сделала не нарочно, и просит тебя простить ее. Она надеется, ты опять будешь дружить с Дианой и приглашает тебя сегодня вечером, если ты захочешь прийти, потому что Диана вчера простудилась, пока бегала за тобой, и не может выйти из дому. Только, Энн, не прошиби потолок.

Это предупреждение оказалось весьма своевременным, потому что девочка вскочила на ноги. У нее, казалось, от радости выросли крылья — вот-вот взмлет в небо, а лицо сияло от счастья.

— Марилла, можно, я пойду прямо сейчас? А посуду потом вымою, да? В такой торжественный момент я просто не способна заниматься столь прозаическим делом!

— Ладно-ладно, беги, — добродушно улыбнулась Марилла. — Энн, ты что, с ума сошла? Сейчас же вернись и надень пальто и шапку! Ох, легче ветра! Убежала в чем была. Вон несется по саду, только волосы развеваются. Господи, хоть бы не простудилась.

Энн вернулась, когда наступили лиловые зимние сумерки, а в юго-западной части неба загорелась огромная, жемчужного цвета звезда. Она вошла в дом пританцовывая и объявила Марилле:

— Перед тобой, Марилла, счастливый человек. Да, абсолютно счастливый — я даже не думаю о своих рыжих волосах. Я воспарила душой выше подобных пустяков. Миссис Барри поцеловала меня, расплакалась и сказала, что очень сожалеет, что плохо обо мне думала, и, наверное, никогда не сможет отблагодарить меня за то, что я для нее сделала. Мне было даже неловко, Марилла, и я просто вежливо сказала: «Я совсем на вас не в обиде, миссис Барри. Могу только повторить, что я не хотела напоить Диану, и давайте предадим этот прискорбный эпизод забвению». Правда, в этих словах много достоинства, Марилла? Мне кажется, я все-таки дала миссис Барри почувствовать, как она была несправедлива. А мы с Дианой замечательно провели время. Она показала мне новый узор, которому ее научила тетка из Кармоди. В Эвонли его никто, кроме нас, не знает, и мы поклялись никому не раскрывать его тайну. Мы хотим попросить мистера Филлипса позволить нам опять сидеть вместе, а Герти Пайн пусть сидит с Минни Эндрюс. И миссис Барри достала к чаю свой самый красивый сервиз, словно я была почетной гостьей. Ой, Марилла, как это приятно! Никто меня ни разу не угощал чаем из своего лучшего сервиза. И она поставила на стол два торта — фруктовый и ореховый, — и пончики, и два вида варенья. И миссис Барри спросила меня, кладу ли я сахар в чай, а потом сказала мистеру Барри: «Отец, угости же Энн печеньем!» Как, наверное, прекрасно быть взрослой! Ведь даже когда с тобой обращаются как со взрослой, делается так приятно.

— Ну, не знаю, — с сомнением сказала Марилла и вздохнула.

— Все равно, когда я стану взрослой, я всегда буду разговаривать с детьми так, словно они тоже взрослые, и никогда не буду смеяться, если они станут употреблять умные слова. Знаю по горькому опыту, как это обидно. И когда я уходила, миссис Барри сказала, чтобы я приходила к ним когда мне только захочется, а Диана стояла у окошка и посылала мне

воздушные поцелуи. Ох, Марилла, сегодня мне хочется поблагодарить Бога от всего сердца. Я придумаю для такого случая новую и замечательно прочувствованную молитву.

## Глава девятнадцатая

### ЕЩЕ ОДНО ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

— Ой, Марилла, ты представляешь! — воскликнула Энн, возвратившись от Дианы. — Ты ведь знаешь, что завтра у Дианы день рождения? Так вот, ее мама разрешила пригласить меня домой сразу после школы и чтобы я осталась у них ночевать. Завтра из Ньюбриджа придут ее кузины и кузены на больших санях и вечером отправятся на концерт в Клуб саморазвития. Они хотят взять с собой меня и Диану — конечно, если ты позволишь. Ты ведь позволишь, Марилла, правда? Я вся сгораю от нетерпения.

— В таком случае, охлади свой пыл — никуда ты не поедешь. Где это видано, чтобы девочки разъезжали ночью по каким-то концертам, вместо того чтобы спать у себя в постели?

— Но это же особый случай! — взмолилась Энн, чуть не плача. — У Дианы день рождения бывает только раз в году. Это же праздник, Марилла!

— Я, кажется, ясно сказала — никуда ты не поедешь. Раздевайся и марш спать. Уже половина девятого.

— Я забыла сказать тебе самое главное, Марилла, — произнесла Энн с видом игрока, пускающего в ход последний козырь. — Миссис Барри обещала Диане, что позволит нам спать в спальне для гостей. Подумай, какая это честь — твою маленькую Энн положат спать в специальной комнате для гостей.

— Ничего, обойдемся без этой чести. Иди спать, Энн, мне надоело с тобой препираться. Когда девочка поплелась вверх по лестнице, обливаясь слезами, Мэтью, который все это время, казалось, дремал на кушетке, открыл глаза.

— Послушай, Марилла, отпусти Энн на концерт.

— И не подумаю, — отрезала Марилла. — Как мы договаривались, Мэтью, кто воспитывает девочку — ты или я?

— Ну, ты, — признал Мэтью.

— Тогда не вмешивайся.

— А я и не вмешиваюсь. Но может у меня быть собственное мнение? Так вот, я считаю, что ты должна отпустить Энн на концерт.

— Ты бы ее и на Луну отпустил, если бы ей вздумалось туда слетать! Я бы, может, и разрешила ей переночевать у Дианы, но мне совсем не нравится эта выдумка с концертом. Она обязательно простудится в санях и, уж во всяком случае, этот концерт на неделю вышибет ее из колеи. Я лучше тебя знаю, что полезно Энн, а что нет.

— А я считаю, что ты должна отпустить ее на концерт, — упрямо повторил Мэтью. Он был не очень-то силен в подыскивании доводов, но зато его трудно было сбить с принятой позиции. Марилла умолкла — что толку его убеждать?

На другое утро, проходя через кухню, Мэтью задержался в дверях и снова бросил Марилле:

— Я считаю, что Энн надо отпустить на концерт.

Лицо Мариллы застыло, а с губ готовы были сорваться слова, которые она не могла позволить себе произнести в присутствии ребенка. Помолчав минуту-другую, она смирилась с неизбежным.

— Ну что ж, если ты так настаиваешь, пусть идет.

— Ой, Марилла, — воскликнула Энн, которая мыла посуду в комнатке рядом, — повтори, что ты сказала!

— Хватит и одного раза. Можешь благодарить Мэтью — это он настоял, а я ни при чем. Но если подхватишь воспаление легких, когда выйдешь из жаркого зала на мороз, на меня не пеняй.

— Ой, Марилла, мне так хочется пойти на концерт! Я сроду не бывала на концерте, девочки в школе ни о чем другом не говорят. Мне было так обидно — все поедут, а я нет. Ты этого не поняла, а вот Мэтью понял. Мэтью меня понимает. Это так приятно, когда в доме есть родственная душа, которая тебя понимает.

В школе на следующий день Энн не могла ни на чем сосредоточиться и позволила Джильберту одержать над собой верх в правописании и устном счете. Она с нетерпением ждала, когда кончатся уроки и начнется празднование дня рождения Дианы. Миссис Барри накрыла «замечательно элегантный» стол к чаю, а затем девочки ушли в комнату Дианы причесываться и одеваться. Ближе к вечеру приехали кузены и кузины Дианы, все устроились на подстилке из соломы в больших санях и укрылись овчинами. Полосья мягко поскрипывали по свежему снегу, и Энн была просто наверху блаженства. Закатное небо рдело багрянцем, а окруженный заснеженными холмами залив Святого Лаврентия казался чашей, украшенной жемчугом и сапфирами и заполненной искрящимся рубиновым вином.

— Диана, — прошептала Энн, сжимая руку подруги под толстой овчиной, — правда, это похоже на прекрасный сон? Посмотри-ка — у меня такой же вид, как всегда? Мне кажется, что я стала совсем другой и внутри и снаружи.

— Ты очень хорошо выглядишь, — улыбнулась Диана, которой ее кузен только что сделал комплимент, и она решила, что и Энн не отказалась бы от комплимента. — У тебя такие розовые щечки!

По крайней мере один человек, присутствовавший в тот вечер на концерте, принимал каждое выступление с восторгом независимо от качества исполнения и без усталости хлопал в ладоши. Единственный номер программы, к которому Энн не проявила ни малейшего интереса, — выступление Джильберта Блайта. Когда он вышел на сцену, Энн взяла в руки книгу, прихваченную с собой кузиной Дианы, и читала ее до тех пор, пока Джильберт не закончил. А затем сидела с демонстративной неподвижностью, глядя, как Диана изо всех сил хлопает в ладоши.

Домой они вернулись в одиннадцать часов, полные впечатлений и к тому же предвкушая подробное обсуждение всего увиденного и услышанного. Все в доме уже спали. Энн и Диана на цыпочках прошли в длинную узкую гостиную. Здесь было тепло, в камине поблескивали угасающие угольки.

— Давай разденемся здесь, — предложила Диана. — Тут так тепло и приятно.

— Как все было замечательно! — с восторгом проговорила Энн. — Как ты думаешь, Диана, нам когда-нибудь придется вот так же выходить на сцену?

— Конечно, когда-нибудь да придется. Старшие школьники всегда участвуют в концертах. Джильберт Блайт уже несколько раз выступал, а он только на два года старше нас. Как ты могла притворяться, что не слушаешь, Энн? Он же несколько раз посмотрел прямо на тебя.

— Диана, — твердо сказала Энн, — ты моя закадычная подруга, но я все равно не разрешаю даже тебе упоминать имя этого человека. Давай побежим наперегонки — кто раньше прыгнет в кровать!

— Давай, — с готовностью согласилась Диана.

Две девочки в белых ночных рубашках промчались по длинной и узкой комнате, вбежали в спальню для гостей и вместе прыгнули на кровать. Под ними вдруг что-то зашевелилось, кто-то охнул и придушенно проговорил:

— Господи, что это?

Энн и Диана позже даже не могли вспомнить, как выскочили из спальни — они пришли в себя, только когда на цыпочках поднимались по лестнице на второй этаж, где Диана обычно спала с младшей сестренкой.

— Кто это был? — спросила Энн, стуча зубами от холода и страха.

— Да это тетя Жозефина, — со смехом ответила Диана. — Только непонятно, как она там оказалась. Она жутко рассердится. Все получилось крайне неудачно — но правда же, очень смешно, Энн?

— А кто эта Жозефина?

— Это папина тетя, она живет в Шарлоттауне. Ей, наверное, целых семьдесят лет. Мне просто не верится, что она когда-то тоже была девочкой. Мы ждали ее в гости, но попозже. Тетя вечно делает всем замечания, а уж теперь нам совсем не поздоровится. Ну что же, придется нам лечь вместе с Минни — знала бы ты, как она брыкается во сне.

К завтраку мисс Жозефина Барри не вышла. Миссис Барри ласково улыбнулась девочкам.

— Ну как, хорошо повеселились? Я хотела вас дождаться и предупредить, что приехала тетя Жозефина и вам придется спать наверху, но я так устала за день, что заснула до того, как вы пришли. Надеюсь, вы не побеспокоили тетю Жозефину, Диана?

Диана переглянулась с Энн, но промолчала. После завтрака Энн поспешила домой и только к вечеру, когда Марилла послала ее за чем-то к миссис Линд, узнала о драматических событиях, разыгравшихся в доме Барри.

— Значит, вы вчера с Дианой чуть не до смерти напугали старую мисс Барри? — сурово спросила миссис Линд, но в глазах у нее мелькал веселый огонек. — Миссис Барри заехала ко мне на минуту по дороге в Кармоди. Она очень расстроена. Утром мисс Барри жутко сердилась, а когда Жозефина Барри сердится, это вам не шутка. Она теперь отказывается даже разговаривать с Дианой.

— Это не Диана придумала, а я, — виновато проговорила Энн. — Это я предложила побежать к постели наперегонки.

— Так я и знала! — с торжеством воскликнула миссис Линд. — Я не сомневалась, что это — твоя выдумка. Все семейство в полном расстройстве. Мисс Барри хотела пожить у них месяц, а теперь говорит, что ни при каких условиях не останется и завтра же уедет. Она уехала бы сегодня, но в санях не было места. Мисс Жозефина обещала оплатить уроки музыки для Дианы, а сейчас говорит, что для такой шальной девчонки ничего делать не будет. В общем, утром у них был жуткий тарарам. Мисс Жозефина очень богата, и Барри стараются ей угодить, а вот теперь все пошло прахом. Конечно, миссис Барри прямо мне этого не сказала, но я-то хорошо разбираюсь в людях.

— Как же мне не везет! — грустно вздохнула Энн. — Сама вечно попадаю в истории, да еще навредила своей лучшей подруге, за которую отдала бы всю кровь до капли. Почему так получается, миссис Линд?

— Потому что ты никогда не даешь себе труда подумать: что тебе приходит в голову, то ты и говоришь или делаешь.

— Но ведь в этом весь фокус: тебе приходит в голову что-то ужасно интересное и ты сразу это делаешь. А если начать раздумывать, то все испортишь. Разве у вас так не бывало, миссис Линд?

Миссис Линд покачала головой — нет, у нее так не бывало.

— Надо научиться думать, прежде чем что-нибудь совершать, Энн. А не прыгать в чужую постель очертя голову.

Миссис Линд посмеялась своей шутке, но Энн не видела в случившемся ничего смешного. Выйдя из дома миссис Линд, она направилась через заледеневшее поле к дому Дианы. Девочка сама открыла ей дверь.

— Говорят, твоя тетя Жозефина страшно сердится? — прошептала Энн.

— Да, — ответила Диана, с трудом удерживаясь от смеха и опасливо оглядываясь на плотно закрытую дверь в гостиную. — Она утром шипела и плевалась, как чайник. А как бранилась! Сказала, что я вела себя безобразно и моим родителям должно быть стыдно за то, что они меня так воспитали. Предупредила, что завтра уедет, а мне, честно говоря, все равно. Но вот папа и мама очень расстраиваются.

— Почему ты не сказала им, что это все я придумала?

— Вот еще, неужели я стану ябедничать! — негодуя воскликнула Диана. — Да я ничуть не меньше тебя виновата.

— Ну тогда я сама ей это скажу, — решительно проговорила Энн.

Диана с ужасом воззрилась на нее.

— Не пугай меня — я и так дрожу от страха, — взмолилась Энн. — Я бы скорее вошла в пушечное жерло. Но я обязана это сделать, Диана. Раз я виновата, то должна чистосердечно в этом признаться. К счастью, у меня есть опыт чистосердечных признаний.

— Ну, смотри, — сказала Диана. — Она там в гостиной. Иди, если хочешь. Я бы не посмела. Да и вряд ли это поможет.

С таким напутствием Энн приблизилась к гостиной, тихонько постучалась и, услышав резкое «Войдите!», ступила через роковой порог.

Мисс Жозефина Барри сидела, напряженно выпрямившись в кресле перед камином, и яростно работала спицами. Это была худая чопорная старуха. Ее гнев вовсе не остыл, а глаза мрачно сверкали из-под очков. Она повернулась, предполагая увидеть Диану, но перед ней стояла незнакомая девочка с бледным лицом, на котором были написаны решимость и смертельный ужас.

— Ты кто? — бесцеремонно осведомилась мисс Жозефина.

— Я Энн Ширли. Живу недалеко отсюда на ферме Грингейбл, — дрожащим голосом ответила маленькая посетительница, так крепко сжав руки, что побелели костяшки пальцев. — Я пришла сделать чистосердечное признание.

— В чем?

— Это я виновата в том, что мы вчера с разбегу прыгнули к вам в постель. Диане такое никогда не пришло бы в голову. Диана — очень воспитанная девочка, мисс Барри. Так что вы несправедливо обвиняете ее.

— Да? Несправедливо? А мне кажется, что Диана прыгнула на меня вместе с тобой. Чтобы в приличном доме бросались на гостей!

— Но мы же просто играли, — убеждала ее Энн. — Мисс Барри, неужели вы нас не простите? Ну хотя бы простите одну Диану — она так мечтает учиться музыке. Мне-то хорошо известно, каково это — мечтать о чем-нибудь и знать, что этого никогда не будет. Если вам хочется сердиться — сердитесь на меня. Когда я была маленькой, на меня все без конца сердились, я к этому привыкла и мне это легче перенести, чем Диане.

К этому времени глаза старой леди уже не горели яростью и в них заиграла искорка веселого интереса. Но говорила она по-прежнему строго:

— Разве можно считать объяснением то, что вы просто играли? В мое время девочки так не играли. Ты просто не знаешь, каково это, когда ты долго ехала, страшно устала, наконец крепко заснула, и вдруг на тебя сваливаются две девчонки, пугают до смерти и лишают сна.

— Я этого не знаю, но могу легко себе представить, — убежденно закивала Энн. — Конечно, это очень неприятное пробуждение. Но попробуйте понять нас. У вас есть воображение, мисс Барри? Попробуйте поставить себя на наше место. Мы понятия не имели, что в этой постели кто-то спит, и сами испугались до смерти. У нас просто сердце упало. И потом, нам обещали, что мы будем спать в комнате для гостей, а испытать это счастье нам так и не пришлось. Вы-то, наверное, привыкли спать в комнатах для гостей. Но представьте себе, какие чувства вы бы испытывали, если бы были бедной сиротой, которой до сих пор ни разу еще не выпадала такая честь.

Мисс Жозефина совсем перестала сердиться и даже засмеялась. При этих звуках Диана, ожидавшая на кухне исхода разговора, замирая от волнения, облегченно вздохнула.

— Боюсь, что мне давно не приходилось до такой степени напрягать свое воображение, — призналась тетя Жозефина. — Но, кажется, у тебя есть законные основания ожидать моего сочувствия. Все зависит от точки зрения. Садись-ка рядом и расскажи мне о себе.

— Извините, но я не могу сейчас здесь задерживаться, — твердо заявила Энн. — Я бы с удовольствием с вами поговорила — вы, похоже, интересный человек и, может быть, даже окажетесь родственной душой, хотя по виду об этом сразу не догадаешься. Но я должна идти домой к Марилле Кутберт. Мисс Марилла — очень добрая женщина, которая удочерила меня и хочет дать мне хорошее воспитание. Она очень старается, но ей со мной нелегко. Это не ее вина, что я прыгнула к вам в постель. Но, пожалуйста, скажите, что вы прощаете Диану и проживете в Эвонли месяц, как собирались.

— Может быть, и проживу, если ты будешь навещать сюда почаще и беседовать со мной, — улыбнулась мисс Барри.

Вечером мисс Барри подарила Диане браслетку и сказала ее родителям, что распаковала чемоданы и остается, как и предполагала, на месяц.

— Я решила остаться хотя бы для того, чтобы лучше познакомиться с этой Энн, — откровенно сообщила она. — Она меня забавляет, а в мои годы так редко встречаешь что-

то забавное.

Когда Марилла услышала про эту историю, она произнесла только четыре слова: «Я так и знала». И выразительно посмотрела на Мэтью.

Мисс Барри прожила в Эвонли месяц и даже задержалась еще на несколько дней. Хозяевам с ней оказалось ладить легче, чем обычно, потому что беседы с Энн поддерживали в старухе хорошее настроение. Мисс Барри и Энн очень сдружились.

Уезжая, мисс Барри сказала:

— Запомни, Энн, когда приедешь в Шарлоттаун, обязательно поживи у меня. Я помещу тебя в самую гостевую из всех своих гостевых спален.

— Мисс Барри действительно оказалась родственной душой, — поведала Энн Марилле. — Хотя с виду и не скажешь. Вот с Мэтью я почувствовала родство душ с первой минуты, а с ней только постепенно. Оказывается, родственников душ на свете не так мало, как я раньше думала. И это замечательно!

## Глава двадцатая

### НАДЕЖДЫ ЭНН НЕ ОПРАВДЫВАЮТСЯ

— Господи, вся жизнь состоит из встреч и расставаний, — как-то пожаловалась Энн, положив на кухонный стол школьную сумку с грифельной доской и вытирая красные глаза совершенно промокшим носовым платком. — Как хорошо, что я взяла в школу запасной платок — словно чувствовала, что он мне понадобится.

— Вот уж не думала, что тебе не хватит одного носового платка, чтобы оплакать расставание с мистером Филлипсом, — насмешливо сказала Марилла.

— Мне кажется, я плакала не оттого, что мне жаль расставаться с ним, — задумчиво молвила Энн, — а просто все плакали, и я заплакала тоже. Первой была Руби Джиллис. Она всегда говорила, что терпеть не может мистера Филлипса, но как только он начал свою прощальную речь, она разрыдалась. А за ней и остальные девочки. Я долго держалась, Марилла, напоминая себе, сколько раз он меня обижал, но все-таки не выдержала.

Девчонки продолжали плакать и по дороге домой, и мне тоже было очень грустно. Но как-то трудно пребывать в полном отчаянии, когда впереди два месяца каникул. Кроме того, мы встретили нового пастора с женой — они ехали со станции. Хотя мы и были очень расстроены после расставания с мистером Филлипсом, но все же успели разглядеть их. У него очень хорошенькая жена. На ней было платье из голубого муслина с прелестными буфами и шляпка, отделанная розочками. Пока в доме пастора идет ремонт, они будут жить у миссис Линд.

Вечером Марилла отправилась к миссис Линд — якобы для того, чтобы вернуть взятую прошлой зимой растяжку для простегивания одеял. Подобная же мысль посетила многих любопытных женщин Эвонли. В тот вечер к миссис Линд вернулась масса предметов, которые она в разное время одолжила соседям и уже не надеялась когда-нибудь заполучить обратно. Принесли их, разумеется, сами женщины, жаждавшие посмотреть на нового пастора и его жену — их приезд в маленькую тихую деревушку явился событием первостепенной важности.

Новый пастор и его жена, у которых еще не кончился медовый месяц, были молоды, хороши собой и горели желанием достойно выполнять свою миссию. Они сразу завоевали сердца жителей Эвонли. Всем понравился дружелюбный и чистосердечный молодой пастор, исполненный самых высоких идеалов и самых серьезных намерений, и его кроткая молодая жена. Энн незамедлительно влюбилась в миссис Аллан, обретя в ней еще одну родственную душу.

— Какая прелесть эта миссис Аллан, — объявила Энн после очередного посещения воскресной школы. — Она теперь будет вести наш класс — и у нее замечательные взгляды на преподавание. Она сразу сказала нам, что считает несправедливым, чтобы вопросы задавал только учитель, — а ты же знаешь, Марилла, я тоже всегда так думала. Она просила нас смело спрашивать ее обо всем, что нам непонятно, и я задала ей уйму вопросов. Ты же знаешь, Марилла, как я люблю задавать вопросы.

— Еще бы мне не знать! — буркнула Марилла. Потом задумчиво сказала: — Надо как-нибудь пригласить мистера и миссис Аллан на чай. Их уже почти все приглашали, кроме нас. Так когда же? Пожалуй, в среду. Только ни слова Мэтью, а то он придумает предлог

сбежать из дому. Для него это трудное дело — познакомиться с новым пастором, а тут еще молодая жена! Да он со страху умрет.

— Буду молчать как могила, — пообещала Энн. — Марилла, а ты позволишь мне испечь что-нибудь собственными руками для миссис Аллан? Ты же знаешь — у меня уже неплохо получается.

— Можешь испечь слоеный торт.

Весь понедельник и вторник Грингейбл готовился к приему пастора и его жены. Марилла вознамерилась затмить всех прочих кулинарок в Эвонли. Энн с восторгом участвовала в приготовлениях и без конца обсуждала их с Дианой.

— Поглядела бы ты, что мы наготовили. Заливная курица и холодный язык. Два сорта желе — красное и желтое, сбитые сливки, лимонный кекс, пирог с вишнями, три сорта печенья, фруктовый торт, знаменитый джем из желтых слив, который Марилла подает только священникам, кекс с маком, ореховый торт, и Марилла испечет свежий хлеб, но поставит на стол и вчерашний — вдруг у пастора от свежего случится изжога. Миссис Линд говорит, что у всех пасторов дурное пищеварение, но мне кажется, мистер Аллан вряд ли успел испортить себе желудок. Ой, Диана, а когда я думаю про свой слоеный торт — я его буду делать с утра, — у меня мурашки бегут по спине от страха. Вдруг он у меня не получится! — Ну почему же, обязательно получится. В прошлый раз ты приносила кусок, и он был очень вкусный, — успокоила ее добрая Диана.

Наступила среда. Энн встала на рассвете — какой там сон, когда надо печь торт! Она принялась за него сразу после завтрака, и, только сунув его в духовку, облегченно перевела дух.

— Вроде я на этот раз ничего не забыла, Марилла. Но вдруг он не поднимется? Что мы тогда будем делать?

— Ничего, еды и так достаточно, — хладнокровно успокоила Марилла.

Но торт получился на славу: высокий, пышный, золотистый. Радостно сияя, Энн украсила его красным желе и уже представляла себе, как миссис Аллан просит еще один кусочек.

— Марилла, ты ведь достанешь наш лучший сервиз, да? — спросила она. — А можно, я поставлю на стол букеты из роз и папоротников?

— Глупости все это, — пренебрежительно буркнула Марилла. — Главное — угощение, а не всякие там цветочки.

— А у миссис Барри были на столе цветы, — вкрадчиво сказала Энн, — и пастор сделал ей комплимент. Сказал, что ее стол вдвойне радует глаз.

— Ну ладно, делай по-своему, — согласилась Марилла, которая не собиралась отдавать пальму первенства миссис Барри и вообще кому бы то ни было. — Только смотри, чтобы осталось место и для блюд, и для чашек.

Энн поставила себе задачу так украсить стол, чтобы напроць затмить миссис Барри. В саду хватало роз и папоротников, а уж вкуса Энн было не занимать. В результате стол являл собой такое прелестное зрелище, что мистер и миссис Аллан ахнули от восхищения.

— Это Энн придумала, — признала Марилла. Миссис Аллан одобрительно улыбнулась девочке, и та вся расцвела от счастья.

Мэтью тоже вышел к гостям. Каким чудом его удалось выманить к столу, знала только Энн. Марилла совсем было махнула на него рукой — его просто бросало в дрожь при мысли о встрече с незнакомыми людьми. Но Энн сумела его уломать, и теперь он сидел за столом в своем выходном костюме и вполне членораздельно разговаривал с пастором. К миссис Аллан он не посмел обратиться ни с единым словом, но таких подвигов от него никто и не ожидал.

Все шло прекрасно, пока Марилла не предложила гостям отведать слоеный торт. Миссис Аллан к тому времени съела столько вкусного, что отказалась было от нового лакомства, но Марилла, увидев, как померкло личико Энн, сказала:

— Пожалуйста, миссис Аллан, возьмите кусочек! Энн специально испекла его для вас.

— Тогда придется попробовать, — засмеялась миссис Аллан и положила себе на тарелку довольно большой кусок торта. Марилла также взяла два куска — себе и пастору.

Миссис Аллан откусила немного торта, и на лице у нее появилось какое-то странное выражение. Однако она ничего не сказала и продолжала жевать. Заметив это, Марилла поспешно откусила от своего куска.

— Энн! — вскричала она. — Что ты положила в этот торт?

— Я все клала по рецепту, — с ужасом пролепетала Энн. — А что, невкусно?

— Невкусно! Омерзительно! Миссис Аллан, не заставляйте себя его есть. Какие ты клала специи?!

— Ваниль, — ответила Энн. Она уже попробовала торт и покрылась красными пятнами от стыда и огорчения. — Только ваниль. Наверное, мука была плохая. Мне с самого начала казалось...

— При чем здесь мука! Пойди принеси мне бутылку, из которой ты брала ваниль.

Энн побежала в кладовку и вернулась с бутылкой, в которой была коричневая жидкость и надпись на этикетке: «Ваниль».

Марилла взяла бутылку, вынула пробку и понюхала содержимое.

— Боже правый! Ты влила в торт болеутолитель. На прошлой неделе я нечаянно отбила горлышко от бутылки с болеутолителем и перелила его в пустую бутылку из-под ванили. Тут, конечно, есть и моя вина — надо было тебя предупредить, — но неужели ты не почувствовала, что это пахнет совсем не ванилью?

Энн расплакалась.

— У меня такой насморк — я почти не различаю запахов!

С этими словами она выскочила из-за стола и бросилась к себе наверх, где упала ничком на кровать и безутешно разрыдалась.

Через минуту-другую на лестнице послышались шаги, потом кто-то вошел в комнату.

— Ой, Марилла! — рыдала Энн, не поднимая головы. — Я опозорена навеки. Мне этого никогда не забудут. Про этот торт обязательно узнают в Эвонли — ведь у нас все и про всех знают. Диана спросит, хорошо ли получился торт, и мне придется сказать ей правду. Надо мной будет смеяться Джил... Все мальчишки умрут от смеха. Марилла, если у тебя есть сердце, не заставляй меня мыть сейчас посуду. Я ее помою, когда уйдут, гости. Я просто не в силах взглянуть миссис Аллан в лицо. Может быть, она думает, что я хотела ее отравить. Миссис Линд рассказывала, как одна сирота пыталась отравить свою приемную мать. Но

ведь болеутолитель не ядовит. Его же принимают внутрь — хотя и не с тортом. Пожалуйста, Марилла, скажи это миссис Аллан!

— А ты лучше встань с постели и скажи ей это сама, — раздался веселый голос.

Энн действительно вскочила с постели и увидела перед собой улыбающуюся миссис Аллан.

— Девочка моя, не надо так плакать, — утешала она, увидев горестную физиономию

Энн. — Ну, произошла смешная ошибка — кто угодно может ошибиться.

— Нет, такое случается только со мной, — печально заключила Энн. — А я так старалась, миссис Аллан.

— Я знаю, милочка. Уверяю тебя, я ценю твои старания не меньше, чем если бы торт получился такой, как тебе хотелось, и, пожалуйста, перестань плакать. Лучше покажи мне свой сад. Мисс Кутберт говорит, что у тебя есть своя клумба. Я очень люблю цветы, и мне хочется ее увидеть.

Энн дала себя уговорить и сошла вниз с миссис Аллан, думая о том, что с родственной душой не страшны никакие бедствия. Больше о торте не было сказано ни слова. Когда гости стали прощаться, Энн вдруг поняла, что очень хорошо провела вечер — несмотря на полный провал с тортом. И все-таки, когда они с Мариллой остались вдвоем, она со вздохом сказала:

— Как хорошо, что завтра наступит новый день, в котором я еще не наделала ошибок.

— Не сомневаюсь, что ты и завтра что-нибудь натворишь, — улыбнулась Марилла. — Уж в этом-то с тобой никто не сравнится.

— Это верно, — согласилась Энн, — но ты должна признать, Марилла, что однажды сделанных ошибок я уже не повторяю. Это все-таки хоть какое-то утешение.

— Невелико утешение, когда ты вечно делаешь новые.

— Ну как же, Марилла! Должен же быть предел. Когда-нибудь я дойду до этого предела, и с ошибками будет покончено. Нет, это все-таки утешает.

— Ладно, поди отдай торт свиньям, — предложила Марилла. — Человек это съесть не в состоянии. Даже Джерри от него откажется.

## Глава двадцать первая

### ЭНН ПРИГЛАШЕНА НА ЧАЙ

— Ну, что еще приключилось? — спросила Марилла, когда в дом с сияющим видом влетела Энн, которую она посылала на почту. — Нашла еще одну родственную душу?

— Нет, Марилла, но я приглашена на чай. На почте мне дали письмо от миссис Аллан. Посмотри: мисс Энн Ширли, Грингейбл. В первый раз в жизни меня назвали «мисс». Ой, Марилла, у меня прямо сердце замирает! Я буду беречь это письмо всю жизнь как самую драгоценную реликвию.

— Миссис Аллан говорила, что собирается позвать к себе на чай по очереди всех своих учеников из воскресной школы, — охладила Марилла пыл девочки. — Так что нечего впадать в такой экстаз. Тебе надо научиться спокойнее смотреть на вещи, Энн.

Но для того чтобы спокойно смотреть на вещи, Энн нужно было стать другим человеком. Такой уж она родилась: воспринимала все радости и горести жизни с утроенной силой. В тот вечер она легла спать в глубочайшем унынии, так как Мэтью сказал, что ветер задул с северо-востока и завтра наверняка пойдет дождь. Шорох тополиных листьев напоминал ей звук дождевых капель, а глухой отдаленный шум прибоя, который она обычно слушала с удовольствием, наслаждаясь его странным настойчивым ритмом, сейчас, несомненно, предсказывал непогоду — а ей так хотелось, чтобы завтра был ясный солнечный день. Энн никак не могла уснуть, и ей казалось, что ночь тянется бесконечно.

Но все имеет конец, даже ночь перед торжественным Днем, когда тебя пригласили на чай в дом пастора. Несмотря на прогнозы Мэтью, утро было ясное, и уныние Энн сменилось ликованием.

— Ой, Марилла! — восклицала она, моя посуда после завтрака. — Я так счастлива и одновременно боюсь, вдруг я не сумею вести себя как подобает? Я как-то не уверена, что знаю все до одного правила этикета. Вдруг я сделаю какую-нибудь глупость или забуду сделать то, что положено! Как ты думаешь, это прилично — попросить еще кусочек, если что-нибудь из угощений тебе очень понравится?

— Твоя беда, Энн, — это то, что ты слишком много думаешь о себе. Ты должна думать о миссис Аллан и о том, чтобы сделать ей приятное, — напутствовала ее Марилла, которой впервые в жизни удалось дать Энн очень полезный и четко сформулированный совет. Девочка это сразу поняла.

Видимо, Энн удалось избежать серьезных нарушений этикета, потому что она вернулась домой под вечер, прямо-таки паря по воздуху. Сидя на большой приступке из песчаника, которая лежала под дверью кухни, и положив свою усталую рыжеволосую головку на колени Мариллы, она повествовала о своем визите:

— О, Марилла, я замечательно провела время. Я чувствую, что жила не зря, и сохраню это чувство на всю жизнь, даже если меня никогда больше не пригласят на чай в дом пастора. Миссис Аллан сама открыла мне дверь. На ней было прелестное розовое кисейное платье с оборками и рукавами до локтя, и вид у нее был, как у серафима. Знаешь, Марилла, мне тоже захотелось стать женой пастора, — конечно, когда я вырасту. Пастор ведь не будет возражать против моих рыжих волос — его мысли направлены к Богу, а такие мирские пустяки его просто не могут волновать. Но, с другой стороны, жена пастора тоже должна

обладать всеми добродетелями, а это мне, боюсь, не удастся, так что лучше и не думать. Некоторым людям ничего не стоит быть добродетельными, а у других это ну никак не получается. Я как раз одна из них. Как я ни стараюсь быть хорошей девочкой и все делать правильно, все равно у меня это не получается так хорошо, как у тех, которые добродетельны от природы. Это то же самое, что геометрия. Но все-таки, Марилла, неужели мои старания мне совсем не зачтутся? Я ужасно люблю миссис Аллан. Знаешь, есть такие люди, как Мэтью или миссис Аллан, которых начинаешь любить с первой встречи, безо всякого усилия. А других, как, например, миссис Линд, приходится заставлять себя любить. Все время напоминаешь себе, как много хорошего они делают и как много дают полезных советов. К чаю позвали еще одну девочку из воскресной школы в Белых Песках. Ее зовут Лоретта Брэдли. Неплохая девочка, хоть и не родственная душа. Стол накрыли для нас роскошный, и я, кажется, не нарушила правила этикета. После чая миссис Аллан играла на пианино, а Лоретта пела. Миссис Аллан попросила меня спеть тоже и сказала, что у меня хороший голос и мне надо петь в хоре. Как же я обрадовалась! Я давно мечтала петь в хоре, как Диана, но боялась, что никогда не заслужу такой чести. Лоретта рано ушла домой, и после ее ухода мы разговаривали с миссис Аллан по душам. Я ей все про себя рассказала — и про миссис Томас, и про близнецов, и как я приехала в Грингейбл, и даже про то, как трудно мне дается геометрия. Поверишь, Марилла, миссис Аллан сказала, что она тоже ничего не понимала в геометрии, когда училась в школе? Это меня очень ободрило. Перед самым моим уходом к ним пришла миссис Линд и принесла новость: в школе будет новая учительница — женщина, а не мужчина. Ее зовут мисс Мюриель Стэси. Правда, красивое имя? Не знаю, как я дотерплю до первого сентября, мне так хочется поскорей увидеть нашу новую учительницу.

## Глава двадцать вторая

### НЕПРИЯТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЛА ЧЕСТИ

Но Энн не увидела новую учительницу через две недели. Со времени торта, сдобренного болеутолителем, прошло уже около месяца, и Марилла ожидала, что Энн скоро попадет в новую историю. Причем серьезную — мелкие уже раза два случались: например, она вылила кувшин снятого молока не в ведро, где готовилась пища для поросят, а в корзинку с мотками шерсти, а в другой раз так замечталась, что шагнула мимо мостика прямо в ручей. Но подобные происшествия Марилла уже и не считала серьезными.

Через неделю после того, как Энн была приглашена на чай в дом пастора, Диана решила позвать к себе в гости девочек из класса.

Все шло очень хорошо до тех пор, пока, напившись чаю, они не оказались в саду и, несколько поустав от игр, созрели для какой-нибудь увлекательной проказы. На сей раз им вздумалось поиграть в «подначку».

В то лето самым модным развлечением среди школьников Эвонли считалась игра в «подначку». Сначала она охватила мальчиков, а потом перекинулась и на девочек. Трудно перечислить, сколько глупостей совершалось в то лето в Эвонли потому лишь, что кто-то сказал: «Слабо!»

Для начала Керри Слоун «подначила» Руби Джиллис залезть на иву, что росла у крыльца. Руби Джиллис до смерти боялась толстых зеленых гусениц, а их на иве было полно, и еще больше боялась гнева матери, если вдруг разорвет свое новое муслиновое платье; тем не менее она резво вскарабкалась до указанного уровня и тем посрамила вышеупомянутую Керри Слоун.

После этого Джози Пайн сказала, что Джейн Эндрюс «слабо» пропрыгать на левой ноге вдоль забора, ни разу не остановившись и не ступив на правую ногу. Джейн Эндрюс бодро запрыгала вдоль забора, но у третьего угла сдалась и признала себя побежденной.

Джози торжествовала с противно-самодовольным видом. Надо было срочно утереть ей нос. Тогда Энн Ширли предложила ей пройти по верху забора с восточной стороны сада. Пройти по верху забора было делом нелегким и требовало больше ловкости и чувства равновесия, чем может показаться человеку, который сам никогда не пробовал этого делать. Но если Джози Пайн и не обладала качествами, которые завоевывают друзей, она в совершенстве владела искусством хождения по заборам. Джози прошлась по забору с таким небрежным видом, словно из-за такого пустяка и подначивать не стоило. Спустившись вниз, она торжествующе улыбнулась и бросила на Энн вызывающий взгляд. Энн дернула головой. — Подумаешь, какой подвиг — пройти по низенькому заборишку, — хмыкнула она. — Я вот знала девочку в Мэрисвилле, которая могла пройти по коньку крыши.

— Врешь, — отрезала Джози. — Я не верю, чтобы кто-нибудь мог пройти по коньку крыши. Тебе во всяком случае «слабо»!

— Не «слабо»! — вспыхнула Энн.

— Ну пройди! — вызывающе крикнула Джози. — Попробуй залезть на крышу и пройти по коньку хотя бы кухонной пристройки.

Энн побледнела, но отступить было нельзя. Она пошла к дому. У стены стояла высокая лестница. Все девочки громко ахнули. Не то от испуга, не то от восхищения.

— Энн, не делай этого, — умоляла ее Диана. — Ты упадешь и расшибешься до смерти. Не обращай внимания на Джози. Как у нее хватило совести подначивать на такое опасное дело!

— Я должна! — торжественно возразила Энн. — Это — дело чести. Или пройду по коньку — или погибну. — Если я умру, то завещаю тебе свое колечко с жемчужиной.

Энн полезла по лестнице. Девочки смотрели на нее не дыша. Добравшись до конька, она встала на ноги, раскинула руки, чтобы лучше сохранять равновесие, и сделала шаг, потом другой. У нее кружилась голова. Она была так высоко над землей, а воображение, оказывается, нисколько не помогает при ходьбе по коньку крыши. Однако Энн сумела сделать несколько шагов — и тут произошла катастрофа. Она пошатнулась, потеряла равновесие, взмахнула руками и упала. Прокатившись по покатой крыше, она рухнула на землю, оборвав при падении перепутанные плети дикого винограда, увивавшего стену кухни. Все это произошло даже раньше, чем перепуганные зрители успели разразиться истошным визгом.

Если бы Энн упала с крыши на ту сторону, где она карабкалась по лестнице, Диана, возможно, тут же унаследовала бы колечко с жемчужиной. К счастью, она упала с другой стороны, где крыша шла почти полого над крыльцом и ее край находился совсем невысоко над землей. Тем не менее, когда Диана и другие девочки обежали вокруг дома — все, кроме Руби Джиллис, с которой случилась истерика и которая не в силах была сдвинуться с места, — они увидели, что Энн лежит на земле среди оборванного плюща дикого винограда, бледная как полотно и без признаков жизни.

— Энн, ты умерла?! — дико закричала Диана, бросаясь на землю рядом с подружкой. — Энн, дорогая Энн, скажи мне хоть одно слово, чтобы я знала, что ты жива!

К огромному облегчению всех девочек, включая Джози Пайн, которая, несмотря на отсутствие воображения, живо представила себе, как ей придется прожить всю жизнь с клеймом виновницы преждевременной трагической гибели Энн Ширли, Энн села, обвела девочек отсутствующим взглядом и нерешительно проговорила:

— Я жива, Диана, просто я, кажется, потеряла сознание.

— Где? — рыдая, спросила Керри Слоун. — В каком месте, Энн?

Прежде чем Энн успела ответить на этот малопонятный вопрос, из дома вышла миссис Барри. Увидев ее, Энн попыталась вскочить на ноги, но тут же упала с криком боли.

— Что случилось? Ты что-нибудь повредила? — спросила миссис Барри.

— Щиколотку, — морщась от боли, проговорила Энн. — Диана, пожалуйста, разыщи своего папу и попроси, чтобы он отнес меня домой. Пешком я ни за что не дойду. А на одной ноге так далеко не допрыгаешь — ведь Джейн даже вдоль забора не смогла пропрыгать.

Марилла собирала в саду летние яблоки, когда на деревянном мостике появился мистер Барри и стал подниматься по дорожке к Грингейблу. Рядом с ним шла миссис Барри, а позади тащилась целая процессия девочек. Мистер Барри нес на руках Энн, голова которой бессильно откинулась ему на плечо.

Марилла оцепенела от страха. И тут на нее сошло откровение. До этого она призналась себе, что Энн ей нравится, что она даже привязалась к девочке. Но сейчас, бросившись бежать навстречу траурной процессии, она поняла, что дорожке Энн у нее нет никого на

свете.

— Что с ней, мистер Барри? — задыхаясь, спросила она. Сдержанную суховатую Мариллу никто в Эвон-ли еще не видел такой бледной и потрясенной.

Энн подняла голову и сама ответила ей:

— Не пугайся, Марилла. Просто я хотела пройти по коньку крыши и свалилась вниз. По-моему, я вывихнула щиколотку. Но ведь я могла бы сломать и шею. Так что давай порадуемся, что я удачно отделалась.

— Я так и знала, что на этом вашем сборище с тобой что-нибудь случится, — проворчала Марилла, испуская вздох облегчения. — Заносите ее в дом, мистер Барри, и положите сюда на кушетку! О Господи, она потеряла сознание!

Одна из девочек сбегала на поле, где работал Мэтью, и его тут же послали за доктором.

Доктор приехал быстро и обнаружил, что у Энн не вывих, а перелом лодыжки.

Когда Марилла вечером поднялась в комнату, где в постели лежала бледная и несчастная Энн, та спросила ее жалобным голосом:

— Тебе меня совсем не жалко, Марилла?

— Сама виновата, — ответила Марилла, опуская штору и зажигая лампу.

— Вот поэтому тебе и должно быть меня особенно жалко. Мне, по крайней мере, вдвойне тяжелее от мысли, что я сама во всем виновата. Если бы я могла винить кого-нибудь другого, мне было бы гораздо легче. А если бы тебя подначили пройти по коньку крыши, Марилла, разве ты не пошла бы?

— Я бы осталась внизу на земле и наплевала на все подначки.

Энн вздохнула.

— У тебя такой сильный характер, Марилла. А у меня так не получается. Я просто не вынесла бы насмешек Джози Пайн. Она бы всю жизнь мне это поминала. Тебе не кажется, что я уже достаточно наказана, Марилла? Не надо на меня еще и сердиться. Оказывается, потерять сознание не так уж романтично. А когда доктор вправлял сломанные кости, было невыносимо больно. Я теперь не смогу ходить шесть или семь недель — значит, я еще долго не увижу нашу новую учительницу. Когда я приду в школу, она уже не будет новой. И Джил... все меня обгонят по всем предметам. Как все ужасно. Но я постараюсь выжить, если только ты не будешь на меня сердиться, Марилла...

— Да я не сержусь, — вздохнула Марилла. — Такая уж ты нескладная девочка, но ты правильно говоришь — тебе же самой от этого хуже. Давай попробуй чего-нибудь съесть. В течение последующих семи необыкновенно долгих и скучных недель Энн не раз приходилось благословлять свое воображение. Но не только мечты скрашивали ей эти дни. Почти каждый день к ней приходили девочки из школы, приносили цветы и книги, рассказывали о последних событиях школьной жизни.

— Все были ко мне ужасно добры, — довольно сказала Энн в тот памятный день, когда она наконец, хромая, прошла по комнате. — Невелика радость — лежать в постели, но все же в этом есть и хорошая сторона, Марилла. Узнаешь, сколько у тебя друзей — даже мистер Бэлл пришел меня проводить, и оказалось, что он очень хороший человек и зря я критиковала то, как он читает молитвы. Хоть и не родственная душа, но очень милый человек. Он рассказал мне, как в детстве тоже сломал лодыжку. Так странно думать, что

мистер Бэлл когда-то был мальчиком. Даже моего воображения на это не хватает. Когда я пытаюсь представить его мальчиком, я вижу его с усами и в очках — как сейчас, только маленького роста. А вот миссис Аллан мне очень легко вообразить девочкой. Миссис Аллан приходила ко мне четырнадцать раз. Правда, это большая честь, Марилла? У нее ведь столько всяких других дел. И после ее посещений остается такое хорошее настроение. Она ни разу мне не сказала, что я сама во всем виновата и что, может, это Божье наказание пойдет мне на пользу. Миссис Линд твердила мне это каждый раз, да еще таким тоном, словно не очень верит в то, что я когда-нибудь исправлюсь. Даже Джози Пайн приходила. Я была с ней очень вежлива. Мне кажется, она жалеет, что подначила меня лезть на крышу. Если бы я убилась до смерти, она прожила бы всю жизнь под тяжестью лежащей на ней страшной вины. А Диана, моя любимая подруга, приходила каждый День, чтобы скрасить мое одинокое существование. Но как же я рада, что скоро пойду в школу! Они рассказывают такие интересные вещи про новую учительницу, всем девочкам она страшно нравится. Диана говорит, что у нее чудные волнистые волосы и очень красивые глаза. Она прекрасно одевается, и буфы на ее рукавах больше, чем у кого-либо в Эвонли. Раз в две недели она устраивает уроки декламации: небольшие представления, на которых каждый читает стихотворение или участвует в диалоге. Мне тоже хочется читать стихотворение. Джози Пайн говорит, что ненавидит декламацию, но это потому, что у Джози так мало воображения. К следующей пятнице Диана, Руби Джиллис и Джейн Эндрюс готовят сценку «Утренний визит». А в те пятницы, когда у них нет декламации, миссис Стэси уводит весь класс в лес, и они изучают цветы, и папоротники, и птиц. И еще у них сейчас утром и вечером уроки физкультуры. Миссис Линд говорит, что никогда ни о чем подобном не слыхивала и что от женщины-учительницы добра не жди. А я считаю, что все это замечательно, и надеюсь, что мисс Стэси окажется родственной душой.

— Одно мне ясно, Энн, — заключила Марилла, — падение с крыши не отучило тебя трещать как сорока. Может, ногу ты и сломала, но язык у тебя остался в полном порядке.

## Глава двадцать третья

### ШКОЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

В школу Энн пошла только в октябре. Новая учительница оказалась доброй и умной, обладала волшебным даром завоевывать любовь своих учеников и помогать им развивать свои сильные стороны. С Энн у нее сразу установилось полное взаимопонимание и дружба, и девочка приносила домой восторженные рассказы о школьных делах, которые Мэтью слушал с безоговорочным одобрением, а Марилла — со здоровым скептицизмом.

— Я полюбила мисс Стэси всей душой, Марилла. У нее такие изысканные манеры и такой приятный голос. Сегодня у нас была декламация. Жаль, что вы оба не слышали, как я читала монолог из «Марии Стюарт». Я вложила в него всю душу. Руби Джиллис потом сказала мне, что у нее мурашки бегали по коже.

— А ты мне как-нибудь прочитай его в сарае, — предложил Мэтью.

— Обязательно прочитаю, — задумчиво ответила Энн, — но только так же хорошо у меня, наверное, не получится. Читать кому-нибудь одному — это не то же самое, когда тебя, замирая, слушает весь класс. Вряд ли у тебя будут мурашки бегать по коже, Мэтью.

— Миссис Линд говорит, что у нее тоже мурашки забегали по коже, когда она увидела, как мальчики лезут на самую верхушку этих огромных деревьев возле школы в прошлую пятницу. Им, видишь ли, понадобились вороньи гнезда, — сообщила Марилла. — И как это мисс Стэси им разрешает?

— Но нам нужно было воронье гнездо, — объяснила Энн. — На урок природы. Это страшно интересные уроки: мисс Стэси все так прекрасно объясняет. После походов в лес она велит нам писать сочинения, и у меня это получается лучше всех.

— Ну зачем же хвастаться, Энн? Подождала бы, пока это скажет учительница.

— Но она уже говорила, Марилла. И я вовсе не хвастаюсь. Чего тут хвастаться, когда я так тупа в геометрии? Хотя сейчас, кажется, начинаю и в ней немного разбираться. Мисс Стэси так хорошо все объясняет. Но в геометрии я никогда не преуспею, так что задаваться у меня нет причин. А вот сочинения писать обожаю. Мисс Стэси обычно позволяет нам самим выбирать тему, но на следующую неделю она задала написать о каком-нибудь выдающемся человеке. Прямо не знаю, кого и выбрать — в мире было столько выдающихся людей. Как это, наверное, замечательно — быть выдающимся человеком и знать, что после смерти о тебе будут писать сочинения! Мне бы ужасно хотелось стать выдающейся личностью. Когда вырасту, я, наверное, выучусь на медицинскую сестру и пойду работать в Красный Крест, чтобы оказывать помощь раненым на поле брани. Но это если я не стану миссионером. Миссионер — очень романтическая профессия, однако тут нужно обладать всеми христианскими добродетелями, а для меня это камень преткновения. И у нас еще каждый день бывают уроки физкультуры. Они развивают пластику движений и помогают пищеварению.

— Какая там еще пластика! — фыркнула Марилла, которая искренне считала физкультуру дурацкой выдумкой.

Но и уроки природы в лесу, и декламация по пятницам, и развивающая пластику движений физкультура померкли на фоне грандиозного предприятия, задуманного мисс Стэси и объявленного ею в ноябре. Она предложила своим ученикам подготовить концерт и

выступить с ним на Рождество в зале Эвонли. Выручка от концерта пойдет на покупку флага для школы. Все школьники с готовностью согласились участвовать в концерте и тут же стали решать, кто с чем выступит. Разумеется, никто из участников будущего концерта не впал в такое возбуждение, как Энн Ширли, которая начиная с первого дня отдавала ему все свои помыслы, хотя ей и приходилось без конца выслушивать сердитое ворчанье Мариллы, считавшей всю эту затею сплошной глупостью.

— Вместо того чтобы заниматься уроками, придумали какой-то дурацкий концерт, — ворчала она. — Зачем это нужно, чтобы дети ставили концерты, бегали на репетиции? Они только начинают заноситься, и к тому же у них появляется предлог отлынивать от учебы.

— Но это делается с благородной целью, Марилла! — взывала Энн. — У школы будет свой флаг. Он поможет развитию в нас чувства патриотизма.

— Вздор! Какой там патриотизм — вы просто придумали себе развлечение...

— А разве патриотизм не может совмещаться с развлечением? Что в этом плохого? Конечно, это очень интересно — ставить концерт. Я буду репетировать свои роли в мансарде. Так что не пугайтесь, если услышите, как оттуда доносятся стоны. В одной роли мне надо душераздирающе стонать, а художественно стонать — это не простое дело, Марилла. Джози Пайн дуется на всех за то, что ей не дали роль Королевы фей. Но это же смешно, чтобы такая толстуха изображала фею! Феи должны быть изящными. Так что Королевой будет Джейн Эндрюс, а я буду одной из ее фрейлин. Джози говорит, что рыжая фея — это так же смешно, как и толстая, но я на нее просто не обращаю внимания. У меня на голове будет венок из белых роз, и Руби Джиллис одолжит мне свои туфельки — у меня ведь нет туфелек. А фея должна быть в туфельках. Нельзя же ей быть в башмаках! Я знаю, что ты относишься к этому концерту без особого восторга, Марилла, но неужели тебе не хочется, чтобы твоя маленькая Энн отличилась?

— Я буду довольна, если ты хотя бы не выкинешь какой-нибудь новый фортель. Скорей бы уж это все кончилось и ты успокоилась. Ты просто ни о чем думать не можешь, кроме ролей и стонов. Уж как у тебя язык не протерся до дыр, я просто понять не могу.

Энн вздохнула и ушла на задний двор, над которым взошел молодой месяц и где Мэтью колот дрова. Девочка уселась на широкий чурбан и стала рассказывать Мэтью про концерт — уж в его-то лице у нее имелся самый благодарный слушатель.

— Само собой, у вас получится отличный концерт. А ты в нем обязательно отличишься, — улыбался он, глядя на ее оживленное личико. А Энн улыбалась в ответ. Они были закадычными друзьями, и Мэтью много раз благословлял судьбу за то, что ему не надо воспитывать Энн. Это было делом Мариллы. Зато он мог сколько душе угодно, по выражению Мариллы, «баловать Девчонку».

## Глава двадцать четвертая

### МЭТЬЮ НАСТАИВАЕТ НА РУКАВАХ С БУФАМИ

Мэтью попал в переплет. В сумерках раннего декабрьского вечера он пришел домой, сел на табурет в углу кухни и начал снимать рабочие башмаки, совсем забыв, что в гостиной Энн со своими подругами репетирует «Королеву фей». И вдруг все девочки, весело стрекоча и смеясь, высыпали из гостиной в прихожую, а потом на кухню. Они не увидели Мэтью, который вжался в свой темный угол с одним башмаком в руке, но он-то их хорошо рассмотрел за те десять минут, что они надевали пальтишки и шапочки и болтали о своих ролях на концерте. Энн была среди них, веселая и оживленная, но Мэтью вдруг почувствовал, что она чем-то отличается от своих подруг. Эта разница не понравилась Мэтью — ее быть не должно. Энн имела более выразительное лицо, более лучистые глаза и более тонкие черты лица, чем у других девочек, — даже застенчивый ненаблюдательный Мэтью давно оценил ее внешность. Но беспокоившая его разница заключалась не в этом. Тогда в чем же?

Вечером, к негодованию Мариллы, он закурил трубку, чтобы как следует обдумать эту проблему. Мэтью курил трубку и думал в течение двух часов и наконец нашел решение загадки: Энн была одета не так, как другие. Он вспомнил стайку девочек, которых видел вечером — все они были в нарядных платьях ярких цветов — красных, голубых, розовых, белых... И Мэтью впервые задумался: почему это Марилла шьет для Энн такие скучные темные платья?

Может быть, так оно и нужно. Марилла в этом лучше разбирается, а они договорились, что воспитывать Энн будет она. Может быть, эта темная одежда имеет какое-то непонятное ему назначение. Но неужели девочке повредит, если у нее будет одно красивое платье — вроде тех, что каждый день носит Диана Барри? И Мэтью решил купить Энн такое платье. До Рождества осталось всего две недели. Новое платье будет отличным рождественским подарком для Энн. Со вздохом удовлетворения Мэтью отложил трубку и пошел спать, а Марилла принялась проветривать дом, открыв все двери.

Обдумав предстоящее предприятие, Мэтью не осмелился не спросить совета и отправился к миссис Линд. Та, видя, в какой растерянности пребывает Мэтью, с готовностью взяла все на себя.

— Купить красивую материю на платьице для Энн? С удовольствием. Завтра я поеду в Кармоди и выберу что-нибудь хорошенькое. Ты не думал, что это должно быть? Нет? Тогда я сама выберу. Мне кажется, что Энн пойдет густой шоколадный цвет, а я как раз видела в магазине Блэра шелк такого цвета — очень красивый. Может быть, мне самой и сшить платье? Если этим займется Марилла, то Энн обязательно узнает, и сюрприза не получится. Согласен? Мне будет не трудно. Для примерок позову свою племянницу Дженни Джиллис, у них с Энн совершенно одинаковые фигурки.

— Ну тогда... я вам очень благодарен, — выговорил Мэтью, — и... вот еще... не знаю уж... но мне бы хотелось... мне кажется, что сейчас рукава шьют не так, как раньше. Если вам нетрудно... мне бы хотелось, чтобы они были нового фасона.

— С буфами? Ну, конечно. Ни о чем не волнуйся, Мэтью. Я сошью платье по самому новейшему фасону, — пообещала миссис Линд. А про себя подумала: «Наконец-то у

бедной девочки будет приличное платье. Марилла одевает ее просто безобразно. Мне уже сто раз хотелось ей это сказать. Однако я молчала, зная, что Марилла не хочет слушать советов. Считает, что хотя она и старая дева, но знает о воспитании детей больше, чем я. Я полагаю, что, одевая Энн в темные безобразные платья, она хочет воспитать в ней смирение, но от этого в девочке скорее появятся зависть и недовольство. Разве она не чувствует, что одета не так, как другие дети? Но кто бы подумал, что Мэтью способен это заметить! Этот человек проспал шестьдесят лет и вдруг проснулся».

Марилла, конечно, заметила, что Мэтью что-то затеял, но догадаться, что именно, она так и не смогла, пока в сочельник миссис Линд не принесла новое платье для Энн. Марилла постаралась скрыть свое недовольство, хотя, конечно, не поверила дипломатическому объяснению, будто Мэтью не хотел, чтобы Энн узнала о подарке раньше времени.

— Так вот отчего он все ухмылялся с эдаким заговорщицким видом, — без особой обиды проворчала Марилла. — Я так и знала, что он замыслил какую-нибудь глупость. Я-то считаю, что у Энн достаточно платьев и другие ей ни к чему: осенью я сшила ей три теплых платья, а больше — это уже просто расточительство. Посмотрите на эти рукава — да из них можно сшить целое платье! Ты только раздуешь ее самомнение, Мэтью, а она и так о себе слишком много воображает. Ну ладно, по крайней мере, она хоть успокоится — Энн столько вздыхала об этих глупых рукавах чуть ли не с первого дня. Правда, сказала мне об этом только один раз. А эти буфы делаются все больше и больше и уже похожи на воздушные шары. Если мода на них не пройдет, в следующем году женщинам придется проходить в дверь боком.

В рождественское утро мир за окном сверкал белизной. Весь декабрь стояла теплая погода, и думали уже, что Рождество будет «зеленым». Но в ночь на Рождество выпал снег, и Эвонли преобразился. Проснувшись, Энн выглянула в окно, и ее глаза загорелись восторгом. Ели вокруг фермы покрылись белым инеем, березы и вишни сверкали перламутром, а вспаханные поля превратились в волнистые снежные равнины. Стоял легкий бодрящий морозец, дышалось особенно легко, и Энн побежала вниз с радостными восклицаниями:

— Счастливого Рождества, Марилла! Счастливого Рождества, Мэтью! Как я рада, что у нас «белое» Рождество. Я не люблю, когда Рождество «зеленое». Это ведь только говорится, что оно «зеленое», а на самом деле все противного серо-коричневого цвета. И почему люди называют этот цвет зеленым? Как... Мэтью... это мне?! О Мэтью!!

Мэтью со смущенным видом развернул бумагу, в которую было завернуто новое платье, и протянул его Энн, бросив виноватый взгляд на Мариллу. А та сделала вид, что ее это не касается и она занята исключительно чайником, хотя искоса с интересом наблюдала, как девочка отреагирует на подарок.

Энн взяла платье и долго смотрела на него в благоговейном молчании. До чего же оно красивое! Мягкий, шоколадного цвета шелк, юбка с оборочками, изящно присобранная талия, воротничок из тонкого белого кружева. А рукава — лучше просто не может быть! Длинные до локтя манжеты, а сверху замечательные, перетянутые коричневыми шелковыми ленточками буфы.

— Это тебе мой подарок на Рождество, Энн, — застенчиво сказал Мэтью. — Чего же ты молчишь? Тебе не нравится?

Дело в том, что на глаза Энн вдруг навернулись слезы.

— Не нравится?! О Мэтью! — девочка повесила платье на спинку кресла и стиснула руки на груди. — Мэтью, это не платье, а воплощенная мечта! У меня просто не хватает слов, чтобы выразить, как я тебе благодарна! А рукава! Нет, мне это, наверное, снится.

— Ну ладно, хватит восклицать, садитесь завтракать, — вмешалась Марилла. — По-моему, Энн, это платье тебе совершенно ни к чему, но раз уж Мэтью подарил, береги его. Миссис Линд еще передала ленточку для волос того же цвета, что и платье. Ну хватит же, садись за стол!

— Ой, не знаю, смогу ли я проглотить хоть кусочек, — в упоении проговорила Энн. — В такую счастливую минуту завтрак кажется слишком прозаическим занятием. Я бы лучше любовалась платьем. Как я рада, что рукава с буфами все еще в моде! Я уж боялась, что они выйдут из моды, а я их так и не поношу. В душе навсегда осталась бы заноза. И спасибо миссис Линд за ленточку. Она так пойдет к платью.

Когда закончился прозаический завтрак, на деревянном мостике появилась фигурка Дианы в красном пальто. Энн кинулась вниз по дорожке ей навстречу.

— Счастливого Рождества, Диана! Какое сегодня прекрасное Рождество! Я тебе покажу что-то замечательное! Мэтью подарил мне роскошное платье с просто восхитительным рукавами. Я и представить себе не могла, что у меня когда-нибудь будет такое красивое платье!

— А у меня тоже есть для тебя подарок, — сообщила Диана. — Вот, в этой коробке. Тетя Жозефина прислала нам большую коробку с подарками — чего там только нет! А вот это она прислала специально для тебя. Я бы прибежала еще вчера вечером, но посылку принесли поздно, когда было уже темно.

Энн открыла коробку и заглянула внутрь. Сверху лежала рождественская открытка, на которой было написано: «Для моей милой Энн. Счастливого Рождества». А под открыткой оказалась пара изящных туфелек из лайки с атласными бантиками и сверкающими пряжками.

— Ой! — воскликнула Энн. — Это уже чересчур! Мне, наверное, снится.

— А я считаю, что все ужасно кстати. Теперь тебе есть в чем выступать на концерте и не надо будет брать туфли в займы у Руби...

Весь день школьники Эвонли украшали зал, и затем устроили генеральную репетицию. Концерт получился на славу. Зал оказался переполнен. Все артисты выступили отлично, а Энн была просто звездой труппы, чего не осмелилась отрицать даже завистливая Джози Пайн.

— Какой божественный вечер, — прошептала Энн, когда они после концерта шли с Дианой домой под звездным небом Эвонли.

— Да, все получилось очень хорошо, — ответила практичная Диана. — По-моему, за билеты выручили чуть ли не десять долларов. Мистер Аллан собирается напечатать об этом концерте заметку в шарлоттаунской газете.

— Неужели мы действительно увидим свои имена в газете? У меня сердце замирает при одной мысли об этом. Ты так хорошо спела свою песенку, Диана. Я ужасно гордилась тобой, когда тебя вызывали на «бис».

— Но и тебе тоже очень много аплодировали, Энн. Ты замечательно читала свои монологи. А тот, грустный, просто всех за душу взял.

— Я так волновалась, Диана. Когда мистер Аллан назвал мое имя, у меня едва хватило сил выйти на сцену. Мне казалось, что на меня смотрят миллионы глаз, и жутко пересохло в горле. Но потом я вспомнила, какое на мне красивое платье с буфами, и взяла себя в руки. Я просто не имела права подвести Мэтью. Когда я начала читать, мой собственный голос доносился откуда-то издалека. Я чувствовала себя попугаем. Хорошо, что я так вызубрила эти монологи и столько раз репетировала их в мансарде. Иначе они от страха выскочили бы у меня из головы. А как получились стоны?

— Стоны были изумительны, — ответила Диана.

— Когда я садилась на свое место, я увидела, как миссис Слоун вытирает слезы. Как приятно сознавать, что ты сумела кого-то растрогать до глубины души. Какой это был незабываемый вечер!

— Но мальчики ведь тоже отлично сыграли свои сценки, правда? — спросила Диана. — А Джильберт Блайт просто блистал. Ну почему ты так плохо обращаешься с Джильбертом, Энн? Знаешь что? Когда ты убежала со сцены после вашего отрывка из «Королевы фей», у тебя из волос выпала роза. И я видела, как Джильберт подобрал ее и положил в нагрудный карман курточки. Вот! Ты говоришь, что у тебя романтический характер, неужели тебя это не трогает?

— Меня совершенно не касается, что делает этот человек. — Энн высокомерно вздернула подбородок. — Он для меня просто не существует, Диана.

Вечером, после того как Энн легла спать, Марилла и Мэтью, которые были на концерте впервые за последние двадцать лет, сидели на кухне перед очагом.

— Что хочешь говори, а Энн утерла всем им нос! — с гордостью произнес Мэтью.

— Это верно, — признала Марилла. — Она способная девочка. А какая хорошенькая! Мне как-то не нравилась выдумка с концертом, но, пожалуй, в этом не было ничего плохого. И я просто гордилась нашей Энн, хотя никогда ей в этом не признаюсь.

— Ну, а я так прямо ей и сказал после ужина, что горжусь ею, — улыбнулся Мэтью. — Нам надо подумать о будущем Энн, Марилла. Мне кажется, что когда она закончит школу в Эвонли, ей нужно учиться дальше.

— Ну, до этого еще далеко, — махнула рукой Марилла. — В марте ей исполнится только тринадцать лет. Но сегодня я вдруг заметила, как она выросла. Платье миссис Линд ей немного длинновато, и она кажется в нем такой высокой. Она умная девочка, и самое лучшее, что мы можем для нее сделать — это послать учиться в Куинс-колледж. Но об этом еще рано говорить. Вот пройдет год-другой...

— Ну, думать-то об этом можно и сейчас, — заметил Мэтью. — Такую серьезную вещь надо хорошенько обмозговать.

## Глава двадцать пятая

### НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА ПОДПРАВИТЬ ПРИРОДУ

Как-то вечером в конце апреля, идя домой с собрания общества, Марилла вдруг остро почувствовала, что на дворе весна. Над пашней в лучах заходящего солнца поднимался сизый пар, остроконечные тени падали от елок на луг. Природа просыпалась, в земле, под покровом прошлогодней травы, заструились живые токи.

Марилла любовно глядела на свой дом, окна которого яркими всплесками отражали лучи заходящего солнца. Как хорошо возвращаться домой к пылающему очагу и накрытому столу — не то что раньше, когда Энн еще не поселилась у них. Тогда, возвращаясь с собрания, она должна была все делать сама.

Но, войдя в кухню, Марилла увидела, что огонь в очаге потух, стол не накрыт, а Энн нигде не видно. Ее охватило вполне справедливое раздражение. Она же велела Энн приготовить чай к пяти часам, а теперь ей надо скорее снимать выходное платье и готовить все самой — Мэтью вот-вот вернется с поля.

— Ну, я ей покажу, когда она придет домой! — сердито ворчала Марилла, строгая стружку для растопки печи с большей, чем для этого требовалось, энергией.

Мэтью уже пришел и сидел на своем месте в углу, терпеливо дожидаясь ужина.

— Шляется где-нибудь с Дианой, разыгрывает сценки или занимается еще какой-нибудь ерундой, а о своих обязанностях и думать позабыла, — сердито продолжала Марилла. — Надо ей сделать хорошее внушение. Что бы там ни говорила миссис Аллан — дескать, другой такой умненькой и доброй девочки свет не видывал, — а голова ее забита всякой чепухой, и никогда не знаешь, какой еще фортель она выкинет. Ой, что это я — в точности повторяю слова Рэйчел, которые так разозлили меня сегодня на собрании. Я же так обрадовалась, когда миссис Аллан заступилась за Энн. Если бы не она, я, пожалуй, сказала бы Рэйчел пару теплых слов при всех. Кто спорит, у Энн масса недостатков, но ее воспитанием занимаюсь я, а не Рэйчел Линд, которая выискала бы недостатки у самого архангела Гавриила, если бы он жил в Эвонли. Но все равно, на что это похоже — уйти гулять, когда я ее оставила смотреть за домом? Вообще-то, хотя она порой и делает глупости, но так еще меня не подводила — она всегда выполняет все мои приказания. Что это на нее нашло?

— Ну-ну, не так уж все страшно, — успокоил ее Мэтью, который, обладая незаурядным терпением и, кроме того, сильно проголодавшись, не мешал Марилле изливать свой гнев, по опыту зная, что она быстрее все сделает, если с ней не затевать несвоевременные споры. — Подожди ее ругать, Марилла. Ты еще не знаешь, почему она тебя не послушалась. Может быть, есть какое-то объяснение — Энн здорово умеет все объяснять. — Чего там объяснять! — перебила его Марилла. — Я велела ей быть дома, а ее нет. Интересно, как она мне это объяснит? А ты всегда за нее заступаешься, Мэтью, хотя воспитываешь ее не ты, а я.

Стемнело. Марилла приготовила ужин, но, вопреки ее ожиданиям, ни на мостике, ни на дорожке не появилась фигурка запыхавшейся Энн, полной раскаяния из-за того, что она пренебрегла возложенными на нее обязанностями. Марилла с поджатыми губами перемыла посуду. Потом ей понадобилась свеча, чтобы спуститься в погреб, и она пошла в комнату

Энн, где на столе всегда стояла свеча. Марилла зажгла ее и, обернувшись, увидела, что девочка лежит на кровати, укрывшись с головой одеялом.

— Боже правый, — едва выговорила Марилла, — ты что, Энн, заснула?

— Нет, — раздался приглушенный одеялом голос.

— Так что же, заболела? — встревожилась Марилла, подходя к кровати.

Энн еще глубже зарылась под одеяло, словно желая навеки скрыться от человеческих взоров.

— Нет. Пожалуйста, Марилла, уходи и не гляди на меня. Я в бездне отчаяния, и мне уже все равно, кто будет первым учеником в классе, кто напишет самое лучшее сочинение и кто будет петь в церковном хоре. Все это мелочи, которые уже не имеют ни малейшего значения — мне все равно никогда и никуда уже не выйти из дому. Моя карьера окончена. Пожалуйста, Марилла, уходи и не смотри на меня.

— Нет, вы послушайте, что она говорит! — Марилла изумленно всплеснула руками. — Что с тобой, Энн Ширли? Сейчас же вылезай из-под одеяла и расскажи мне, что случилось. Сейчас же! Ну, так в чем дело?

Энн послушно откинула одеяло и села на кровати.

— Посмотри на мои волосы, Марилла, — прошептала она.

Марилла поднесла свечу к лицу Энн и вгляделась в волосы, рассыпавшиеся у нее по плечам. Действительно, они выглядели как-то странно.

— Что ты сделала со своими волосами, Энн? Они же зеленого цвета!

Их нельзя было даже назвать по-настоящему зелеными — это был какой-то странный мутный цвет с бронзовым отливом, а кое-где, усиливая общее кошмарное впечатление, проглядывали прядки естественных рыжих волос. Такого нелепого зрелища Марилла не видела ни разу в жизни.

— Да, зеленые, — простонала Энн. — Я думала, что на свете ничего не может быть хуже рыжих волос. Но теперь я знаю — зеленые волосы в сто раз хуже. О Марилла, ты не представляешь, в каком я отчаянии!

— Но как это тебя угораздило? Пошли на кухню — здесь слишком холодно. Там расскажешь, что ты сделала со своими волосами. Я давно жду от тебя очередного фортеля — уже два месяца, как с тобой ничего не случилось, значит пора. Так что же ты сделала со своими волосами?

— Я их покрасила.

— Покрасила? Покрасила волосы! Разве ты не знаешь, что этого порядочные женщины не делают?

— Я понимаю, что это нехорошо, — призналась Энн, — но я считала, что можно совершить небольшой грех, чтобы избавиться от рыжих волос. И я собиралась быть особенно послушной и прилежной, и тем его искупить.

— Ну уж, если бы я решила совершить грех и выкрасить волосы, то я хотя бы постаралась придать им какой-нибудь приличный цвет, а не зеленый.

— Да разве я хотела сделать их зелеными? Если уж грешить, то чтобы в этом был какой-то смысл. Он сказал, что мои волосы будут цвета воронова крыла — он так меня в этом уверял. Ну почему я должна была ему не верить, Марилла? Я знаю, как это ужасно, когда

тебе не верят. И миссис Аллан говорит, что человеку надо верить до тех пор, пока у нас не будет доказательств, что он лжет. Ну вот, теперь оно у меня есть: волосы зеленого цвета — это очень веское доказательство. Но тогда-то у меня ведь не было доказательств, и я ему безоговорочно поверила.

— Кому ему?

— Коммивояжеру. Он зашел сюда утром, и я купила у него краску для волос.

— Энн, сколько раз я тебя просила не пускать этих итальяшек в дом! Я вообще у них никогда ничего не покупаю.

— В дом я его и не пустила. Я вспомнила, что ты мне наказывала, и вышла за дверь поглядеть, что он там предлагает. И это был вовсе не итальянец, а немецкий еврей. У него имелась масса интересных вещей. Он сказал, что старается накопить денег, чтобы выписать из Германии свою жену и детей. Он говорил о них с такой любовью и страшно меня растрогал. Я решила помочь ему в его благородном деле и что-нибудь купить. И тут я увидела бутылку с краской для волос. Коммивояжер сказал, что она красит любые волосы в черный цвет и что она несмываемая. Вот я и вообразила себя с волосами, черными как вороново крыло, и не смогла противостоять искушению. Бутылочка стоила семьдесят пять центов, а у меня нашлось только пятьдесят. Но у него доброе сердце, и он сказал, что так и быть, продаст мне краску за пятьдесят центов, хотя в таком случае ничего не заработает. Так я ее и купила, а как только он ушел, поднялась наверх и стала размазывать краску по волосам старой расческой, как говорилось в инструкции. Я извела всю краску, а потом, когда увидела, какого жуткого цвета стали мои волосы, раскаялась в своих грешных помыслах. Марилла, поверь мне, что я непрерывно раскаиваюсь вот уже несколько часов...

— Надеюсь, покаяние пойдет тебе на пользу, — сурово произнесла Марилла, — и ты наконец поймешь, куда могут завести суетные мысли и желания. Не знаю, что теперь делать с твоей головой. Сначала, наверное, надо ее хорошенько вымыть и посмотреть, что из этого получится.

Энн несколько раз яростно намылила голову, но проку от этого не было никакого. В одном продавец ее не обманул — краска не смывалась, даже если ему можно было предъявить претензии относительно правдивости остальных утверждений.

— Что же теперь делать, Марилла? — со слезами взмолилась Энн. — Эти волосы мне будут поминать до конца моих дней. Другие мои ошибки уже почти забыты: и то, как я положила болеутолитель в торт, и то, как напоила Диану допьяна, и даже как набросилась на миссис Линд. Но этого не забудут. А как будет хохотать Джози Пайн! Я самая несчастная девочка на острове Принца Эдуарда!

Энн пребывала в безутешном отчаянии целую неделю. За все это время она ни разу не вышла из дому и каждый день мыла голову. Из всех посторонних в роковую тайну была посвящена только Диана, поклявшаяся никому ее не разглашать и, можно об этом сообщить заранее, сдержавшая свое слово. В конце недели Марилла решительно сказала:

— Ничего у тебя не получится, Энн. Такой прочной краски свет не видывал. Придется тебя остричь — в таком виде, как сейчас, из дому не выйдешь.

У Энн задрожали губы, но она понимала, что Марилла права, и с горестным вздохом отправилась за ножницами.

— Остриги меня, Марилла, и дело с концом. У меня просто сердце разрывается. Это так неромантично. В книгах девушек стригут, потому что они тяжело больны, или они продают свои волосы, чтобы найти деньги на какое-то доброе дело. Для этого и мне не жалко было бы расстаться с волосами. Но чем можно утешиться, если тебя остригли наголо, потому что ты выкрасила волосы в жуткий зеленый цвет? Я буду плакать все время, пока ты меня будешь стричь, Марилла. Надеюсь, это тебе не помешает. Какая меня постигла трагедия! И Энн действительно заплакала, а после, когда она пошла к себе наверх и взглянула в зеркало, у нее от отчаяния окаменело сердце. Марилле пришлось остричь ее очень коротко, и внешность Энн от этого, мягко говоря, не выиграла. Девочка повернула зеркало к стене.

— Я ни разу на себя не взгляну, пока не отрастут волосы! — поклялась она.

Но потом вдруг передумала и повернула зеркало обратно.

— Нет, буду глядеть. Это получится своего рода епитимья. Каждый раз, заходя в комнату, я буду видеть, как я себя изуродовала. И даже не стану воображать, что ничего подобного не произошло. Вот уж никогда не думала, что дорожу своими волосами. А оказывается, я ими дорожила, пусть они и рыжие. Они все-таки были пышные, длинные и волнистые. Наверное, теперь надо ждать чего-нибудь плохого с моим носом.

В следующий понедельник Энн пошла в школу. Ее остриженная голова произвела сенсацию, но, к ее облегчению, никто не догадался, почему ей пришлось остричься, даже Джози Пайн, которая, однако, не преминула сообщить, что она похожа на огородное пугало.

— И я ей даже ничего не ответила, — рассказывала Энн вечером Марилле, которая отдыхала на диване после приступа мигрени, — потому что считаю, что это мне тоже послано в наказание и его нужно покорно нести. Знаешь, Марилла, как это неприятно, когда тебе говорят, что ты похожа на пугало! Мне ужасно хотелось тоже сказать ей что-нибудь обидное. Но я сдержалась. Я бросила на нее презрительный взгляд, а потом простила.

Когда прощаешь, чувствуешь себя очень добродетельной, правда? Я собираюсь употребить все силы на то, чтобы быть добродетельной, и больше никогда не буду мечтать о том, чтобы стать красивой. Конечно, быть добродетельной лучше. Я это твердо знаю, но иногда так трудно поверить даже в то, что твердо знаешь. Я очень хочу стать такой же, как ты, Марилла, и мисс Стэси, и миссис Аллан, и еще я хочу, чтобы ты мной гордилась. Диана говорит, что когда мои волосы немного подрастут, их можно будет перевязывать черной бархатной ленточкой с бантиком сбоку. Она считает, что мне это пойдет... Я не очень много болтаю, Марилла? У тебя от меня еще не разболелась голова?

— Голова почти прошла. Вот после обеда болела ужасно. Эта мигрень совсем меня замучила, и приступы делаются все чаще. Придется сходить к доктору. А твоя болтовня — да нет, от нее у меня голова не болит. Я к ней как-то привыкла.

Не могла же она в самом деле признать, что болтовня Энн ее забавляет.

## Глава двадцать шестая

### ЛИЛЕЙНАЯ ДЕВА И ЕЕ СПАСИТЕЛЬ

— Конечно, тебе надо быть Элейн, Энн, — сказала Диана. — У меня просто смелости не хватит пуститься вниз по течению на плоскодонке.

— И у меня тоже, — добавила Руби Джиллис. — Я согласна плавать на ней вдвоем или втроем, и сидя. Но лечь на дно и притвориться мертвой — нет, этого я не могу. Я умру от страха.

— Конечно, это очень романтично, — признала Джейн Эндрюс. — Но я просто не смогу лежать не шевелясь. Я буду все время подскакивать, чтобы посмотреть, где я и не занесло ли меня слишком далеко. И получится уже совсем не то, Энн.

— Но мои рыжие волосы Элейн тоже не подходят. Я не боюсь плыть по течению, притворяясь мертвой, и мне ужасно хочется изображать Элейн. Но куда мне, с рыжими-то волосами? Элейн должна изображать Руби — у нее такое нежное личико и такие чудесные белокурые волосы. Помните, как у Теннисона: «Золотистые кудри рассыпались по плечам»? Элейн была Лилейная дева. Рыжая девочка не может быть Лилейной девой.

— Ну, предположим, цвет лица у тебя не хуже, чем у Руби, — убеждала ее Диана, — а волосы, после того как ты постриглась, стали гораздо темнее.

— Ты и правда так думаешь? — воскликнула Энн, вспыхнув от радости. — Ты знаешь, мне иногда тоже так казалось, но я не смела никого спросить: боялась услышать, что какими они были — такими и остались. Как ты думаешь, Диана, их теперь можно назвать каштановыми? — Конечно, можно, и они очень даже красивые, — ответила Диана, любуясь короткими шелковистыми кудряшками на голове Энн, перехваченными черной бархатной ленточкой с бантиком.

Девочки стояли на берегу пруда, где в воду вдавался небольшой, поросший березами мысок. На конце его находились маленькие деревянные мостки, к которым причаливали рыбаки и охотники на уток. Позади возвышался холм, на котором располагалась ферма Барри. Руби и Джейн пришли после обеда к Диане, и Энн тоже присоединилась к ним, чтобы во что-нибудь поиграть.

В это лето Энн с Дианой проводили почти все свободное время на пруду. Их шалаш в роще перестал существовать — весной мистер Блэр безжалостно срубил рощицу, примыкавшую к его выгону, где Энн с Дианой провели столько счастливых часов. Энн просидела добрый час среди пеньков, горько оплакивая потаенное место игр, не забывая при этом, что, очевидно, представляет собой весьма романтическое зрелище. Однако она быстро утешилась. В конце концов, как сказала Диана, им уже пошел четырнадцатый год и детские игры пора бросать. А на пруду можно найти массу гораздо более увлекательных занятий. Они ловили форель с мостика, научились грести и плавали на маленькой плоскодонке, которую мистер Барри держал для охоты на уток.

Идея инсценировать «Элейн» пришла в голову, конечно же, Энн. Они изучали «Королевские идиллии» Теннисона зимой в школе, разобрали их по косточкам, препарировали и анализировали, пока не потеряли всякий интерес и почти совсем перестали ощущать их прелесть. Но, по крайней мере, Лилейная дева Элейн, Ланселот, Гиневра и король Артур стали для них очень близкими персонажами, и Энн втайне вздыхала, почему она не

родилась в Камелоте. Тогда было такое романтическое время, не то что сейчас. Идею Энн приветствовали с восторгом. Девочки уже знали, что если плоскодонку оттолкнуть от этого места, она поплывет по течению к мосту и в конце концов причалит к берегу возле другого мыса на нижнем конце пруда. Они часто плавали туда, и это было очень подходящее место для инсценировки легенды о Лилейной деве.

— Ну хорошо, я буду Элейн, — неохотно согласилась Энн. Ей очень хотелось играть главную роль, но ее художественное чутье протестовало против несоответствия собственной внешности облику Лилейной девы. — Руби, ты будешь королем Артуром, Джейн будет Гиневрой, а Диане придется играть роль Ланселота. Но сначала вам надо будет изображать братьев и отца Элейн. Придется обойтись без старого глухонемого слуги, потому что в плоскодонке, если я лягу на дно, больше места не останется. Надо будет украсить ее черным крепом. У твоей мамы есть старая черная шаль, Диана, — она как раз подойдет для этого.

Когда Диана принесла черную шаль, Энн постелила ее на дно плоскодонки, легла, закрыла глаза и сложила руки на груди.

— Ой, посмотрите, совсем как мертвая, — пугливо прошептала Руби Джиллис, глядя на бледное личико, на котором мелькали тени от склонившихся над прудом берез. — Девочки, мне страшно. Может быть, грешно представляться мертвой? Миссис Линд говорит, что всякое лицедейство — страшный грех.

— Руби, не поминай миссис Линд, — строго сказала Энн. — Не забывай, что все это произошло за сотни лет до того, как она родилась. Ты портишь впечатление. Джейн, накрой меня. Глупо же, чтобы мертвая Элейн разговаривала.

Джейн взялась за дело. У них не было шитого золотом покрывала, но вместо него прекрасно сошла японская желтая накидка для пианино. Белую лилию в это время года найти было невозможно, но высокий стебель цветущего ириса, который вложили Энн в руки, производил не меньшее впечатление.

— Кажется, все готово, — сказала Джейн. — Теперь нам нужно поцеловать ее в холодный лоб, а ты, Диана, скажешь: «Прощай навек, моя сестра!» Ты, Руби: «Прощай, милая сестра», — и, пожалуйста, говорите это как можно печальнее. А тебе, Энн, надо чуть-чуть улыбаться. Помнишь, как там сказано: «Элейн, казалось, улыбалась». Вот так. А теперь отталкивайте лодку.

Плоскодонку стащили с берега, царапнув при этом днищем о колышек, который почти врос в землю, и оттолкнули от мостков. Диана, Джейн и Руби подождали, пока лодку не подхватило течением. Она тихо поплыла в направлении моста, а девочки помчались напрямик через лес к тому мысу, где они должны были в образах Ланселота, Гиневры и короля Артура принимать плот с Лилейной девой.

Несколько минут, тихонько плывя по течению, Энн наслаждалась своей романтической ролью. Потом вдруг случилось нечто, заставившее ее забыть об Элейн и о «Королевских идиллиях». Плоскодонка протекала! Вскоре «Элейн» пришлось вскочить на ноги, снять с себя шитое золотом покрывало и сдернуть траурную драпировку со дна лодки.

Под шалью обнаружилась большая щель, куда прямо-таки хлестала вода. Острый колышек, по которому девочки протащили плоскодонку, вырвал кусок просмоленной пакли из щели

между досок. Этого Энн не знала, но она быстро поняла, что дело плохо. Плоскодонка затонет задолго до того, как доплывет до места назначения. А где же весла? Оставили на причале!

Энн слабо крикнула, но ее никто не услышал. Она вся побелела от страха, однако не утратила присутствия духа. У нее был шанс спастись — пусть один, но был.

— Я жутко перепугалась, — рассказывала она о своем приключении миссис Аллан на следующий день. — Лодка плыла так медленно, что, казалось, никогда не доплывет до моста. А вода в ней поднималась все выше. Миссис Аллан, я молилась изо всех сил, но глаз не закрывала. Я знала, что Бог может спасти меня только одним способом — сделать так, чтобы лодка проплыла под мостом рядом со сваей и я смогла бы на нее влезть. Вы ведь знаете: эти сваи — просто стволы деревьев, и на них полно обрубков ветвей. Вот я и просила Бога: «Боженька, направь лодку ближе к свае, а остальное я сделаю сама». И молитва моя была услышана — лодка даже ударилась о сваю носом, я схватила накидку и шаль и вскарабкалась на большой обрубок ветки, который, на счастье, торчал там. Так и оказалась я, миссис Аллан, верхом на мокрой скользкой свае, по которой не могла ни спуститься вниз, ни влезть на мост. Положение было совсем неромантическое, но я об этом тогда не думала. Когда ты только что спаслась от смерти в водной пучине, тут уж не до романтики. Я вознесла благодарственную молитву, а потом мне оставалось одно — держаться крепче. Мне было ясно, что выволить меня может только человек — Бог уже сделал все, что мог.

Плоскодонка проплыла под мостом и через несколько секунд затонула — на глазах у Руби, Джейн и Дианы, которые дожидались ее на мысу. У девочек не возникло и тени сомнения, что Энн утонула вместе с лодкой. Они окаменели от ужаса, а потом с дикими воплями бросились через лес к дому и, перебегая дорогу, идущую через мост, даже не взглянули в сторону моста. Вцепившаяся в сваю Энн видела, как они пробежали, и слышала их крики. Скоро ей на помощь придут люди, но висеть на свае было очень неудобно.

Прошло несколько минут. Бедной Лилейной деве они показались вечностью. Почему же никто не спешит ей на помощь? Куда подевались ее подруги? Неужели все они потеряли сознание от ужаса? Что, если с ней от напряжения случится судорога и она не сможет больше держаться? Энн посмотрела вниз на зеленую воду, жутко черневшую в глубине, и содрогнулась. Разыгравшееся воображение рисовало ей картины неминуемой гибели. И тут, когда ей стало казаться, что скоро она не выдержит и упадет в воду, под мост вплыла лодка Хармона Эндрюса, в которой сидел Джильберт Блайт. Джильберт поднял голову и, к своему изумлению, увидел бледное личико Энн. Глаза ее были расширены от страха, но тем не менее выражали презрение.

— Энн Ширли! Как ты сюда попала? — воскликнул он. И, не дожидаясь ответа, подплыл к свае и протянул девочке руку. Делать было нечего: Энн пришлось принять помощь Джильберта Блайта и спрыгнуть к нему в лодку. Она села на скамейку, мокрая и негодующая на судьбу. В руках у нее была мокрая черная шаль и желтая накидка. В такой ситуации очень трудно сохранять достоинство.

— Что случилось, Энн? — спросил Джильберт, берясь за весла.

— Мы инсценировали сцену смерти Элейн, — ледяным тоном объяснила Энн, не удостоивая своего спасителя даже взглядом, — и мне полагалось приплыть в Камелот на барже — то есть плоскодонке. Но плоскодонка дала течь, и я едва успела вскарабкаться на сваю. Девочки побежали за помощью. Пожалуйста, отвези меня к мосткам.

Джилберт беспрекословно повернул лодку и сделал так, как она просила. Презрительно отказавшись от протянутой руки, Энн ловко прыгнула на берег.

— Весьма тебе признательна, — надменно сказала она и повернулась, чтобы идти. Но Джилберт, который тоже выпрыгнул из лодки, задержал ее, взяв за локоть.

— Слушай, Энн, — торопливо заговорил он. — Ну почему мы не можем быть друзьями? Я очень жалею, что посмеялся тогда над твоими волосами. Я вовсе не хотел тебя обидеть, просто пошутил. И это было так давно. А сейчас у тебя волосы стали очень красивыми — честное слово, они мне нравятся. Давай помиримся.

На секунду Энн задумалась. В ней проснулось новое и странное чувство; несмотря на обиду, которая еще не прошла, ей было приятно видеть застенчивую надежду и просьбу в глазах Джилберта. У нее как-то странно дрогнуло сердце. Но старая обида тут же взяла верх. Энн так живо вспомнила ту сцену в школе, словно она произошла вчера. Джилберт назвал ее волосы «морковным хвостиком», опозорив перед всем классом. Взрослому человеку, может, показалось бы смешным столько времени держать зло по столь пустяковому поводу, но не Энн. Такое не забывается и не прощается!

— Нет, — холодно ответила она. — Мы с тобой никогда не будем друзьями. Я не желаю с тобой мириться.

— Ладно же! — крикнул Джилберт, прыгая обратно в лодку. Его лицо вспыхнуло от гнева. — Больше я уже никогда не предложу тебе дружбу, Энн Ширли. И вообще, мне нет до тебя никакого дела!

Быстрыми сердитыми гребками он послал лодку вперед, а Энн пошла по крутой тропинке к дому Дианы. Она гордо несла голову, но в глубине души почему-то испытывала тайное сожаление. Может, надо было помириться с Джилбертом? Конечно, он тогда ее ужасно оскорбил, но все же... Странно, но почему-то захотелось сесть на траву и хорошенько выплакаться. Нельзя же забывать, какую встряску она перенесла, сначала чуть не утонув и потом еще так долго цепляясь за сваю.

На полпути ей встретились Джейн и Диана, которые бежали назад к пруду вне себя от ужаса, граничащего с умопомешательством. Родителей Дианы не оказалось дома. Узнав это, Руби Джиллис разрыдалась, а две другие девочки, предоставив Руби самой приходить в себя, побежали в Грингейбл. Но и там тоже не оказалось взрослых: Марилла уехала в Кармоди, а Мэтью косил сено на дальнем поле.

— Энн, ты жива?! — воскликнула Диана, бросаясь на шею подруге и заливаясь слезами — на этот раз уже от счастья. — Энн... мы думали... что ты... утонула... и чувствовали себя... убийцами... потому что... заставили тебя... изображать... Элейн. Руби в истерике... Энн, как же ты спаслась?

— Я вскарабкалась на сваю, — устало ответила Энн, — а потом мимо проплывал Джилберт Блайт в лодке мистера Эндрюса, и он отвез меня на берег.

— Ой, какой молодец! Как это романтично! — произнесла Джейн, наконец перестав плакать. — Ну, теперь-то ты с ним помиришься?

— И не подумаю! — сердито крикнула Энн, в которой на мгновение проснулся былой боевой дух. — И пожалуйста, Джейн, никогда больше не произноси при мне слово «романтично». Мне очень жаль, что вы так напугались, девочки. Я сама во всем виновата. Я, видимо, родилась под несчастливой звездой. Что бы я ни сделала, получается какая-нибудь глупость. Вот теперь мы утопили вашу плоскодонку, Диана, и у меня такое предчувствие, что мне уже больше никогда не позволят плавать на лодке.

Предчувствие Энн оказалось более точным, чем это обычно бывает с предчувствиями. Когда родители Дианы и Марилла с Мэтью узнали об этом новом происшествии, они пришли в ужас.

— Ты когда-нибудь возьмешься за ум, Энн? — простонала Марилла.

— Знаешь, Марилла, наверное, возьмусь, — оптимистично закивала Энн. Она успела выплакаться у себя в комнатке, успокоилась, и к ней вернулась обычная жизнерадостность. — По-моему, есть все основания надеяться, что я больше не буду делать глупости.

— Откуда ты это взяла?

— Понимаешь, Марилла, — объяснила Энн, — это происшествие послужило для меня хорошим уроком. С тех пор как я стала жить в Грингейбле, я постоянно делала одну ошибку за другой, но каждая ошибка помогала мне избавиться от какого-нибудь недостатка в моем характере. Например, случай с аметистовой брошью научил меня никогда не трогать чужое. Торт с болеутолителем научил быть внимательной, когда я что-нибудь готовлю. Случай с зелеными волосами — излечил от тщеславия. Я теперь никогда не думаю о своих волосах и своем носе — или почти никогда. А сегодняшний случай излечит меня от излишней романтичности. Я пришла к выводу, что нет смысла искать романтику в Эвонли. Хорошо им было в замке Камелот сотни лет назад, но в наши дни романтика никому не нужна. Вот увидишь, Марилла, ты скоро убедишься, что я исправилась — по крайней мере, в этом отношении.

— Дай-то Бог, — скептически отозвалась Марилла. Но когда Марилла вышла из кухни, Мэтью, который все это время молча сидел в своем углу, подошел к Энн и положил руку ей на плечо.

— Не надо совсем уж отказываться от романтики, Энн, — застенчиво прошептал он. — Немножко романтики — это не так уж плохо, главное, чтобы ее не было чересчур много. Но немножко все-таки оставь, Энн, немножко оставь...

## Глава двадцать седьмая

### ЭПОХА В ЖИЗНИ ЭНН

Энн гнала коров домой с пастбища через ближний лесок. Наступал сентябрьский вечер, и все прогалины и полянки в лесочке были заполнены розовым закатным светом. Вдруг из калитки, ведущей на ферму Барри, вышла Диана. По ее виду Энн сразу догадалась — у Дианы важные новости. Но она сдержала свое любопытство.

— Какой вечер, Диана, розовая мечта! В такой вечер становится радостно, что живешь. По утрам я всегда думаю, что самое лучшее время дня — утро, а когда приходит вечер, то кажется, что вечер еще красивее.

— Да, сегодня чудесный вечер, — отозвалась Диана. — но ты не представляешь, Энн, какие у меня для тебя новости. Мама сегодня получила письмо от тети Жозефины, она приглашает нас с тобой в город в следующий вторник. Она сводит нас на сельскохозяйственную ярмарку, и мы будем ночевать у нее в доме.

— О Диана, — прошептала Энн, бессильно прислонившись к стволу клена, — неужели правда? Только Марилла меня, наверное, не отпустит.

— А мы попросим, чтобы мама ее уговорила. Ее она скорее послушает. А если она тебя отпустит, представляешь, что это будет за поездка! Я ни разу не была на ярмарке, и так обидно слушать, как другие девочки рассказывают о ней. Джейн и Руби были уже два раза, и в этом году родители их тоже возьмут.

— Я вообще не буду про это думать, пока не узнаю, отпустит ли меня Марилла, — твердо заявила Энн. — Так вот настроишься — а потом узнаешь, что не едешь, — это выше моих сил. Но если она мне все-таки разрешит поехать, то все складывается удачно — к тому времени будет готово мое новое пальто. Марилла считала, что мне не нужно новое пальто — проходишь, дескать, еще зиму в старом. «Хватит с тебя и того, что ты получила новое платье», — сказала она. А платье очень красивое, Диана, — синее и сшито по последней моде. Марилла теперь шьет мне модные платья — не хочет, чтобы Мэтью обращался за помощью к миссис Линд. Я так этому рада. Но Мэтью сказал, что мне нужно новое пальто, и Марилла, не говоря ни слова, купила отрез синего сукна, и теперь настоящая портниха из Кармоди шьет мне пальто. И когда мы с Мэтью ездили в Кармоди, он купил мне очень хорошенькую шляпку. Знаешь, какие сейчас носят — из синего бархата, отделанную золотым шнуром с кисточками. А твоя новая шляпка, Диана, просто чудо как элегантна и очень тебе идет. Как ты думаешь, это грех — так много думать о нарядах? Марилла считает, что грех. Но ведь это такая интересная тема, правда?..

Марилла позволила Энн поехать на ярмарку; договорились, что во вторник мистер Барри отвезет девочек в Шарлоттаун. Поскольку до города было тридцать миль, а мистер Барри хотел вернуться домой в тот же день, решили выехать ранним утром. Энн вскочила с постели еще до восхода солнца. Глянув в окно, она убедилась, что день обещает быть погожим — небо за елками серебристого цвета и без единого облачка. В доме Барри в комнате Дианы горел свет — значит, она тоже встала.

Мэтью разжег очаг, и к тому времени, когда Марилла спустилась в кухню, завтрак был уже готов. Но Энн от волнения почти ничего не ела. После завтрака она надела изящную новую шапочку, новое пальто и поспешила по тропинке к дому Барри. Мистер Барри и Диана уже

ждали ее, и через несколько минут они отправились в путь.

Путь был не близкий, но Энн с Дианой он доставил огромное удовольствие. Какое блаженство ехать в коляске по влажной от росы дороге и смотреть, как рдеет восток и солнце заливает убранные поля! Воздух был свежий и бодрящий, ветерок шевелил голубоватую дымку, окутывающую долины и курившуюся на вершинах холмов. Иногда дорога шла через лесок, где клены уже надели свой золотисто-красный наряд, порой выходила к морскому берегу и посеребрившим от вечных ветров рыбацким домикам. Когда они переезжали мосты через реки, сердце Энн замирало от полузабытого восторженного страха. Но где бы ни проходила дорога, кругом была масса всего интересного, и девочки болтали без умолку. В полдень они уже достигли Шарлоттауна и подъехали к великолепному особняку Бичвуд, скрытому от взглядов могучими вязами и буками. Мисс Барри встретила их в дверях. Ее черные глазки весело поблескивали.

— Наконец-то ты приехала ко мне в гости, Энн-плутовка, — обрадовалась она. — Господи, как ты выросла! Уже выше меня. И так похорошела! Но ты, наверное, и сама это знаешь.

— Нет, я этого не знала, — просияла Энн. — Я знаю, что у меня стало меньше веснушек, и благодарна судьбе хотя бы за это. И даже не осмеливалась надеяться, что стала красивее. Я очень рада, раз вы так думаете, мисс Барри.

Дом мисс Барри выглядел роскошно, как Энн впоследствии рассказывала Марилле. Две девочки из захолустья пришли в некоторую растерянность, оставшись одни в великолепной гостиной, пока мисс Барри ушла распорядиться насчет обеда.

— Прямо как дворец, — прошептала Диана. — Я никогда раньше не бывала у тети Жозефины и не представляла себе, что у нее такой импозантный дом. Вот бы на него посмотрела Джулия Бэлл — перестала бы тогда хвастаться своей гостиной.

— Бархатные ковры, — восторженно проговорила Энн, — и шелковые занавески! Я всегда мечтала о таком убранстве. Но знаешь, Диана, я чувствую себя тут не очень уютно. В этой комнате столько прекрасных вещей, что не остается простора для воображения. Когда ты беден, у тебя есть по крайней мере одно утешение — тебе есть о чем мечтать.

Девочки надолго запомнили эту поездку в Шарлоттаун.

В среду мисс Барри поехала с ними на ярмарку, и там они провели весь день.

— Это было восхитительно, — рассказывала потом Энн Марилле. — Я не представляла себе, что там может быть так интересно. Я даже не могу сказать, какой отдел лучше всех. Пожалуй, мне больше всего понравились лошади, цветы и рукоделие. Джози Пайн получила первый приз за свое кружево. Я за нее от души порадовалась. И еще я порадовалась, что рада за Джози — это значит, что у меня исправляется характер. Правда, Марилла, если я способна радоваться успеху Джози, значит у меня появляются христианские добродетели? Мистер Хармон Эндрюс получил второй приз за яблоки сорта Гравенстейн, а мистер Бэлл — первый приз за свинью. Диана сказала, что это просто смешно — чтобы директор воскресной школы получал приз за свинью, а по мне, почему бы и нет? А ты как думаешь? Диана сказала, что теперь она будет вспоминать эту свинью. А миссис Линд получила первый приз за масло и сыр домашнего изготовления. Так что Эвонли не упал лицом в грязь. Я и не подозревала, как люблю миссис Линд, пока не увидела ее лицо среди этой толпы незнакомых людей. Ой, Марилла, там были просто тысячи посетителей! От этого я

почувствовала себя какой-то маленькой мошкой. Мисс Барри взяла нас с собой на главную трибуну смотреть скачки. Диана так увлеклась, что предложила мне пари: она ставила десять центов на рыжую лошадь. Я думала, что вряд ли эта лошадь выиграет забег, но от пари отказалась, потому что собиралась рассказать миссис Аллан обо всем, что происходило на ярмарке, и решила, что она не одобрит игру на скачках. Потом я обрадовалась, что отказалась от пари, потому что рыжая лошадь таки выиграла забег, и я бы потеряла десять центов. Так что добродетель была вознаграждена. И еще там запустили воздушный шар с человеком в корзине. Как бы мне хотелось полетать на воздушном шаре, Марилла! Это же так интересно — поглядеть на все сверху, но и страшно, наверное, тоже! А один человек продавал бумажки с предсказаниями судьбы. Даешь ему десять центов — и попугай выбирает для тебя скатанную роликом бумажку. Мисс Барри дала нам с Дианой по десять центов, чтобы мы узнали нашу судьбу. На моей бумажке было написано, что я выйду замуж за bruneta и уеду с ним за океан. После этого я внимательно вглядывалась во всех brunetов, какие встречались, но ни один мне не понравился, а потом я решила, что, наверно, еще рано его высматривать — надо подождать несколько лет. Ой, Марилла, это был незабываемый день! Я так устала, что ночью не могла уснуть. Мисс Барри, как и обещала, поместила нас в комнату для гостей. Это была очень красивая комната, Марилла, но оказалось, что спать в комнате для гостей вовсе не так уж интересно, как я думала раньше. Это самое плохое во взрослении. То, о чем ты мечтала ребенком, оказывается вовсе не таким замечательным, как представлялось.

В четверг девочки катались в коляске мисс Барри в парке, а вечером она взяла их на концерт в Музыкальную академию, где выступала известная певица. Энн вспоминала этот вечер как волшебную сказку.

— Марилла, это просто не поддается описанию. Я пришла в такое волнение, что даже не могла говорить — одно это должно тебе многое сказать. Я сидела затаив дыхание, и у меня голова кружилась от восторга. Мадам Селицка — необыкновенная красавица. На ней было белое атласное платье и бриллиантовое кольцо. Но когда она запела, я про все забыла. У меня на глазах выступили слезы, но это были слезы восторга. Я ужасно огорчилась, когда концерт окончился, и сказала мисс Барри, что не представляю, как смогу теперь вернуться к повседневной жизни. А она ответила, что вот если мы сейчас пойдем в ресторан на другой стороне улицы и съедим там по порции мороженого, то я, наверное, легче вернусь к повседневной жизни. Это звучало так прозаически, Марилла, но, к моему удивлению, она оказалась права. Мороженое было замечательно вкусное, и сидеть в ресторане в одиннадцать часов вечера и есть мороженое казалось мне верхом шика городской жизни. Диана сказала, что хотела бы всегда жить в городе. Мисс Барри спросила меня, где мне нравится больше — в городе или в деревне, но я ответила, что мне надо об этом серьезно подумать. Так вот, когда я легла спать и подумала, я пришла к выводу, что не рождена для жизни в городе и что я этому очень рада. Конечно, приятно есть мороженое в одиннадцать часов вечера в сверкающем огнями ресторане, но это хорошо только как праздник; а в будни мне больше нравится в одиннадцать часов крепко спать у себя в комнатке и даже сквозь сон чувствовать, что над крышей светят звезды и ветерок шевелит ветки елок за мостиком. Так я и сказала мисс Барри за завтраком на следующее утро, и она очень

смеялась. Она вообще смеялась, что бы я ни говорила, даже когда я касалась самых серьезных вещей, и это мне не очень нравилось. Я ведь совсем не старалась ее рассмешить. Но все равно она принимала нас с царским гостеприимством.

В пятницу мистер Барри приехал, чтобы отвезти девочек домой.

— Надеюсь, вам у меня понравилось, — улыбнулась мисс Барри при расставании.

— Очень, — просто ответила Диана.

— А тебе, мой дружок Энн?

— Это был самый замечательный праздник в моей жизни! — воскликнула Энн, бросилась мисс Барри на шею и чмокнула ее в сморщенную щеку. Диана никогда бы не осмелилась сделать что-либо подобное и даже испугалась смелости Энн. Но мисс Барри была очень довольна. Она долго стояла на веранде, глядя вслед коляске, которая увозила девочек, а потом со вздохом пошла в свой огромный дом. Без молодых щебечущих голосов он показался ей одиноким и унылым. Говоря по правде, мисс Барри была довольно эгоистичной леди и никогда никого особенно не любила, заботясь исключительно о своем комфорте. Она ценила только тех людей, которые были ей полезны или развлекали ее, как Энн. Потому старая леди весьма благоволила девочке. Но в последнее время мисс Барри заметила, что думает не столько о смешных высокопарных речах Энн, сколько о ее восторженном отношении к жизни, ее прозрачно-чистой душе, искренности, милых веселых глазах.

«Я-то считала, что Марилла совершила большую глупость, удочерив девочку из приюта, — сказала она сама себе, — но теперь мне кажется, что она поступила правильно. Если бы у меня в доме жила такая девочка, как Энн, моя жизнь была бы гораздо счастливее».

Обратная поездка понравилась Энн и Диане даже больше, чем поездка в город — ведь теперь они ехали домой. Перейдя по мостику через ручей, Энн заметила, как из окна кухни ей приветливо мигает родной огонек. Подойдя поближе, она увидела, что дверь раскрыта, а огонь в очаге озаряет жарким светом холодный осенний вечер, и бегом побежала по дорожке навстречу ожидающему ее дому и горячему ужину, который уже стоял на столе.

— А-а, приехала, — без всяких эмоций, спокойно сказала Марилла, складывая вязанье.

— Да, приехала, и ты не представляешь себе, Марилла, как хорошо вернуться домой. Мне хочется всех перецеловать, даже ходики на стене. Ой, Марилла, жареная курица! Неужели ты зажарила ее специально для меня?

— Да, — кивнула Марилла. — Я считала, что ты проголодаешься в дороге и тебе надо приготовить что-нибудь вкусное. Раздевайся, сейчас придет Мэтью, и мы сядем ужинать. Я рада, что ты вернулась, Энн. Без тебя в доме было как-то пусто. Эти четыре дня показались мне бесконечно долгими.

После ужина Энн села перед очагом между Мэтью и Мариллой и рассказала им все, что видела и делала в городе.

— Там было ужасно весело, — сказала она, заканчивая свой рассказ. — Я считаю, что это была целая эпоха в моей жизни. И все-таки лучше всего вернуться домой.

## Глава двадцать восьмая

### ГРУППА ПОДГОТОВКИ В КОЛЛЕДЖ

Марилла положила вязанье на колени и откинулась на спинку кресла.

«Что-то стали очень уставать глаза: надо в следующий раз, когда буду в городе, выписать себе новые очки», — подумала она.

Уже сгустились ранние сумерки ноябрьского дня, и кухню освещали только языки пламени в очаге. Энн сидела перед очагом на коврике и смотрела в огонь. Книга, которую она читала, лежала на полу, а на губах Энн блуждала мечтательная улыбка.

Марилла с нежностью глядела на нее. Сейчас она могла не прятать свои чувства под напускной строгостью — в комнате было почти темно. Как же она полюбила эту тоненькую рыжеволосую девочку — и эта любовь была тем сильнее, чем старательнее Марилла прятала ее от людского глаза. Сама Энн и понятия не имела, что Марилла так глубоко к ней привязана. Иногда она с грустью думала, что Марилле трудно угодить и от нее не дождешься понимания. Но она всегда с укором обрывала эти мысли, напоминая себе, чем обязана Марилле.

— Энн, — вдруг нарушила молчание Марилла, — когда ты гуляла с Дианой, к нам приходила мисс Стэси. Она хотела сообщить, что решила организовать группу из старших учеников, которых будет готовить к вступительным экзаменам в Куинс-колледж. Она будет заниматься с ними после уроков еще один дополнительный час. Вот и пришла спросить нас с Мэтью, собираемся ли мы посылать тебя в Куинс-колледж. Что ты об этом думаешь, Энн? Ты хотела бы поступить туда и получить диплом учительницы младших классов?

— О Марилла! — воскликнула Энн, становясь на колени и сжимая руки на груди. — Я только об этом и мечтаю — вот уже полгода — с тех пор как Руби и Джейн стали говорить, что будут готовиться к вступительным экзаменам. Но я об этом даже не заикалась, думая, что колледж, наверное, стоит очень дорого и вам не по средствам. Мне бы очень хотелось стать учительницей. Но мистер Эндрюс говорит, что учеба Присси обошлась ему в сто пятьдесят долларов, а Присси к тому же не так глупа в геометрии, как я.

— Ну, о деньгах тебе нечего беспокоиться. Когда мы с Мэтью тебя удочерили, мы решили, что дадим тебе хорошее образование. Я считаю, девушка должна быть в состоянии сама зарабатывать себе на жизнь — еще ведь неизвестно, выйдет она замуж или нет. Пока мы с Мэтью живы, ты, конечно, можешь жить с нами в Грингейбле, но лучше быть готовой ко всему. Так что, если хочешь, мы запишем тебя в эту группу.

— Спасибо, Марилла. — Энн обняла Мариллу за талию и посмотрела ей в лицо снизу вверх. — Как я благодарна вам с Мэтью! Я постараюсь хорошо учиться, чтобы вы могли мной гордиться. В геометрии, правда, много не могу обещать, но думаю, что я и с ней в конце концов справлюсь.

— Конечно, справишься. Мисс Стэси говорит, что ты способная и старательная. — Марилла ни за какие коврижки не сказала бы Энн, о чем еще говорила мисс Стэси — нечего потакать ее самомнению. — И не надо так уж убивать себя учебой. Спешки никакой нет. Все равно тебе до вступительных экзаменов еще полтора года. Но мисс Стэси говорит, что имеет смысл начать готовиться заранее, чтобы прийти к экзаменам во всеоружии.

Класс абитуриентов в Куинс-колледж вскоре был организован. В него вошли Джильберт Блайт, Энн Ширли, Руби Джиллис, Джейн Эндрюс, Джози Пайн, Чарли Слоун и зануда Сперджен Макферсон. Диану Барри родители не собирались посылать учиться дальше. Для Энн это был страшный удар. С той ночи, когда Минни заболела крупом, Энн и Диана были неразлучны. Когда группа абитуриентов впервые осталась после уроков и Энн увидела, как Диана медленно выходит из школы и направляется домой одна — по Березовой аллее через Фиалковую долину, — она едва удержалась от того, чтобы не сорваться с места и не броситься вслед за подругой. В горле у нее стоял ком, и она спрятала лицо в книгу, чтобы никто не заметил ее слез. Еще не хватало, чтобы Джильберт Блайт и Джози Пайн увидели, как она плачет!

— Когда Диана пошла домой одна, Марилла, я вкусила горечь смерти, как выразился в прошлое воскресенье в своей проповеди мистер Аллан, — грустно поведала Энн Марилле вечером. — Как это было бы замечательно, если бы Диана тоже готовилась к экзаменам в Куинс-колледж! Но, как говорит миссис Линд, в этом несовершенном мире нет ничего совершенного. От высказываний миссис Линд на душе легче не становится, но нельзя отрицать, что она часто оказывается права. А наши занятия, видимо, будут очень интересными. Джейн и Руби просто хотят стать учительницами. На большее они не претендуют. Руби собирается поработать года два учительницей, а потом выйти замуж. Джейн говорит, что посвятит школе всю свою жизнь и никогда не выйдет замуж, потому что учительнице платят жалованье, а муж ничего жене не платит да еще и рычит на нее, если она попросит для себя немного денег из тех, что он выручил на продаже яиц и масла. Наверное, Джейн исходит из своего горького опыта: ее отец, по словам миссис Линд, старый скряга, у которого зимой снега не выпросишь. Джози утверждает, что идет в колледж просто для того, чтобы расширить свой кругозор, потому что ей никогда не понадобится зарабатывать на жизнь: это приютским, которых кормят из милости, надо пошустрее поворачиваться. Зануда Сперджен хочет стать пастором. Ой, Марилла, наверное, это грех, но когда я пытаюсь представить себе нашего Зануду пастором, меня разбирает смех. До чего же он чудно выглядит: толстая физиономия, маленькие глазки и уши, как лопухи. Чарли Слоун надеется стать членом парламента, но миссис Линд говорит, что из этого ничего не получится, потому что все Слоуны — честные люди, а в политике нынче преуспевают только ловкачи да жулики.

— А что собирается делать Джильберт Блайт? — спросила Марилла, видя, что Энн открывает учебник латыни.

— Я не знаю, каковы жизненные устремления Джильберта Блайта и есть ли они у него вообще, — презрительно ответствовала Энн.

Меж тем соперничество между Энн и Джильбертом из тайного сделалось явным. Раньше оно было односторонним, но теперь стало очевидно, что Джильберт не собирается уступать Энн положение первого ученика в классе. С таким противником было не зазорно скрестить мечи. Остальные ученики молча признавали их превосходство и даже не пытались с ними состязаться.

С того дня, когда Энн у пруда отвергла его дружбу, Джильберт, не считая вышеупомянутого соперничества в классе, как бы забыл про сам факт ее существования. Он разговаривал и

шутил с другими девочками, обсуждал уроки и развлечения, иногда провожал домой кого-нибудь из них. Но Энн Ширли он полностью игнорировал. И Энн вдруг обнаружила, что это довольно неприятно — когда тебя игнорируют. Напрасно она снова и снова повторяла себе, гордо вскинув голову, что это ей совершенно безразлично. В глубине души Энн знала, что ей вовсе не безразлично, как относится к ней Джильберт, и что если бы ей вновь представился случай, как тогда на пруду, она поступила бы иначе. Она вдруг с удивлением и тайным огорчением обнаружила, что больше вовсе не сердится на Джильберта. Напрасно вспоминала она тот злополучный инцидент, напрасно пыталась распалить в себе былой гнев. В тот день на пруду он вспыхнул в последний раз и погас. Энн поняла, что простила Джильберта и забыла обиду. Однако было уже слишком поздно.

Но уж, во всяком случае, ни Джильберт, ни кто-либо другой, даже Диана, никогда не узнают, как она жалеет о том, что так надменно и отвратительно вела себя с ним. Она, Энн Ширли, решила, что «скроет свои чувства под саваном забвения», и надо признать, это ей удалось, так что Джильберт, который, возможно, был вовсе не так к ней равнодушен, как хотел показать, даже не подозревал, что Энн хоть сколько-нибудь задета его презрением.

Единственное, чем он мог утешиться, — это ее пренебрежительным отношением к Чарли Слоуну, над которым она постоянно, беспощадно и порой незаслуженно насмехалась.

Во всех остальных отношениях зима, заполненная приятными и увлекательными делами, прошла для Энн очень быстро, и не успела она оглянуться, как в Грингейбл опять пришла весна, зацвели вишни, яблони и вообще все, что может цвести.

С приходом весны даже у Энн и Джильберта стал угасать интерес к учебе. Ученики и учительница были одинаково рады, когда последняя четверть наконец закончилась и впереди замаячили долгие и счастливые каникулы.

— Вы отлично поработали в этом году, — сказала им мисс Стэси при расставании, — и теперь вам надо хорошенько отдохнуть. Постарайтесь больше времени проводить в лесу и на лугах и набраться здоровья, сил и решимости на следующий, решающий учебный год. Он будет, нелегким — впереди вас ждет серьезное испытание: вступительные экзамены в колледж.

— А вы останетесь с нами на следующий год, мисс Стэси? — спросила Джози Пайн. Джози Пайн вечно задавала вопросы в лоб, но на этот раз весь класс был ей благодарен, потому что по школе ходили пугающие слухи, что мисс Стэси предложили место в ее родном округе и что она собирается принять это предложение. Все с замиранием сердца ждали ее ответа.

— Да, полагаю, что останусь, — ответила учительница. — Я собиралась перейти в другую школу, но решила, что еще год поработаю в Эвонли. Мне хочется довести вашу группу до экзаменов и узнать, как вы их выдержали.

— Ура! — воскликнул Зануда Сперджен. Никогда прежде он не позволил бы себе так открыто радоваться, и, вспоминая свой порыв, он потом неделю краснел и смущался.

— Как я рада! — сказала Энн, глядя на учительницу сияющими глазами. — Дорогая мисс Стэси, мы бы все умерли от горя, если бы вы нас бросили. Мне кажется, если бы пришел другой учитель, я просто не смогла бы готовиться к вступительным экзаменам.

Придя домой, Энн связала свои учебники стопкой, отнесла их в мансарду и положила в старый сундук. Потом заперла сундук и бросила ключ в коробку для обрезков тканей.

— Летом я их даже видеть не хочу, — заявила она Марилле. — Я столько занималась всю зиму, столько сил отдала геометрии, что знаю все теоремы наизусть и узнаю их, даже если в них переставят буквы. Мне надоело заниматься делом — я хочу дать простор воображению. Нет-нет, Марилла, не пугайся. Я буду держать его в рамках разумного. Но я хочу этим летом как следует отдохнуть и повеселиться, потому что это, наверное, последнее лето моего детства. Миссис Линд говорит, что если я буду и дальше так расти, то на следующий год мне пора будет надевать длинные юбки. А когда я надену длинную юбку, мне надо будет и вести себя по-взрослому. Боюсь, тогда мне даже нельзя будет верить в фей; поэтому я буду верить в них изо всех сил все это лето. По-моему, у нас будут очень веселые каникулы. Руби Джиллис скоро собирается праздновать свой день рождения, а потом будет пикник воскресной школы, а в следующем месяце мы даем концерт в пользу миссионеров. И мистер Барри сказал, что как-нибудь возьмет нас с Дианой в Белые Пески и мы там пообедаем в ресторане. Вечером! Джейн Эндрюс была там прошлым летом и говорит, что это ослепительное зрелище: электрические огни, цветы и дамы в роскошных туалетах. Джейн сказала, что в первый раз увидела, как живут люди высшего света, и что не забудет этого до конца своих дней.

На следующий день в Грингейбл пришла миссис Линд узнать, почему Марилла пропустила собрание общества в четверг. Все знали, что Марилла не приходит на собрания, только если дома что-нибудь случилось.

— Мэтью стало плохо с сердцем, — объяснила ей Марилла, — и мне не хотелось оставлять его одного. Сейчас-то все прошло, но приступы случаются все чаще, и меня это очень беспокоит. Доктор говорит, что ему нельзя волноваться. Но Мэтью всегда избегал людей, и у него мало поводов для волнений. Доктор говорит, что ему также противопоказано делать тяжелую работу, а как Мэтью уговорить не работать? Это все равно, что сказать ему: не дыши. Раздевайся, Рэйчел. Выпьешь с нами чаю?

— Ну раз уж ты меня так уговариваешь, то, пожалуй, выпью, — кивнула миссис Рэйчел, которая и пришла-то с твердым намерением остаться к чаю.

Миссис Рэйчел и Марилла удобно уселись в креслах, а Энн заварила чай и подала печенье, которое заслужило одобрение даже миссис Рэйчел.

— Надо признать, что Энн стала домовитой девочкой, — признала она, когда Марилла пошла ее провожать до конца дорожки. — Тебе, наверное, стало легче управляться с домом?

— Да, она мне очень помогает, — ответила Марилла, — и на нее теперь спокойно можно положиться. Я боялась, что она вырастет растяпой, но она стала совершенно другой, ей теперь что угодно можно доверить.

— Если бы три года назад, когда я увидела ее в первый раз, мне сказали, что из нее вырастет такая толковая и милая девушка, я бы ни за что не поверила, — призналась миссис Рэйчел. — Какой она тогда закатила скандал! Вернувшись домой, я сказала Томсу: Марилла еще горько расскается, что взяла к себе в дом эту девчонку. Но я ошиблась, и охотно это признаю. Я не из тех людей, которые отказываются признавать свои ошибки.

Удивительно, как она за эти три года изменилась к лучшему, и особенно внешне. Энн стала просто миленькой, хотя мне и не очень нравится этот бледный большеглазый тип красоты. Я предпочитаю более ярких девушек, вроде Дианы или Руби Джиллис. Руби — такая красotka. И все-таки... я не знаю, как это получается, но когда видишь их всех вместе, то рядом с Энн, хотя она совсем не такая красивая, они обе кажутся какими-то простоватыми, немного вульгарными — как огромные красные пионы рядом с июньскими лилиями, которые Энн называет нарциссами.

## Глава двадцать девятая

### ВЗРОСЛЕНИЕ

Энн провела летние каникулы в свое удовольствие. Они с Дианой почти совсем не бывали дома и пропадала все время в лесу и на пруду. Марилла совсем не возражала против такого образа жизни. Дело в том, что доктор из Опенсервейла, который приезжал на вызов, когда Минни заболела крупом, встретив Энн у одного из своих пациентов в начале каникул, внимательно на нее посмотрел и велел матери пациента передать Марилле следующее: «Вашей рыжей девочке надо провести лето на свежем воздухе, и не разрешайте ей читать книжки. Мне не нравится, какая у нее усталая походка».

Марилла запаниковала. Что, если у Энн начнется чахотка? В результате Энн прожила лето в полной свободе. Они с Дианой гуляли, плавали на лодке, собирали ягоды, и главное — она всласть намечталась. К сентябрю у Энн в глазах появился здоровый блеск, ее походка опять стала стремительной и уже не могла вызвать беспокойства врача. Она опять была полна решимости обойти Джильберта Блайта по всем предметам.

— Вот теперь я с новыми силами возьмусь за учебу, — заявила она Марилле, спустившись с мансарды со связкой учебников. — Ах вы мои хорошие! Я так рада снова увидеть ваши честные лица. Да, геометрия, даже твое. Я так хорошо провела каникулы, Марилла, — и выросла на два дюйма. Миссис Джиллис измерила мой рост на дне рождения Руби.

Хорошо, что ты сшила мне платья подлиннее. Зеленое мне страшно нравится, и я рада, что ты сделала его с оборками. Я понимаю, что можно было бы обойтись и без них, но сейчас оборки в моде, и у Джози Пайн оборки на всех платьях. Мне станет легче учиться в платье с оборками. Мне будет уютнее и спокойнее на душе.

— Да, душевный покой многого стоит, — согласилась Марилла.

Мисс Стэси вернулась в Эвонли и увидела, что ее выпускники засучили рукава, препоясали чресла и готовы взяться за учебу — ведь в конце года маячили вступительные экзамены в Куинс-колледж, при мысли о которых у них кровь стыла в жилах.

Зимой Энн не только училась, но и участвовала в разных мероприятиях: памятуя наказ доктора, Марилла больше не препятствовала тому, чтобы девочка время от времени развлекалась. В клубе было несколько концертов, раза два старшие школьники собирались на вечеринки, которые проходили почти как у взрослых, были катания на санях и на коньках. Энн тем временем еще подросла, и однажды, встав с ней рядом, Марилла с изумлением обнаружила, что Энн выше ее.

— Как же ты выросла, Энн, — проговорила она, почти отказываясь верить своим глазам. И Марилла вздохнула, сожалея, что девочка, которую она так полюбила, исчезла, и вместо нее рядом с ней стояла высокая девушка пятнадцати лет с серьезными глазами, вдумчивым выражением лица и гордо посаженной головой. Марилла любила эту девушку не меньше, чем когда она была девочкой, но все же ощущала боль утраты. И после того как Энн вышла из дому с Дианой, а Марилла осталась одна в полутемной кухне — спускались ранние зимние сумерки, — она вдруг расплакалась. Мэтью, который вошел в дом с фонарем в руке, застав ее в слезах, воззрился на нее с таким изумлением, что Марилла рассмеялась сквозь слезы.

— Я думала об Энн, — объяснила она брату. — Она стала совсем взрослая и следующей зимой, наверное, уже не будет жить с нами. Как я по ней буду скучать!

— Ну она же будет часто приезжать, — стал утешать ее Мэтью. Для него Энн все еще оставалась маленькой девочкой, которую он привез домой со станции четыре года назад. — К тому времени закончат строительство железнодорожной ветки до Кармоди.

— Все равно это будет не то, как если бы она все время жила дома, — горестно вздохнула Марилла, не желая поддаваться утешениям. — Да что с тобой говорить — мужчине этого не понять.

В Энн происходили и другие изменения. Она не только выросла — она стала гораздо меньше говорить. Может быть, она думала и мечтала не меньше, чем раньше, но сделалась гораздо молчаливее, и Марилла тоже не преминула это заметить.

— Ты стала куда как мало болтать, Энн, и больше не употребляешь заумных слов. Что это с тобой случилось?

Энн вспыхнула и тихонько засмеялась. Она положила на колени книгу, которую читала, и стала мечтательно глядеть в окно, где на диком винограде в лучах весеннего солнца набухали почки.

— Не знаю, мне как-то не хочется много говорить. — Она пожала плечами. — Мне больше нравится думать про себя и хранить мысли в своем сердце, как драгоценности. Мне не хочется, чтобы над ними смеялись или им изумлялись. И заумные слова мне тоже почему-то больше не хочется употреблять. Даже жалко — вот я выросла и имею право говорить более сложно, а мне теперь и не хочется. Вообще-то чувствовать себя почти взрослой приятно, но совсем не так, как мне раньше представлялось. Столько нужно всего учить, и делать, и думать, что просто времени не остается на заумные слова. Кроме того, мисс Стэси говорит, что простые слова производят гораздо более сильное впечатление. Она заставляет нас писать сочинения очень простым языком. Сначала мне это было трудно — я ведь привыкла заталкивать в них все самые длинные и заумные слова, какие мне только приходили в голову, — а приходило мне их в голову предостаточно. Но теперь я привыкла писать и говорить просто.

— До вступительных экзаменов осталось два месяца, — напомнила Марилла. — Как думаешь, ты поступишь?

Энн поежилась, как от озноба.

— Не знаю. Иногда мне кажется, что поступлю безо всяких трудностей, а иногда я ужасно боюсь. Мисс Стэси хорошенько нас натаскала, но все равно на экзамене можно провалиться. У нас у каждого есть свое слабое место. У меня, конечно, геометрия, у Джейн — латынь, у Руби и Чарли — алгебра. А Зануда Сперджен уверен, что провалится по истории Англии. В июне мисс Стэси устроит нам экзамен не легче того, что будет в колледже, и так же строго поставит оценки. Тогда нам станет немного яснее, каковы наши шансы. Скорее бы это все осталось позади, Марилла. Иногда ночью я просыпаюсь и думаю: что делать, если я не поступлю?

— Ничего страшного, поучишься в школе еще год и попробуешь опять, — безмятежно ответила Марилла.

— Нет, у меня не останется сил на вторую попытку. И это будет такой позор, особенно если Джил... если все остальные поступят. Я так волнуюсь на экзаменах, что у меня может все вылететь из головы. Хотела бы я иметь железные нервы, как у Джейн Эндрюс. Она никогда не нервничает.

Энн вздохнула, оторвала взор от весеннего мира за окном, манившего ее голубым небом и зелеными росточками в саду, и решительно углубилась в учебник. Весна повторится еще не раз, а если не пройдешь в колледж, больше никогда не сможешь радоваться весеннему пробуждению природы. По крайней мере, так казалось Энн.

## Глава тридцатая

### ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

В конце июня закончился учебный год, а вместе с ним и период правления в школе мисс Стэси. В тот день Энн и Диана шли домой с распухшими глазами и мокрыми носовыми платками. С вершины холма Диана оглянулась на здание школы и глубоко вздохнула.

— Кажется, что все хорошее позади, правда? — печально спросила она.

— Тебе не стоит так расстраиваться, — ответила Энн, пытаясь отыскать на платке сухое место. — Осенью ты опять пойдешь в школу, а я уж, наверное, рассталась с ней навсегда — конечно, если мне повезет на экзаменах.

— Это будет совсем не то. Ни мисс Стэси, ни тебя, ни Джейн с Руби. Мне придется сидеть за партой одной — после тебя я просто не смогу сидеть с кем-нибудь еще. Как нам было хорошо, правда, Энн? Ужасно, что все это кончилось.

По щекам Дианы опять покатались слезы.

— Пожалуйста, Диана, не плачь, а то я тоже расплачусь — умоляюще сказала Энн. — В конце концов я еще, может быть, буду и дальше учиться в школе. Сейчас я уверена, что не пройду. Мне начинает так казаться все чаще и чаще.

— Но ты же получила блестящие отметки на экзамене мисс Стэси!

— Это верно, но у мисс Стэси я не волновалась. А когда я пытаюсь представить себе экзамен в колледже, я вся холодею внутри. И потом у меня — тринадцатый номер в списке, а Джози Пайн говорит, что это — несчастливый номер. Я вовсе не суеверна и знаю, что номер не имеет никакого значения, но все-таки жаль, что у меня тринадцатый.

— Как бы мне хотелось поехать с тобой! Нам было бы прекрасно там вместе. Но тебе, наверное, надо зубрить по вечерам.

— Нет. Мисс Стэси взяла с нас обещание, что мы ни разу больше не откроем учебник. Она говорит, что это ни к чему не приведет, мы просто переутомимся и у нас в голове все перепутается. Она велела побольше гулять, совсем не думать об экзаменах и рано ложиться спать. Боюсь только, что мы не сможем последовать ее совету. Присси Эндрюс рассказывает, что перед экзаменом она полночи сидела над учебниками. И я решила, что должна просидеть не меньше. Как мило со стороны мисс Жозефины пригласить меня пожить у нее на время экзаменов.

— Ты мне напишешь, как идут дела?

— Я тебе напишу вечером во вторник, как прошел первый день.

— А я в среду с утра побегу на почту, — пообещала Диана.

Энн поехала в Шарлоттаун в понедельник на следующей неделе, а в среду Диана, как обещала, с утра побежала на почту и получила ее письмо:

«Дорогая моя Диана!

Вот уже вечер вторника, и я пишу это письмо, сидя в библиотеке в Бичвуде. Вчера ночью мне было ужасно одиноко в комнате, где мы в прошлый раз ночевали с тобой вместе. Как мне тебя не хватало! Я не стала ничего повторять, потому что обещала мисс Стэси отдохнуть перед экзаменом, но меня так же тянуло открыть учебник, как, бывало, тянуло, не приготовив уроки, открыть интересную книжку.

Сегодня утром мисс Стэси зашла за мной и мы вместе отправились в колледж, зайдя по дороге за Джейн, Руби и Джози. Руби сказала: „Потрогай мои руки“, и действительно, они были холодны как лед. Джози заявила, что у меня такой вид, будто я всю ночь не сомкнула глаз, и что, по ее мнению, даже если я выдержу вступительные экзамены, у меня просто не хватит сил дотянуть до конца учебного года. Ох, Диана, я, наверное, никогда не научусь пропускать мимо ушей шпильки Джози!

В вестибюле колледжа толпились две или три сотни молодых людей, съехавшихся со всего нашего острова. Зануда Сперджен сидел на ступеньках и что-то бормотал себе под нос. Джейн спросила его, что он бормочет, и он ответил, что повторяет таблицу умножения, чтобы успокоить нервы. „И пожалуйста, не приставай ко мне, — добавил он, — когда я перестану ее повторять, мне делается страшно, и я забываю все, что знал, а таблица умножения помогает мне держать в голове правила и даты“.

Потом нас развели по классным комнатам для экзамена по английской литературе, и мисс Стэси ушла. Мы с Джейн оказались рядом, и как же я завидовала ее спокойствию! Ей-то таблица умножения не нужна! А у меня так колотилось сердце, что его стук, наверное, был слышен на весь класс.

Потом вошел преподаватель и стал раздавать нам экзаменационные листки. Тут у меня руки похолодели от страха и в глазах все завертелось. Но я все-таки взяла листок. В какой-то момент мне показалось, что у меня вообще перестало биться сердце — точь-в-точь, как четыре года назад, когда я не вытерпела и спросила Мариллу, оставляет она меня в Грингейбле или нет. А потом в голове у меня прояснилось, и сердце опять начало биться — я увидела, что, пожалуй, смогу ответить на все вопросы.

В полдень мы пошли домой обедать, а потом вернулись в колледж на экзамен по истории. Вопросы были довольно трудными, и я совсем запуталась в датах. Но в целом, наверное, получу приличные оценки. А завтра — завтра экзамен по геометрии, и когда я о нем думаю, рука так и тянется открыть учебник. Если бы я верила, что мне поможет таблица умножения, я бы ее твердила до завтрашнего утра.

Сегодня вечером я сходила в гости к девочкам. По дороге встретила Зануду Сперджена, который ошалело бродил по улицам. Он сказал мне, что наверняка провалился по истории, что причиняет своим родителям одни огорчения и завтра с утренним поездом уедет домой. „Да и вообще на плотника выучиться легче, чем на пастора!“ Я постаралась его подбодрить и уговорила остаться до конца экзаменов — нельзя же так подводить мисс Стэси! Диана, бывали минуты, когда я жалела, что не родилась мальчиком, но, глядя на Зануду Сперджена, радуюсь, что я девочка и не его сестра.

Руби я застала в истерике — она только что обнаружила, что сделала „жуткую ошибку“ в сочинении. Когда она успокоилась, мы пошли погулять и съели по порции мороженого. Как мы жалели, что тебя нет с нами!

О Диана, только бы сдать эту геометрию! Хотя, как говорит миссис Линд, солнце будет по-прежнему вставать утром и садиться вечером независимо от того, провалюсь по геометрии или нет. Это, конечно, правда, но нисколько не утешает. По мне, так если я провалюсь по геометрии, пусть бы оно лучше перестало вставать и садиться.

Вечно твоя

Энн».

Но вот уже экзамен по геометрии и все прочие экзамены остались позади, и утром в пятницу Энн вернулась домой. Вид у нее был усталый, но довольный. Диана прибежала в Грингейбл, как только Энн вошла в дом, и девочки встретились так, словно не виделись несколько лет.

— Энн, дорогая, как я рада тебя видеть! Кажется, что прошла тысяча лет с тех пор, как ты уехала в Шарлоттаун. Ну, и как ты выдержала экзамены, Энн?

— По-моему, неплохо — все, кроме геометрии. У меня в груди шевелится страшное предчувствие, что я ее завалила. Но как же хорошо вернуться домой! До чего я люблю мой милый Грингейбл!

— А как остальные?

— Девочки все говорят, что наверняка не прошли. А по-моему, они все сдали неплохо. Джози утверждает, что вопросы по геометрии были такие легкие, что на них ответил бы и десятилетний ребенок. Зануда Сперджен все еще считает, что провалился по истории, а Чарли говорит, что завалил алгебру. Но мы ничего точно не знаем и не узнаем, пока не опубликуют списки принятых. А до этого надо ждать две недели. Ну как можно жить две недели в такой неопределенности? Как бы мне хотелось заснуть и проснуться, когда все станет известно!

Диана знала, что спрашивать Энн про Джильберта Блайта бесполезно, и она только заметила:

— Вот увидишь — тебя примут. Тут и сомнений быть не может.

— Дело не только в том, чтобы приняли, но и в том, какое место я займу. Лучше уж совсем не попасть, чем плестись в хвосте у...

Диана поняла, что Энн не получит полного удовлетворения, если не окажется в списке впереди Джильберта Блайта.

Именно с этой целью Энн трудилась до седьмого пота. И Джильберт тоже. Они много раз встречались на улицах Шарлоттауна и каждый раз проходили мимо с таким видом, будто совершенно незнакомы. И каждый раз Энн еще более заносчиво вскидывала голову и еще больше жалела, что не помирилась с Джильбертом, когда ей представлялся такой случай. Но она тут же давала себе клятву, что обойдет его на экзаменах. Она знала, что все школьные товарищи с нетерпением ждут исхода их состязания. Джимми Гловер даже заключил пари с Недом Уайтом, что победит Энн. А Джози Пайн заявила во всеуслышание, что, конечно же, первым окажется Джильберт. Энн же считала, если это случится, она умрет от унижения.

Но было у Энн и еще одно, более благородное соображение. Ей хотелось доставить радость Марилле и Мэтью, особенно Мэтью, который утверждал, что его маленькая Энн обскочет весь остров. О последнем Энн не смела и мечтать. Но она надеялась оказаться в первой десятке. Ей так хотелось, чтобы глаза Мэтью засветились от гордости за нее. Это само по себе было бы достаточной наградой за весь ее упорный труд, за все эти бесконечные уравнения и спряжения.

На исходе двух недель Энн стала по утрам ходить на почту вместе с Джейн, Руби и Джози. Трясущимися руками они разворачивали шарлоттаунскую газету. Каждый раз у них замирало сердце, как перед экзаменом. Джильберт и Чарли тоже частенько заглядывали на почту. Зато Зануда Сперджен и глаз туда не казал.

— У меня нет сил самому прочитать это в газете, — признался он Энн. — Я подожду, пока кто-нибудь придет и скажет, принят я или нет.

Когда прошло уже три недели, а список поступивших так и не появлялся в газете, у Энн стали сдавать нервы. Она почти перестала есть и потеряла всякий интерес к делам Эвонли. Но всему когда-нибудь приходит конец. Как-то под вечер Энн сидела у окна, заглядевшись на восточный край неба, который слегка розовел, отражая малиновый закат. На несколько минут она совсем забыла про экзамены и прочие земные заботы. И вдруг она увидела, как по тропинке через елки во весь дух мчится Диана. Вот она перебежала мостик, вот уже несется по склону к Грингейблу. В руках у нее газета.

Энн вскочила на ноги — Диана могла бежать так только с одной газетой на свете — той, где напечатаны списки принятых в Куинс-колледж. Энн почувствовала, как закружилась голова и бешено заколотилось сердце. Ее охватила такая слабость, что она не могла сделать ни шагу. Ей показалось, что прошел по крайней мере час до той минуты, когда Диана ворвалась в ее комнату, даже не постучавшись.

— Энн, ты принята! — воскликнула она. — Ты самая первая в списке! Вы с Джильбертом получили одинаковые оценки, но твое имя напечатано первым! Ой, как здорово!

Диана бросила газету на стол, а сама упала на постель Энн. Она так запыхалась после бега, что больше не могла выговорить ни слова. Энн зажгла лампу, истратив для этого добрых полдюжины спичек — так дрожали ее руки. Потом схватила газету. Да, вот ее фамилия, первая в списке из ста человек. Стоило жить, чтобы увидеть это!

— Какая ты молодец, Энн, — без тени зависти сказала Диана, когда немного отдышалась и села на кровати. Энн же смотрела на нее сияющими глазами, онемев от счастья. — Папа привез газету со станции десять минут назад — почта прибыла с пятичасовым поездом в Эвонли и сюда ее доставят только утром, но когда я увидела список принятых, я помчалась к тебе со всех ног. Вас всех приняли, даже Зануду Сперджена, хотя у него переекзаменовка по истории. У Джейн и Руби тоже очень хорошие оценки — они в середине списка, и Чарли тоже. А Джози — в самом низу, еще немного, и она осталась бы за бортом. Но уж не сомневайся, она будет так задаваться, будто прошла первой. Как обрадуется мисс Стэси! Энн, ну скажи, что ты чувствуешь? Оказаться первой в списке! Я бы на твоем месте сошла с ума от радости. Я и так чуть не сошла с ума от радости за тебя, а ты стоишь себе и помалкиваешь, как ни в чем не бывало.

— Я просто потеряла дар речи, — ответила Энн. — Мне столько всего хочется сказать, но я не нахожу слов. Я даже не мечтала... Нет, по правде сказать, я позволила себе мечтать о таком, но только один раз: «А что, если я окажусь первой?» Но я заставила себя выбросить из головы эти мысли — чего захотела: быть первой на всем острове! Диана, пойдем скажем Мэтью. А потом оповестим всех остальных.

Она побежала в поле за сараем, где Мэтью закатывал сено в рулоны. Тут же, рядом с изгородью, стояли и разговаривали Марилла и миссис Рэйчел Линд.

— Мэтью! — закричала Энн. — Меня приняли в колледж! Я первая в списке! Как я счастлива!

— А я что говорил, — отозвался Мэтью, с восторгом разглядывая список в газете. — Я так и знал, что ты их всех обскачешь.

— Молодец, Энн, — сдержанно похвалила Марилла, стараясь скрыть от критического ока миссис Рэйчел свою гордость за Энн. Но та и сама от всей души поздравила девочку:

— Ты молодец, Энн, тут уж ничего не скажешь. Мы все тобой гордимся.

## Глава тридцать первая

### КОНЦЕРТ В «БЕЛЫХ ПЕСКАХ»

— Конечно, надень белое платье из органди, — решительно посоветовала Диана. Девочки сидели в комнате Энн. Солнце только что зашло, и в воздухе был разлит прелестный зеленовато-желтый свет, а синева безоблачного неба только начала сгущаться. Комнатка Энн совсем не была похожа на ту голую и холодную каморку, в которую Марилла привела ее четыре года назад. Энн постепенно меняла ее облик, каждый раз испрашивая разрешение у смилившейся с неизбежным Мариллы, и теперь это стало очаровательное гнездышко, от которого не отказалась бы ни одна молоденькая девушка с отменным вкусом. Разумеется, здесь не было бархатного ковра с розами и розовых штор, которые представляли в мечтах одиннадцатилетней девочки, но с годами мечты взрослеющей Энн приблизились к реальности, и вряд ли она пожалела об отсутствии ковра. На полу лежали красивые половички, на окне висели кисейные гардины нежно-зеленого цвета, которые мягко колыхались от залетавшего в окно ветерка. Стены, правда, не украшали шитые золотом и серебром гобелены, но они были оклеены прелестными кремовыми обоями и на них висели эстампы, которые Энн подарила миссис Аллан. На видном месте помещалась фотография мисс Стэси, под которой Энн каждый день прикалывала букетик живых цветов. В этот день под ней была приколотая кисть белых лилий, наполнявшая комнату своим чудесным ароматом. Конечно, не было в комнате и мебели красного дерева, но стоял белый книжный шкаф, до отказа забитый книгами, мягкое кресло-качалка, туалетный столик. На стене висело старинное овальное зеркало в золоченой раме, украшенное поверху пухлыми розовыми купидонами и лиловыми виноградными кистями, которое перекочевало к Энн из запасной комнаты для гостей. В углу находилась низкая кровать, застеленная белым покрывалом.

Энн одевалась для выступления на концерте в отеле «Белые Пески». Выручка от него должна пойти на нужды больницы в Шарлоттауне, и устроители в поисках талантов прочесали весь остров Принца Эдуарда. Берта Сэмпсон и Перл Грей из церковного хора собирались исполнить дуэт, Мильтон Кларк из Ньюбриджа — соло на скрипке, Винни Аделла Блэр из Кармоди — спеть шотландскую балладу, Лаура Спенсер из Спенсервейла и Энн Ширли из Эвонли — выступить с декламацией.

Как сказала бы Энн года два назад, этот концерт был эпохой в ее жизни, и она трепетала от радостного волнения. Мэтью был на седьмом небе — какая честь оказана его маленькой Энн, да и Марилла торжествовала, хотя никак не показывала этого, а только ворчала, что молодым девушкам не подобает разъезжать по отелям без сопровождения взрослых.

Энн и Диана договорились ехать в «Белые Пески» вместе с Джейн Эндрюс и ее братом Билли в их четырехместной коляске. На концерт собирались многие из эвонлийской молодежи. Ожидали, что на него приедут гости из Шарлоттауна, а после концерта артистам будет подан ужин.

— Думаешь, органди? — озабоченно переспросила Энн. — По-моему, муслин в цветочках красивее и фасон лучше.

— Зато белое тебе гораздо больше идет, — заметила Диана. — Оно так красиво тебя облегает. А муслин — жесткий, и у тебя в нем такой вид, словно ты нарочно вырядилась.

Нет, белое с тобой — словно одно целое.

Энн вздохнула и подчинилась. Вкус Дианы получил широкое признание в Эвонли, и многие обращались к ней за советом, когда речь шла о нарядах. Она сама замечательно выглядела в платье прелестного густо-розового цвета, который был противопоказан Энн, но в концерте она участия не принимала и поэтому не имело особого значения, что надето на ней. Другое дело Энн: Диана поклялась, что оденет и причешет ее по-королевски, так, чтобы не уронить престижа Эвонли.

— Вытяни немного вон ту оборку — вот так; дай я сама завяжу пояс. Теперь туфли. Я заплету тебе волосы в две толстые косы и повяжу на них примерно посередине большие белые банты... Нет-нет, оставь лоб открытым, пусть будет просто мягкий пробор. Эта прическа идет тебе больше всего, Энн. Миссис Аллан говорит, что с таким пробором ты похожа на мадонну. К волосам я приколю тебе маленькую розочку. У меня на кусте как раз распустилась одна розочка, и я приберегла ее для тебя.

— А жемчужные бусы надеть? — спросила Энн. — Мэтью привез мне их из города на прошлой неделе, он будет доволен, если я надену его подарок.

Диана задумалась, чуть наклонила свою черную головку, разглядывая Энн критическим оком, и наконец высказалась в пользу бус, которые тут же и украсили белую шейку Энн.

— У тебя очень элегантная внешность, Энн, — сказала Диана без всякой зависти. — Наверное, это оттого, что у тебя такая чудная фигура. А я толстушка. Я всегда боялась, что вырасту толстушкой. Так оно и получилось, никуда от этого не денешься.

— Зато у тебя такие прелестные ямочки на щеках, — улыбнулась Энн, ласково глядя на красивое оживленное личико Дианы. — Просто очаровательные ямочки, как будто вмятинки в сметане. А я уже и мечтать перестала о ямочках на щеках. Но, с другой стороны, так много моих мечтаний сбылось, что мне грех жаловаться. Ну как, все в порядке?

— Комар носу не подточит, — заверила ее Диана, и тут в дверях появилась Марилла. Она была такая же худая, как раньше, да и седины еще прибавилось в волосах, но выражение лица стало гораздо мягче, чем в былые годы.

— Входи, Марилла, и погляди на нашу декламаторшу. Правда, она замечательно выглядит?

— Да, у нее аккуратный вид, — неохотно признала Марилла. — Мне нравится эта прическа. Но платье она наверняка выпачкает по дороге домой, когда на пыль осядет роса, да и слишком уж оно легкое для сырых ночей. Органди — ужасно непрактичный материал; я так и сказала Мэтью, когда он его купил. Но с Мэтью теперь совсем сладу нет. Раньше он прислушивался к моим советам, а теперь знай покупает Энн наряды, сколько бы они ни стоили. Продавцы в Кармоди уже пронюхали, что ему можно всучить что угодно. Стоит только сказать, что это — последний крик моды, и Мэтью сразу лезет за кошельком. Садись только подальше от колес, Энн, и накинь теплую кофточку.

И Марилла пошла вниз, с гордостью думая о том, как хороша Энн в белом органди, и жалея, что сама не может поехать на концерт и послушать ее декламацию.

— Может, платье и правда помнется от сырости? — озабочено спросила Энн.

— Ничего подобного, — решительно заявила Диана, отодвигая гардину на окне. — Ночь ясная, и никакой росы не будет. Погляди, какая луна.

— Ох, Диана, — вздохнула Энн, — я так люблю свою милую комнату. Просто не знаю, как я с ней расстанусь через месяц.

— Только не вспоминай сегодня о том, что ты через месяц уедешь, — взмолилась Диана. — Я не хочу об этом думать. У меня сердце сжимается от этой мысли, а сегодня я хочу повеселиться от души. Что ты будешь читать, Энн? Ты волнуешься?

— Нисколько. Я так часто декламировала перед публикой, что теперь уже совсем не боюсь. Я решила прочитать «Клятву девы». Это такая трогательная поэма. Лаура Спенсер выступит с комическими стихами, но я предпочитаю, чтобы мои слушатели не смеялись, а плакали.

— А если они вызовут тебя на «бис», тогда что будешь читать?

— Станут они меня вызывать, — насмешливо сказала Энн, хотя в глубине души все же надеялась, что станут, и уже представляла себе, как утром за завтраком будет рассказывать Мэтью про свой успех. — А вон и Билли с Джейн подъехали. Пошли. Билли Эндрюс потребовал, чтобы Энн села на переднее сиденье рядом с ним, и Энн нехотя покорилась. Она предпочла бы сидеть сзади с подружками, где они смогли бы вволю поболтать и посмеяться. А с Билли ничего этого не получится. Этот большой, плотный и серьезный двадцатилетний парень с круглым, совершенно лишенным какого-либо выражения лицом мучительно терялся в разговоре с девушками и был совершенно не способен поддерживать разговор. Но ему ужасно нравилась Энн, и он предвкушал удовольствие ехать в «Белые Пески» рядом с этой очаровательной тоненькой девушкой. Однако Энн, полуобернувшись к девочкам, почти всю дорогу проболтала с ними, лишь изредка бросая Билли кость в виде вежливого замечания, в ответ на которое он только широко улыбался, не в силах придумать хоть что-нибудь, а если и отвечал, то с большим запозданием. Множество колясок ехало в «Белые Пески», и по дороге то и дело слышались взрывы веселого молодого смеха. Наконец они подъехали к сверкающему огнями отелю, где их встретили дамы из организационного комитета. Одна из них отвела Энн в артистическую уборную, которая была заполнена членами шарлоттаунского Симфонического клуба. В этом изысканном обществе Энн вдруг застеснялась, почувствовав себя деревенской простушкой. Среди сверкающих и шуршащих шелков и кружев ее платье, которое в Грингейбле казалось таким красивым и изящным, сейчас представилось ей невыразительным и простоватым. Что такое ее дешевые бусы по сравнению с бриллиантовым колье на стоящей рядом с ней даме? И какой жалкой казалась ее единственная розочка рядом с роскошными орхидеями и лилиями, которые она видела на других! Энн сняла кофточку и шляпку и забилась в угол. У нее было скверно на душе, и больше всего она хотела снова очутиться у себя в комнатке в Грингейбле.

Еще хуже она почувствовала себя на сцене огромного концертного зала, куда они все вскоре вышли. Ее ослепили яркие электрические лампы, и она растерялась от аромата духов и гула в зрительном зале. Как было бы хорошо сидеть вместе с Дианой и Джейн, которых она заметила в задних рядах и которые, по-видимому, наслаждались жизнью. Энн оказалась между толстой дамой в розовом шелке и высокой девушкой в платье из белых кружев, у которой на лице застыло высокомерно-презрительное выражение. Полная дама время от времени поворачивала голову и разглядывала Энн в лорнет. В конце концов это

разглядывание окончательно выбило девушку из равновесия и ей захотелось крикнуть: «Нечего на меня пялиться!» А высокомерная девица в кружевном платье громко говорила своему соседу с другой стороны, что в зал набилась всякая деревенщина. «Вот повеселимся, — презрительно говорила она, — глядя на жалкие потуги сельских красоток». Энн решила, что эту девицу она будет вспоминать с ненавистью всю свою жизнь. К тому же Энн не повезло — оказалось, что в отеле остановилась профессиональная чтица и согласилась принять участие в концерте. Это была гибкая черноглазая женщина в замечательном платье из переливающегося серого шелка, которое, казалось, было соткано из лунных лучей. На шее у нее красовалось рубиновое кольцо, а в волосах — гребень с рубинами. У нее оказался изумительно выразительный голос и она искусно им пользовалась. Аудитория бешено ей аплодировала. Энн, забыв о себе и своих огорчениях, упоенно слушала ее декламацию. Но когда чтица завершила выступление, Энн закрыла лицо руками. Она никогда не посмеет выйти после нее на сцену — никогда! Тоже мне, воображала, что умеет читать стихи! Господи, если бы можно было перенестись отсюда домой, в Грингейбл!

И тут, в самый неблагоприятный для Энн момент, она услышала, что конференсье назвал ее имя. Энн заставила себя подняться на ноги — не заметив, как девица в кружевном платье удивленно вздрогнула (да если бы и заметила, то не поняла бы, что это в своем роде комплимент) — и, почти не различая ничего перед собой, вышла на авансцену. Она так побледнела, что Диана и Джейн схватились за руки от беспокойства за подругу. Энн была парализована ужасом. Да, ей часто приходилось выступать перед публикой, но она ни разу не выступала в таком большом и роскошном зале, никогда не видела перед собой столько дам в вечерних туалетах, столько скептических лиц. Она чувствовала себя чужой в этой атмосфере богатства и утонченной культуры. Разве можно сравнить этот зал с маленьким клубом в Эвонли, где на простых скамьях сидели ее друзья и соседи? А эта публика будет судить ее без снисхождения. Может быть, эти дамы, как и девица в кружевном платье, предполагали повеселиться, глядя на «жалкие потуги сельских красоток»? Энн было невыносимо стыдно и страшно. У нее дрожали колени, сердце билось неровно, и ее охватила страшная слабость. Она не находила сил выговорить хотя бы одно слово. Еще минута — и она ринулась бы прочь со сцены, покрыв себя несмываемым позором.

Но тут взгляд ее расширенных от испуга глаз упал на Джильберта Блайта, который сидел в задних рядах, и на его лице Энн увидела торжествующую и издевательскую, как ей показалось, улыбку. На самом-то деле Джильберт улыбался от удовольствия. Его приятно поразили изящная фигурка и вдохновенное лицо Энн на фоне пальм, которые стояли в кадках на сцене. А вот на лице Джози Пайн, которую он привез в своей коляске, действительно играла торжествующая и издевательская улыбка. Но Энн не видела Джози, да если бы и видела, не обратила бы на нее внимания. Она глубоко вздохнула и гордо вскинула голову, собрав в кулак всю свою волю и мужество. Нет уж, она ни за что не опозорится в глазах Джильберта — ни за что! Все ее волнение как рукой сняло, и она начала декламировать «Клятву девы» чистым звонким голосом, который без труда долетал до самых дальних рядов. Она полностью овладела собой и читала лучше, чем когда бы то

ни было. Когда она закончила, зал взорвался аплодисментами. Энн пошла на свое место за столом с горящими от радости щеками, и вдруг ее соседка, полная дама в розовом платье, схватила ее руку и крепко сжала.

— Прелестно, милочка! — воскликнула она. — Я обливалась слезами, слушая вас, — честное слово! Вас вызывают на «бис» — идите на сцену. Вам надо будет прочесть еще что-нибудь.

— Ой нет, не могу, — испуганно прошептала Энн. — Хотя... Придется, а то Мэтью расстроится. Он уверял, что меня обязательно будут вызывать на «бис».

— Вот и не расстраивайте Мэтью, — улыбнулась розовая дама.

Энн выбежала на сцену, улыбающаяся, с сияющими глазами и горящими щеками, и прочитала несколько коротких прелестных стихотворений, которые еще больше покорили публику. Так что вечер стал для Энн настоящим триумфом.

Когда концерт окончился, полная розовая дама, которая оказалась женой американского миллионера, взяла Энн под свое крыло и начала всем ее представлять — и все говорили Энн разные приятные вещи. Профессиональная чтица миссис Эванс сама подошла поговорить с Энн и сказала ей, что у нее очень красивый голос и она прелестно «интерпретирует» исполняемые ею произведения; даже девица в белых кружевах сделала Энн томный комплимент. Они все ужинали в огромной красивой зале; к ужину пригласили также Диану с Джейн, поскольку они друзья Энн и приехали вместе с ней. Хотели пригласить и Билли, но его не удалось найти: он сбежал, опасаясь именно этого приглашения. Однако когда девочки вышли из ресторана, он ждал их с коляской. Они весело забрались в нее и пустились в обратный путь, озаренные лунным сиянием. Энн ехала молча, глубоко дыша и глядя в ясное небо над темными силуэтами елок.

— Какой был незабываемый вечер, — со вздохом проговорила Джейн. — Как бы мне хотелось быть богатой американкой, проводить лето в дорогих отелях, носить бриллианты и платья с глубоким вырезом и каждый божий день есть мороженое и салат с курицей. Уж, наверно, это гораздо приятнее, чем работать учительницей. Как ты замечательно читала, Энн! Правда, поначалу мне показалось, что ты вот-вот сбежишь со сцены. По-моему, ты читала даже лучше миссис Эванс.

— Ну что ты, Джейн, не говори глупостей, — возразила Энн. — Как я могла читать лучше миссис Эванс — ведь она профессиональная артистка, а я просто школьница, выучившаяся декламировать в классе. Я довольна уже и тем, что публике понравилось мое выступление.

— А я слышала, как тебе сделали комплимент, Энн, — сказала Диана. — По крайней мере, мне кажется, что это комплимент, потому что это было сказано таким тоном, каким говорят комплименты. Позади нас с Джейн сидел мужчина с романтической внешностью: копна черных волос, глаза, как антрацит. Джози Пайн сказала, что он — известный художник и кузина ее матери, которая живет в Бостоне, замужем за его школьным товарищем. Так вот, мы слышали, как он сказал — правда, Джейн? — «Кто эта девушка с роскошными тициановскими волосами? У нее такое оригинальное лицо. Мне бы хотелось написать ее портрет». Каково, Энн! А что такое «тициановские волосы»?

— В переводе на обычный язык это значит рыжие, — со смехом ответила Энн. — Тициан был знаменитый художник, который любил писать рыжих женщин.

— А вы видели, сколько на дамах было бриллиантов? — спросила Джейн. — Просто слепило глаза. Неужели вам не хотелось бы стать богатыми, девочки?

— А мы и так богаты, — твердо ответила Энн. — Нам шестнадцать лет, мы счастливы, как королевы, и у нас у всех есть воображение. Посмотрите на море, девочки, — как оно серебрится, как угадываются под волнами неизвестные миры. Неужели мы больше наслаждались бы его красотой, если бы имели миллионы долларов и были обвешаны бриллиантами? Неужели вам хочется поменяться местами с кем-нибудь из тех женщин, что мы видели? Неужели ты хотела бы стать такой, как та девица в белом кружевном платье, Джейн, и всю жизнь ходить с высокомерной миной на лице? Или такой, как та дама в розовом, которая, разумеется, очень милая женщина, но просто кубышка без малейших признаков талии? Или даже такой, как миссис Эванс? У нее ужасно грустные глаза — наверняка ее в жизни постигло какое-то страшное несчастье. Нет, Джейн, я не верю, что ты хотела бы быть на их месте!

— Кто знает, — вздохнула Джейн, которую Энн, видимо, не сумела убедить. — Мне кажется, что бриллиантовые кольцо, кольца и серьги меня бы сильно утешили.

— Ну, а я не хочу быть никем другим, даже если у меня за всю жизнь не будет ни одной бриллиантовой брошки! — заявила Энн. — С меня хватит того, что у меня есть Грингейбл и нитка искусственного жемчуга, которую Мэтью подарил мне с такой любовью. Неизвестно, любил ли кто-нибудь так ту леди в розовом платье со всеми ее бриллиантами.

## Глава тридцать вторая

### НАЧАЛО УЧЕБЫ В КОЛЛЕДЖЕ

Следующие три недели обитатели Грингейбла провели в бесконечных хлопотах: Энн скоро уезжала в колледж, и надо было пошить ей новые платья и белье, а также о многом договориться. Энн ехала в колледж с отличным гардеробом — Мэтью купил ей массу всего, и Марилла на сей раз не спорила с ним. Больше того — как-то вечером она поднялась в комнату Энн с отрезом прелестного нежно-зеленого шелка.

— Посмотри, Энн, из этого получится очень милое платье. Правда, у тебя и так достаточно красивых платьев, но я подумала, что тебе, наверное, хотелось бы иметь выходное, в котором можно пойти вечером в театр или в гости. Я слышала, что у Джейн, Руби и Джози есть так называемые вечерние платья, и мне не хочется, чтобы ты была одета хуже них. Мы с миссис Аллан купили на прошлой неделе в городе эту материю, и я отдам ее Эмили Джиллис. У нее отличный вкус, и ее платья сидят как влитые.

— Ой, Марилла, спасибо, это замечательная материя, — сказала Энн. — Только ты меня слишком уж балуешь — от этого мне еще тяжелее будет расстаться с тобой и Мэтью. Зеленое платье сшили по самой последней моде, и однажды вечером Энн надела его, чтобы показать Марил-ле и Мэтью, и продекламировала им в кухне «Клятву девы». Глядя на ее оживленное счастливое лицо, Марилла вспомнила тот вечер, когда Энн впервые появилась в Грингейбле — странная испуганная девочка в жутком желтом платье из саржи и с тоской в залитых слезами глазах. При этом воспоминании и у самой Мариллы на глаза навернулись слезы.

— Неужели ты так расчувствовалась от моего чтения, Марилла? — спросила Энн, наклонившись к креслу, где та сидела, и легонько целуя ее в щеку. — Вот это действительно триумф!

— Я прослезилась вовсе не от твоего стихотворения, — возразила Марилла, которая считала позором расчувствоваться от каких-то стишков. — Я просто вспомнила, как ты сюда приехала. И мне стало жалко, что ты уже не та девочка, хотя и была ужас какая чудная. А теперь вот выросла и уезжаешь от нас. В этом платье тебя прямо не узнать — вроде ты вовсе не простая девушка из Эвонли. И мне стало так грустно при мысли, что той девочки уже нет.

— Марилла! — Энн опустилась перед ней на колени, взяла ее лицо в руки и посмотрела в глаза с серьезной нежностью. — Я совсем не изменилась — внутри я все та же. Просто меня, как молодое деревце, немного подстригли, и я закудрявилась новыми ветками. Но суть моя осталась неизменной. Куда бы я ни поехала и как бы внешне ни изменилась, в душе я всегда останусь твоей маленькой Энн, которая будет любить тебя и Мэтью и мой милый Грингейбл все больше и больше.

Энн прижалась своей свежей щечкой к морщинистой щеке Мариллы и, протянув руку, погладила Мэтью по плечу. Марилла, которая так и не научилась выражать свои чувства словами, молча обняла Энн и любовно прижала ее к своей груди: если бы можно было никогда не расставаться с этой девушкой, которая стала ей дорога как родная дочь!

Мэтью, в глазах которого тоже сверкнула подозрительная влага, поднялся и вышел из дому. Там, под звездами темно-синей летней ночи, он стал взволнованно ходить по двору.

— Нет уж, вовсе мы ее не избаловали, — бормотал он про себя. — И вроде никакого вреда не приключилось от того, что и я порой вмешивался в ее воспитание. Такая умница и красавица, и такое доброе сердце! Нам ее просто Бог послал. Спасибо миссис Спенсер, что она тогда ошиблась. А может, это была вовсе не ошибка, а Божье Провидение. Господу Богу, наверно, было видно, как нам ее не хватает.

Наконец наступил сентябрь, и пришел день, когда Энн надо было уезжать. Она со слезами простилась с Дианой и без слез с Мариллой — по крайней мере, Ма-рилла сумела сдержать слезы. Но после того как Энн уехала с Мэтью, Диана вытерла слезы и отправилась со своими кузенами и кузинами из Кармоди на пикник в Белые Пески, где превесело провела день. Марилла же набросилась на домашнюю работу и переделала массу ненужных дел, и сердце ее весь день болело от горя — того горя, которое гложет душу, но не находит облегчения в слезах. Но вечером, когда она легла в постель, ощущая в душе страшную пустоту при мысли об опустевшей комнатке в мансарде, где больше не шелестело дыхание молодой жизни, она уткнулась лицом в подушку и разразилась такими рыданиями, что сама была потрясена глубиной своего горя. Немного успокоившись, она напомнила себе, что так переживать из-за какой-то девчонки — просто грех перед Господом Богом...

Энн и остальные студенты из Эвонли приехали в Шарлоттаун в самый день начала занятий. Этот первый день прошел в приятных заботах и беготне. Они познакомились с однокурсниками и профессорами и были разбиты по группам. Энн решила за год пройти двухлетний курс — так ей посоветовала мисс Стэси; Джильберт Блайт собирался сделать то же самое. Если они успешно сдадут все экзамены, то к концу учебного года получат диплом учителя первой степени. Но, конечно, это означало, что им придется вдвое больше работать. Джейн, Руби, Джози, Чарли и Зануда Сперджен таких амбиций не имели и готовы были удовлетвориться дипломом второй степени, который выдавался студентам, прошедшим однолетний курс. Правда, Энн почувствовала себя одинокой, оказавшись в аудитории с пятьюдесятью юношами и девушками, из которых она никого не знала, исключая высокого молодого человека с русыми волосами, знакомство с каковым было весьма противоречивого свойства и отнюдь не скрашивало ее одиночества. Но все же в душе она радовалась, что оказалась в одной группе с Джильбертом: по крайней мере, их старое соперничество подвигнет ее на особое усердие в учебе — если бы его не было рядом, учеба наполовину потеряла бы для Энн смысл.

«Мне стало бы ужасно скучно, — думала Энн. — А у Джильберта такой решительный вид — наверное, он дал себе слово завоевать золотую медаль. Какой у него мужественный подбородок — как это я раньше не замечала. Жалко все-таки, что Джейн и Руби не захотели пойти в нашу группу. Впрочем, когда я познакомлюсь с однокурсниками, я, наверное, перестану чувствовать себя кошкой, забредшей на чужой чердак. Интересно, с кем из этих девочек мне предстоит подружиться? Правда, я обещала Диане, что с кем бы я ни подружилась в колледже, она навсегда останется моей самой дорогой подругой. Но почему бы мне не завести несколько менее дорогих подруг? Мне нравится та девочка с карими глазами в малиновом платье: у нее такое веселое румяное лицо; а вон еще симпатичная девушка — бледненькая блондинка, которая все время смотрит в окно. Какие красивые волосы, и, похоже, она тоже любит помечтать. Я бы с удовольствием подружилась с

обеими. Но пока я с ними незнакома, а они — со мной и, возможно, вовсе не жаждут познакомиться. Как мне все-таки одиноко!»

Энн почувствовала себя еще более одинокой, оказавшись вечером одна в своей комнате. У всех остальных девочек из Эвонли в Шарлоттауне были родственники, которые взяли их жить к себе. Мисс Жозефина Барри с Удовольствием приняла бы Энн, но ее дом расположен слишком далеко от колледжа, и Энн пришлось бы каждый день совершать далекие путешествия. Поэтому мисс Барри нашла для Энн комнату в «приличном» пансионе.

— Пансион содержит обедневшая вдова английского офицера, — успокоила она Мариллу и Мэтью, — и у нее не бывает случайных жильцов. Так что там Энн не встретит сомнительных личностей. Стол у нее очень хороший, и дом расположен на спокойной улочке недалеко от колледжа.

Все это оказалось сущей правдой, но вовсе не утешило Энн, которую в тот вечер охватила невыносимая тоска по дому. С унынием озирая свою маленькую узкую комнатку со скучными однотонными обоями, пустыми стенами без единой картинки, узкую железную кровать и пустой книжный шкаф, она вспомнила свою беленькую комнату в Грингейбле, где ее никогда не покидало сознание, что за стеной простираются зеленые поля и леса, что в саду растет сладкий горошек, лунный свет заливает сад и ручей у подножия склона, а елки за ручьем помахивают пушистыми ветками от ночного ветерка; и что сверху ее накрывает купол звездного неба, а между ветвями деревьев виднеется освещенное окошко Дианы. Здесь ничего этого не было. За окном шумела мощеная улица, над которой тянулись телефонные провода. Энн слышала топот чужих ног и представляла себе чужие лица, освещенные электрическими фонарями. Ей ужасно хотелось плакать, но она сдерживалась изо всех сил.

— Не буду плакать — ни за что не буду: нельзя быть такой глупой и слабой. На уик-энд я поеду домой, но до пятницы, кажется, еще сто лет. А Мэтью, наверное, уже подъезжает к дому, и Марилла ждет его у ворот... Ой, одна слеза капнула... вторая... третья... да нечего и считать, того и гляди польются ручьем. Я не могу утешиться... и не хочу. Мне больше нравится грустить.

Через минуту слезы, несомненно, хлынули бы ручьем из глаз Энн, если бы к ней не пришла Джози Пайн. Энн была так рада видеть знакомое лицо, что даже забыла о своей неприязни к Джози. Достаточно того, что она тоже из Эвонли.

— Я очень рада, что ты пришла, — искренне сказала Энн.

— Я вижу, ты плакала, — заметила Джози, и Энн совсем не понравилась нотка жалости в ее голосе. — Небось, скучаешь по дому — некоторые совсем не умеют держать себя в руках. А я так совсем не собираюсь скучать по дому. Здесь так весело — не то что в нашей паршивой деревушке. Не надо плакать, Энн, тебе не идет красный нос и красные глаза — кажется, что ты вся красного цвета. В колледже мы сегодня чудесно провели время. Наш преподаватель французского — просто душа. Посмотришь на его усы — и сердце замирает. У тебя нет чего-нибудь поесть, Энн? Я умираю с голоду. А, я так и знала, что Марилла напечет тебе в дорогу пирожков и булочек, поэтому и пришла. А то бы пошла в парк послушать, как играет оркестр Фрэнка Стокли. Фрэнк живет в одном доме со мной, и он

отличный парень. Он тебя заметил сегодня в классе и спросил у меня: кто эта рыжая девушка? Я ему сказала, что ты сирота, которую удочерили Кутберты, и никто не знает, кто были твои родители.

Энн стала подумывать, что, пожалуй, одиночество и слезы все же предпочтительнее ехидных замечаний Джози Пайн, но тут появились Джейн и Руби с гордо приколотыми к груди лилово-красными розетками колледжа. Поскольку Джози была в ссоре с Джейн, ей пришлось умолкнуть. Молча она уже не могла каждую минуту кого-нибудь обижать.

— У меня такое ощущение, будто с утра прошло несколько месяцев, — вздохнула Джейн. — Надо было бы провести вечер дома и зубрить Вергилия — этот противный старикашка-профессор задал нам на завтра двадцать строчек. Но я просто не в состоянии сегодня сесть за учебу. А ты, я гляжу, всплакнула, Энн! Признавайся, что плакала! Мне тогда будет не так стыдно. Когда пришла Руби, я ревела на весь дом. Все-таки легче, когда узнаешь, что кто-то другой тоже плакса. Ой, что это? Кекс? Можно мне ма-а-аленький кусочек? Как пахнет! Сразу чувствуется, что его испекли в Эвонли.

Увидев у Энн на столе календарь занятий в колледже, Руби спросила, не хочет ли Энн попробовать завоевать золотую медаль?

Та покраснела и смущенно кивнула.

— Да, кстати, — вмешалась в разговор Джози, — Куинс-колледж все-таки получит одну из стипендий Эвери. Сегодня это стало точно известно. Мне сказал Фрэнк Стокли, а его дядя — член Распорядительного совета колледжа. Завтра будет сделано официальное объявление.

Стипендия Эвери! У Энн учащенно забилося сердце, и перед ней забрезжила новая, еще более честолюбивая цель. До того как Джози сообщила эту новость, устремления Энн не шли дальше получения диплома первой степени и в самом лучшем случае — золотой медали. А теперь она уже увидела в мечтах, как завоевывает стипендию Эвери, едет учиться в Редмондский университет и получает там степень бакалавра. Ведь стипендию Эвери дают за выдающиеся успехи в английской литературе, а это — любимый предмет Энн.

Эвери был богатый промышленник, который недавно умер и в своем завещании назначил несколько стипендий особо отличившимся студентам различных колледжей Приморских провинций. До сегодняшнего дня не было уверенности, что хоть одна такая стипендия достанется Куинс-колледжу, но вопрос наконец-то решен, и в конце года студент, у которого будут самые высокие оценки по английской литературе, получит эту стипендию — двести пятьдесят долларов в год на все четыре года обучения в Редмондском университете. Так что нет ничего удивительного, что Энн легла спать, окрыленная новой надеждой.

«Из кожи вылезу, а завоюю эту стипендию, — дала она себе слово. — Как будет гордиться Мэтью, если я получу степень бакалавра гуманитарных наук! Все-таки это замечательно, когда у тебя есть честолюбие! Едва добьешься одной цели, как тут же начинает манить другая. Когда есть честолюбие, интересно жить!»

## Глава тридцать третья

### ГОД В КУИНС-КОЛЛЕДЖЕ

Постепенно Энн перестала так мучительно тосковать по дому, тем более что каждую пятницу вечером она приезжала в Грингейбл и оставалась там до конца воскресенья. Пока не выпал снег, студенты Куинс-колледжа на уик-энд ездили до Кармоди по только что построенной железнодорожной ветке. Там их обычно встречала Диана и еще кто-нибудь из молодежи, и они все вместе шли пешком до Эвонли. Для Энн эта дорога домой среди золотеющих осенних холмов по свежему воздуху, эти мелькающие в конце пути огоньки Эвонли были самой большой радостью, скрашивающей остальные дни недели в чужом городе. Джильберт Блайт почти всегда шел рядом с Руби Джиллис и нес ее сумку. Руби была очень привлекательная девушка, которая считала себя — да, собственно, это так и есть — совершенно взрослой особой. Она носила длинные юбки и в городе зачесывала волосы кверху, хотя по приезде домой ей приходилось опять распускать их по плечам. Руби имела большие голубые глаза, нежную бело-розовую кожу и пухленькую, но стройную фигурку. Она часто смеялась, никогда не сердилась и откровенно любила вкусную еду и развлечения.

— А по-моему, она все-таки не подходит Джильберту, — как-то прошептала Джейн на ухо Энн. Энн тоже так считала, но не признала бы этого вслух даже за стипендию Эвери. Ей часто приходило в голову, как было бы приятно иметь такого друга, как Джильберт, с которым можно обсуждать прочитанные книги, занятия и жизненные планы. У Джильберта тоже хватало честолубия, Энн это знала, но Руби Джиллис вряд ли могла всерьез интересоваться его планами и надеждами.

Мысли Энн о Джильберте были лишены всякой романтической окраски. Молодых людей она представляла себе только товарищами. Если бы она подружилась с Джильбертом, ее совсем не волновало бы, с кем еще он дружит или кому носит сумку. У Энн был талант на дружбу. Но при том, что она имела массу подруг, она смутно сознавала, что дружба с молодым человеком расширила бы ее жизненный кругозор и взгляд на человеческие отношения. Разумеется, эти мысли не получали столь четкой формулировки в ее сознании. Просто Энн думала, что если бы они с Джильбертом вместе шли от станции до Эвонли сначала через затихшие поля, а потом по лесным тропинкам, то с ним, наверное, было бы очень интересно поговорить об открывающейся перед ними новой жизни и о своих надеждах и устремлениях. Джиль-берт очень умный юноша, у него твердые взгляды и решимость взять от жизни все, что она может дать, и отдать ей все лучшее, что в нем заложено. Руби Джиллис призналась Джейн Эндрюс, что часто не понимает и половины из того, что ей говорит Джильберт: он иногда разговаривает так же чудно, как Энн, когда погружается в свои мечтания. Сама Руби считала, что незачем тратить на книги и учебу больше сил, чем это необходимо. Фрэнк Стокли — вот это лихой парень, с ним всегда весело. Но Джильберт куда красивее. Так что Руби никак не могла решить, который из них ей нравится больше.

У Энн постепенно образовался круг друзей в колледже, таких же вдумчивых, работающих и честолубивых молодых людей, как и она. Она очень быстро подружилась с «девушкой в розовом», которую звали Стелла Мейнерд, и с «мечтательницей» Присциллой Грант.

Оказалось, что бледненькая Присцилла с одухотворенным лицом обожает откалывать всякие штучки и хохочет до упаду по любому поводу, тогда как краснощекая черноглазая Стелла, так же как и Энн, склонна предаваться радужным мечтам.

После рождественских каникул студенты Куинс-кол-леджа перестали ездить на уик-энды домой в Эвонли и всерьез взялись за учебу. К тому времени выяснилось, у кого из студентов какие возможности и желания. Всем стало ясно, что на золотую медаль претендуют трое — Джильберт Блайт, Энн Ширли и Льюис Уилсон; вопрос о том, кому достанется стипендия Эвери, вызывал больше сомнений — на нее было по крайней мере шестеро претендентов. Бронзовую медаль по математике все единогласно отдавали смешному толстому коротышке с бугристым лбом и заплатками на локтях.

Руби Джиллис считалась самой красивой девушкой в колледже. В группе студентов, решивших пройти двухлетний курс за один год, пальма первенства по красоте принадлежала Стелле Мейнерд, но было еще критически настроенное меньшинство, которое отдавало предпочтение Энн Ширли. Даже старательная и не очень красивая Джейн Эндрюс завоевала первое место — по курсу домашнего хозяйства. А Джози Пайн прославилась как обладательница самого ядовитого язычка в колледже. Так что все ученики мисс Стэси оказались заметными личностями в студенческом мирке. Энн очень много времени отдавала занятиям. Их соперничество с Джильбертом не угасло, хотя в колледже оно стало не столь очевидным, как в школе, да и утратило прежнее ожесточение. Опередить Джильберта уже не составляло для Энн смысла жизни, но ей было приятно одерживать победы над столь достойным противником. Ей хотелось выйти победительницей, но мысль, что победит он, уже не казалась невыносимой.

Занятия занятиями, но студенты находили время и Для развлечений. Энн часто ходила в гости к мисс Барри и обедала там каждое воскресенье. Мисс Барри, как она и сама признавала, чувствовала, что годы берут свое, но взгляд ее черных глаз оставался все таким же живым, а язык — таким же острым. Однако она никогда не упражняла свое ядовитое остроумие на Энн, которая по-прежнему оставалась любимицей придирчивой старой леди.

— Энн становится все интереснее, — говорила она. — Мне наскучили другие девчонки — они все похожи одна на другую. А в Энн столько же различных оттенков, сколько и в радуге, и какой оттенок ни возьми — кажется, что он лучше всех. Она уже не так меня забавляет, как раньше, но зато я ее больше люблю — а я очень ценю людей, которые заставляют меня себя полюбить. Мне не приходится с ними притворяться.

Весна подкралась незаметно, и в Эвонли деревья окутались зеленой дымкой. Но студенты Куинс-колледжа о весне не думали — перед ними маячили выпускные экзамены.

— Господи, неужели учебный год уже кончается? — вздохнула Энн. — Осенью казалось, что до весны — целая вечность. И вот уже на следующей неделе начинаются экзамены. Иногда мне кажется, девочки, что важнее экзаменов ничего на свете нет, а когда я посмотрю, как набухают почки на каштанах и как голубеет воздух в конце улицы, экзамены как-то отступают на второй план.

Но Джейн, Руби и Джози, которые зашли к ней поболтать, не разделяли эту точку зрения.

— За последние две недели я похудела на семь фунтов, — сообщила Джейн. — И не надо мне говорить, чтобы я не волновалась. Все равно буду волноваться. Когда волнуешься, то кажется, что делаешь что-то полезное. Если я провалюсь на экзаменах, это будет ужасно: убить целый год на учебу, истратить столько денег — и не получить диплома!

— А мне все равно, — заявила Джози. — Не пройду в этом году, буду опять учиться в следующем. У отца денег хватит... Энн, знаешь, Фрэнк Стокли говорит, что профессор Тремейн считает Джильберта Блайта главным кандидатом на медаль, а Эмили Клей — на стипендию Эвери.

— Завтра я, может, и буду расстраиваться по этому поводу, Джози, — со смехом ответила Энн, — но сейчас мне кажется, что не так важно, получу ли я стипендию Эвери или нет — зато я знаю, что в лощине за Грингей-блом повсюду цветут фиалки, а возле Тропы Мечтаний из земли появились побеги папоротника. Я сделала все, что могла, и кажется, начинаю понимать, что значит радость битвы. Конечно, хорошо бороться и победить, но бороться и проиграть ненамного хуже. Девочки, хватит говорить об экзаменах! Поглядите на это нежно-зеленое небо! Представьте себе, как на его фоне смотрятся лиловые буки в Эвонли!

— А что ты наденешь на выпускной вечер, Джейн? — спросила Руби.

Джейн и Джози заговорили вместе, и разговор перешел на платья и фасоны. Но Энн не принимала в нем участия, а сидела у окна, задумчиво опершись щекой на руки, глядела на крыши города и закатное небо над ними и уносилась в мир волшебных мечтаний. Впереди были годы надежд и обещаний, каждый из них — роза в венке ее жизни.

## Глава тридцать четвертая

### УСПЕХ И МЕЧТЫ

Наступило утро, когда на доске в колледже должны были вывесить результаты экзаменов. Энн и Джейн отправились туда вместе. Джейн умиротворенно улыбалась: экзамены она сдала и могла не сомневаться в получении диплома. У нее не было высоких целей, а значит, не о чем больше волноваться. Энн была бледна и молчалива: через десять минут она узнает, кто завоевал золотую медаль, а кто — стипендию Эвери. Ей казалось, что время уплотнилось до этих десяти минут и за ними уже ничего нет.

— Или то, или другое ты, конечно, получишь, — убеждала ее Джейн, которая не могла себе представить, чтобы ректорат решил иначе — это была бы чудовищная несправедливость.

— Нет, на стипендию я не надеюсь, — ответила Энн. — Все говорят, что она достанется Эмили Клей. И я не стану смотреть список у всех на глазах — у меня на это просто не хватит мужества. Я пойду в женскую уборную, а ты посмотри списки и приди скажи мне. И умоляю тебя, Джейн, на задерживайся. Если мне ничего не досталось, так и скажи, не пытайся позолотить пилюлю. И не надо мне сочувствовать! Обещаешь, Джейн?

Джейн пообещала исполнить просьбу Энн, но получилось так, что исполнять ее Джейн не пришлось. В вестибюле колледжа они увидели толпу молодых людей, которые качали Джильберта Блайта и кричали во все горло: «Ура медалисту Джильберту Блайту!»

У Энн сжалось сердце — значит, она потерпела поражение, а победил Джильберт. Как расстроится Мэтью — он был так в ней уверен!

Но тут кто-то выкрикнул:

— Ура стипендиатке Энн Ширли!

— Ой, Энн, — проговорила Джейн, когда они под громкие поздравительные крики скрылись в женской уборной. — Ты таки победила!

Через минуту в уборную набежали девушки-студентки и стали наперебой поздравлять Энн, хлопать ее по плечу, пожимать руки. Ее тискали, толкали, дергали, но среди всей этой радостной суматохи она сумела шепнуть Джейн:

— Как обрадуются Мэтью с Мариллой! Надо им сейчас же написать.

Следующим важным событием стал выпускной бал. Он состоялся в главной зале колледжа. Профессора держали речи, лучшие студенты зачитывали свои работы, все пели песни, затем началась раздача дипломов, призов и медалей.

Мэтью и Марилла тоже присутствовали в зале. Они видели и слышали только высокую девушку в светло-зеленом платье, которая, покрасневшись, с глазами, сияющими как звезды, прочитала свое, признанное лучшим сочинение и на которую родители указывали друг другу: вот эта девушка получила стипендию Эвери!

— Ну что, Марилла, теперь небось рада, что мы ее не отослали обратно в приют? — прошептал Мэтью Марилле, когда Энн закончила читать.

— Да я давно уже рада! — отозвалась Марилла. — Сколько можно мне это поминать, Мэтью Кутберт?

Мисс Барри, которая сидела позади них, наклонилась вперед и ткнула зонтиком в спину Мариллы.

— Надеюсь, вы гордитесь своей Энн? — спросила она. — Я — очень.

Вечером Энн вместе с Мэтью и Мариллой уехала в Эвонли. Она не была дома с апреля и больше не хотела оставаться в городе ни одного дня. В Эвонли расцвели яблони, все сверкало молодой зеленью. В Грингейбле ее ждала Диана. Поднявшись к себе в комнату, которую Марилла украсила цветущей розой в горшке, счастливая Энн смогла наконец перевести дух.

— Как же хорошо вернуться домой, Диана! И опять увидеть в окне эти остроконечные елки, и белый сад и Снежную Королеву. Как чудно пахнет мятой! И как хороша эта чайная роза — как песня, надежда и молитва, слитые воедино. Я так рада видеть тебя, Диана!

— А я думала, что тебе теперь больше нравится Стелла Мейнерд, — укоризненно сказала Диана. — Джози Пайн говорила, что ты в нее просто влюблена.

Энн засмеялась.

— Стелла Мейнерд — милейшая девочка и очень мне дорога, — но ты мне дороже всех, Диана. Я люблю тебя еще больше, чем раньше, и мне столько надо тебе рассказать. Но сейчас мне кажется, что просто сидеть и смотреть на тебя — уже счастье. Знаешь, я устала — устала заниматься, устала быть серьезной. Завтра утром я собираюсь по крайней мере два часа лежать в саду на траве и совсем ни о чем не думать.

— Ты такая молодец, Энн! Но раз ты получила стипендию Эвери, ты уже не будешь работать учительницей?

— Нет, в сентябре я поеду в Редмонд. Как это замечательно! Я как следует отдохну за три роскошных летних месяца и накоплю новый запас честолубия. Джейн и Руби пойдут работать в школу. Правда, приятно, что мы все получили дипломы, даже Зануда Сперджен?

— Джейн уже предложили должность в ньюбриджской школе, — сообщила Диана. — Джильберту Блайту тоже придется поработать учителем. У его отца нет денег, чтобы послать его в этом году в Редмонд, и он собирается сам заработать себе деньги на обучение. Наверное, он будет учителем у нас в школе, если мисс Эйми решит уйти на пенсию.

Энн была неприятно удивлена этой новостью: почему-то она считала, что Джильберт тоже поедет в Редмонд. Как же она станет учиться, если ей не надо будет с ним соперничать? Это всегда так ее вдохновляло. Пожалуй, учеба в университете покажется пресной, если рядом не будет ее друга-врага.

На следующее утро за завтраком Энн вдруг заметила, что у Мэтью совсем больной вид. И как он сильно поседел!

— Марилла, — нерешительно спросила она, когда Мэтью вышел, — что с Мэтью? Мне кажется, он не совсем здоров.

— Да, он нездоров, — озабоченно подтвердила Марилла. — У него этой весной несколько раз сильно прихватывало сердце, а он нипочем не хочет даже немного его побережь. Я ужасно за него беспокоюсь, но в последнее время ему вроде стало полегче. Мы наняли хорошего работника. Теперь Мэтью не придется столько надрываться и, надеюсь, у него наладится со здоровьем. Особенно сейчас, когда ты вернулась домой. Он всегда так радуется, когда ты приезжаешь.

Энн, перегнувшись через стол, ласково погладила Мариллу по щеке.

— Ты и сама-то не очень хорошо выглядишь, Марилла. У тебя усталый вид. Наверное, ты слишком много работаешь. Теперь я все буду делать по дому, а ты отдохнешь. Вот только сегодня навещу все свои любимые места и вспомню все старые мечты, а потом возьмусь за работу. А ты немного побездельничай.

Марилла растроганно улыбнулась девушке:

— Домашняя работа тут ни при чем — просто у меня частенько болит голова из-за зрения. Доктор Спенсер без конца меняет мне очки, но толку от этого ровным счетом никакого. В конце июня на остров должен приехать знаменитый профессор-окулист, и доктор советует ему показаться. Наверное, придется. Мне уже стало совсем трудно читать или шить. Ну а ты, Энн, молодец. Получить диплом первой степени за один год, да еще завоевать стипендию Эвери... Миссис Линд, правда, считает, что женщинам высшее образование ни к чему — дескать, они тогда становятся неспособны выполнять свое главное предназначение. А я думаю, что все это чушь. Да, кстати, к слову о Рэйчел... До тебя не доходили никакие слухи о положении Эбби-банка?

— Доходили, — кивнула Энн, — говорят, что его дела плохи — вот-вот обанкротится. А что?

— Вот-вот, и Рэйчел то же самое говорит. Она была у нас на прошлой неделе и сказала, что ходят такие слухи. Мэтью страшно разволновался — у нас же в этом банке лежат все наши сбережения, все до последнего цента. Я поначалу предлагала положить их в Сберегательный банк, но старик Эбби был большим другом нашего отца, и мы всегда клали деньги в его банк. Мэтью тогда сказал, что с таким директором за банк можно не опасаться.

— По-моему, он уже много лет только числится директором, — заметила Энн. — Он очень стар, и банком заправляют его племянники.

— Ну вот, когда Рэйчел нам это сказала, я просила Мэтью забрать оттуда наш вклад, и он ответил, что подумает — может, и заберет. Но вчера мистер Рассел заверил нас, что дела банка в полном порядке.

Энн, как и собиралась, провела день на природе, радуясь каждой травинке, каждому цветку и деревцу. Она на всю жизнь запомнила этот день, такой беззаботный, такой солнечный и ясный. Несколько часов она погуляла у себя в саду, потом сходила на Дриадин ключ, Ивовый омут и на Фиалковую поляну; после обеда она посетила миссис Аллан, с которой они с удовольствием проговорили часа два, и наконец к вечеру пошла вместе с Мэтью на дальнее пастбище за коровами. Они возвращались по Тропе Мечтаний, и Энн заметила, что Мэтью идет с трудом, опустив голову. Энн пришлось замедлить шаг.

— Ты сегодня переработал, Мэтью, — укоризненно сказала она. — Тебе надо беречь свое сердце.

— Да у меня как-то не получается, — смутился Мэтью, открывая ворота, чтобы пропустить коров. — Просто я постарел, Энн, и все время про это забываю. Ну ничего, я всю жизнь работал, так пусть уж и умру в упряжи.

— Если бы вам прислали вместо меня мальчика, как вы хотели, он бы помог тебе по хозяйству и ты бы не так уставал, — грустно пошутила Энн. — Из-за одного этого я жалею, что я не мальчик.

— Нет уж, Энн, я не променяю тебя и на десяток мальчиков, — сказал Мэтью, взяв ее за руку. — Так и запомни — ни на десять, ни на двадцать мальчиков. Кто у нас получил стипендию Эвери — мальчик, что ли? Нет, ее получила девочка, моя умница девочка. Мэтью улыбнулся своей застенчивой улыбкой и пошел вслед за коровами в хлев. Воспоминание об этой улыбке Энн унесла к себе в комнату, где потом еще долго сидела у открытого окна, вспоминая прошлое и мечтая о будущем. За окном в лунном свете сияла серебром Снежная Королева, а из дальнего болота доносился лягушачий хор. Энн навсегда запомнила серебристый покой и ароматную красоту этого вечера. Это была ее последняя беззаботная ночь — на следующий день Энн коснулось леденящее дыхание смерти. А после того, как человек ощутит это страшное дыхание, он меняется и никогда уже не бывает прежним.

## Глава тридцать пятая

### СТРАШНАЯ ГОСТЬЯ С КОСОЙ В РУКАХ

— Мэтью... Мэтью... что с тобой? Мэтью, тебе плохо? Эти испуганные слова вырвались у Мариллы как раз в ту минуту, когда Энн вошла в прихожую с букетом нарциссов в руках. После этого она много лет не могла выносить запах нарциссов. Энн увидела, что Мэтью стоит на крыльце с каким-то серым, вдруг осунувшимся лицом. В руках у него была газета. Энн швырнула цветы на пол и бросилась к нему вместе с Мариллой. Но они опоздали: у Мэтью подогнулись ноги — и он упал на порог.

— Он потерял сознание, — с ужасом проговорила Марилла. — Беги за Марином, Энн, быстрее — он в сарае.

Их работник Мартин, который только что приехал с почты, сел в телегу и поехал за доктором. По дороге он заехал на ферму Барри, чтобы послать хозяев на помощь женщинам в Грингейбле. Миссис Линд, которая зашла к Барри по какому-то делу, тоже поспешила в Грингейбл. Там Марилла и Энн безуспешно пытались привести Мэтью в сознание.

Миссис Линд легонько отстранила их, пощупала пульс Мэтью, потом приложила ухо к его груди. Выпрямившись, она обвела печальным взглядом их испуганные лица, из глаз ее брызнули слезы.

— Боюсь, ему уже ничто не поможет, Марилла, — проговорила она.

— Миссис Линд... вы не думаете... не может же быть, чтобы Мэтью... — Энн не в силах была выговорить страшное слово. Ее лицо было белым как мел, и она сама, казалось, вот-вот грохнется на пол.

— Да, детка, боюсь, что это так. Посмотри на его лицо. Я часто видела такое выражение и понимаю, что это значит.

Доктор осмотрел тело и сказал, что смерть была мгновенной и, возможно, даже безболезненной. По-видимому, ее вызвало какое-то потрясение. Вскоре они узнали, что так мгновенно убило Мэтью: в той газете, которую Мартин привез с почты и которую Мэтью держал в руках, сообщалось о крахе Эбби-банка.

Известие о смерти Мэтью быстро разнеслось по Эвонли, и весь день Грингейбл был заполнен друзьями и соседями Кутбертов, которые старались хоть чем-нибудь помочь осиротевшим женщинам. Впервые за свою жизнь, осененный белым величием смерти, тихий застенчивый Мэтью оказался в центре всеобщего внимания.

Когда на Грингейбл медленно спустилась ночь, в доме наступила тишина. В гостиной в гробу лежал Мэтью, длинные седые волосы окаймляли его спокойное лицо, на котором застыла тихая добрая улыбка, словно он спал и видел приятные сны. Вокруг стояли цветы, милые простые цветы, которые его мать посадила в саду в первые дни своего замужества и которые Мэтью любил тайной, не выраженной словами любовью. Энн собрала их и принесла к гробу Мэтью. На ее бледном лице лихорадочно горели сухие страдальческие глаза. Больше для Мэтью она уже ничего никогда не сможет сделать.

Мистер и миссис Барри и миссис Линд остались в Грингейбле ночевать, а Диана поднялась в мансарду, где ее подруга молча стояла у окна, и мягко спросила:

— Энн, дорогая, ты хочешь, чтобы я осталась с тобой на ночь?

— Спасибо, Диана, — ответила Энн и умоляюще посмотрела в лицо подруги. — Надеюсь, ты не обидишься, но мне хочется побыть одной. Мне вовсе не страшно. С той самой минуты, как это случилось, я ни на миг не оставалась одна. А мне хочется побыть одной, помолчать, осознать, что Мэтью уже нет. Я до сих пор не могу в это поверить. То мне кажется, что Мэтью вовсе не умер, то начинает казаться, что он умер очень давно и мое сердце уже давно сжимает эта жуткая тоска.

Диана не совсем поняла подругу. Ей была понятнее бурная скорбь Мариллы, которая прорвалась сквозь все заслоны, всю ее привычную сдержанность. Но она исполнила просьбу и ушла, оставив Энн наедине со своим горем.

Энн надеялась, что когда она останется одна, то найдет облегчение в слезах. Ей казалось ужасным, что она не пролила ни слезинки по Мэтью, которого так любила и который был к ней так добр, Мэтью, с которым она шла по Тропе Мечтаний только вчера вечером и который теперь лежал в гробу, в затененной комнате внизу, с этим страшным выражением покоя на лице. Но слезы не шли, хотя Энн опустилась на колени перед окном и стала молиться, глядя на звезды, мерцавшие над холмом. Слез не было, была только невыносимая душевная боль. Вконец измучившись, девушка забылась тяжелым сном. Проснувшись среди ночи, Энн прислушалась к тишине в темном доме, и воспоминание о прошедшем дне захлестнуло ее волной отчаяния. Ей представилось лицо Мэтью, его улыбка при расставании у ворот вчера вечером, она услышала его голос: «моя умница девочка». И из глаз у нее наконец-то полились слезы. Марилла услышала ее рыдания и тихонько поднялась наверх.

— Не надо, моя хорошая, не надо так плакать. Его уже не вернешь. Так плакать — грех. Я сама это знала, когда рыдала днем, но я ничего не могла с собой поделать. Он был добрый, заботливый брат — но Господь Бог лучше знает, когда кому умереть.

— Дай мне выплакаться, Марилла, — рыдала Энн. — Мне легче плакать, чем ходить с сухими глазами, когда все болит внутри. Побудь со мной, Марилла, обними меня — вот так. Я не хотела, чтобы Диана осталась со мной на ночь... она милая, добрая, родная... но это не ее горе... она стоит в стороне, она не могла мне помочь. Это наше горе, твое и мое. Марилла, милая, как же мы будем без него жить?

— У меня есть ты, а у тебя — я. Не знаю, что бы я делала, если бы не было тебя, если бы мы тебя не взяли. Энн, родная, я знаю, что была с тобой чересчур строга, но не думай, что я не люблю тебя так же сильно, как Мэтью. Я хочу сказать тебе это сейчас, пока могу. Мне всегда было трудно говорить о том, что у меня на сердце, но в эту тяжелую минуту мне это легче сделать. Я люблю тебя, детка, как родную дочь, и с того дня, как ты появилась в Грингейбле, ты была моей радостью и утешением.

Через два дня Мэтью Кутберта отвезли на кладбище — и он покинул поля, которые пахал и засеивал, сад, который так любил, и деревья, которые посадил. После похорон жизнь в Эвонли вернулась в свое обычное спокойное русло, и даже в Грингейбле все шло как заведено. Марилла с Энн занимались привычными делами, хотя и ни на минуту не забывали о своем горе. Энн, в жизни которой это была первая потеря, даже сердилась, что все опять идет своим чередом, хотя Мэтью больше нет в живых. Ей было даже стыдно, и

она почувствовала раскаяние, когда увидела, что по-прежнему способна радоваться солнцу, поднимающемуся из-за елок, или распускающимся в саду розовым бутонам; что приход Дианы доставляет ей удовольствие, а ее веселые слова иногда смешат — короче говоря, она чувствовала угрызения совести из-за того, что прекрасный мир природы, дружба и любовь по-прежнему радуют ее и согревают душу, что жизнь вызывает к ней настойчивыми голосами людей, животных и растений.

— Мне кажется, что это нехорошо по отношению к Мэтью, словно я его забываю и уже не грущу по нему, — призналась как-то вечером Энн миссис Аллан, сидя с ней на скамейке в саду. — Я по нем страшно горю, не забываю ни на минуту, и все-таки, миссис Аллан, природа и жизнь по-прежнему кажутся мне прекрасными и интересными. Сегодня Диана меня рассмешила. А когда Мэтью умер, я думала, что никогда больше не смогу смеяться. И мне почему-то кажется, что смеяться нехорошо.

— Когда Мэтью был жив, он любил твой смех и радовался тому, что ты так любишь природу, — мягко успокоила ее миссис Аллан. — А сейчас он вроде бы уехал, и там он тоже хочет знать, что ты находишь радость в жизни. Я уверена, что мы не должны противиться целебному воздействию природы. Но я тебя понимаю. Наверное, все, потеряв близкого человека, чувствуют то же самое. В нас все восстает при мысли, что мы можем от чего-то получать удовольствие, когда этот близкий человек уже не способен разделить его с нами, и нам кажется, что мы изменяем своему горю, когда чувствуем в себе возрождающийся интерес к жизни.

— Я сегодня посадила на могиле Мэтью розовый куст, — мечтательно проговорила Энн. — Взяла отросток от большого куста белых роз, который мать Мэтью привезла из Шотландии много лет назад. Мэтью всегда любил эти розы больше всех других цветов — они такие маленькие и нежные, на толстых колючих стеблях. Я радовалась, что сажаю розы на его могиле — словно этим могу как-то его утешить. Мне хочется думать, что в раю тоже есть такие розы. Может быть, души всех этих розочек, расцветавших каждое лето, собрались в раю его встретить. Но мне пора домой, Марилла там одна, и к вечеру ей делается очень тоскливо.

— Бедняжке будет еще тоскливее, когда ты уедешь в Редмонд.

Энн ничего не ответила; попрощавшись, она медленно пошла в Грингейбл. Марилла сидела на ступенях крыльца, и Энн присела рядом. Позади них дверь была раскрыта нараспашку и ее придерживала большая розовая раковина, внутри которой как бы светились отблески морских закатов.

Энн сорвала веточку светло-желтой жимолости и воткнула ее себе в волосы. Ей очень нравилось при каждом движении вдыхать волну прелестного аромата.

— Тут без тебя заходил доктор Спенсер, — сказала Марилла. — Говорил, что профессор приедет в Шарлот — таун завтра и я должна обязательно поехать ему показаться. Пожалуй, съезжу завтра. Хорошо бы, если бы этот профессор сумел подобрать мне очки. Тебе не страшно будет одной, Энн? Меня повезет Мартин, а я так и не испекла хлеб, и белья много неглаженного.

— Не волнуйся за меня, Марилла. Я приглашу к себе Диану, и мы вместе испечем хлеб и все переглядим — и не бойся, что я накрахмалю носовые платки болеутоли-телем.

Марилла рассмеялась.

— Сколько же ты всего натворила, пока была маленькой, Энн! Не одно, так другое. Мне уж казалось, что в тебя дьявол вселился. Ты помнишь, как ты покрасила волосы?

— Еще бы, я этого никогда не забуду, — сказала Энн, касаясь своей толстой косы, которую она укладывала вокруг головы. — Я иногда посмеиваюсь над тем, как я страдала из-за своих рыжих волос, но очень-то мне смеяться не хочется — я помню эти страдания слишком живо. Из-за волос и из-за веснушек. Веснушки у меня совсем сошли, и люди любезно называют мои волосы каштановыми — все, кроме Джози Пайн. Она мне вчера сообщила, что, по ее мнению, как я была рыжей — так и осталась, даже еще порыжела, во всяком случае, черное платье особенно оттеняет рыжину. И еще она спросила меня: неужели рыжие люди когда-нибудь привыкают к своим волосам? Марилла, кажется, я перестану мириться с колкостями Джози. Я делала героические попытки, чтобы хорошо к ней относиться, но она просто не заслуживает хорошего отношения.

— Все они такие в этом семействе, — резко сказала Марилла. — Если ты Пайн, значит, у тебя скверный характер. Надо полагать, что и у таких людей есть какое-то назначение в обществе, но убей меня Бог, если я знаю какое — так же как я не знаю назначение репейника. А что, Джози тоже собирается учительствовать?

— Нет, она будет еще год учиться в Куинс-колледже. Зануда Сперджен и Чарли Слоун тоже хотят пройти второй курс. А Джейн и Руби будут работать — они уже получили назначение: Джейн в Ньюбридже, а Руби в какой-то деревне к западу отсюда.

— Джильберт Блайт, кажется, тоже собирается работать учителем?

— Да, один год.

— Какой же он славный парень, — как бы невзначай заметила Марилла. — Я видела его в воскресенье в церкви и подумала: какой высокий и совсем уже мужчина. Очень похож на отца, когда ему было примерно столько же лет. Джон Блайт тоже был хорошим парнем. Мы с ним дружили. Все считали его моим ухажером.

Энн с любопытством взглянула на Мариллу:

— Правда, Марилла? И что же случилось?.. Почему вы не...

— Мы поссорились. Он пришел просить прощения, но я его прогнала. Вообще-то я собиралась его простить, но попозже: пусть, думаю, помучается. Я на него тогда еще сердилась и хотела его наказать. А он больше не пришел — все Блайты очень самолюбивые люди. И я всю жизнь... жалела. Надо было простить его, когда он приходил...

— Значит, у тебя в жизни тоже была любовь, Марилла? — улыбнулась Энн и обняла ее за плечи.

— Да, пожалуй, можно сказать, что была. Глядя на меня, и не поверишь, правда? Но о людях нельзя судить по их внешности. Теперь уж все давно позади — я про то, что у меня был роман с Джоном. Я и сама забыла. Но вот увидела в воскресенье Джильберта, и все вспомнилось...

## Глава тридцать шестая

### ПОВОРОТ ДОРОГИ

На следующий день Марилла поехала в Шарлоттаун и вернулась к вечеру. Энн только что пришла от Дианы и увидела, что Марилла сидит на кухне, устало облокотившись о стол и подперев щеку рукой. Во всем ее облике сквозило такое уныние, что у Энн заболело сердце. Она никогда не видела Мариллу в столь надломленной позе.

— Ты что, устала, Марилла?

— Да... нет... не знаю, — отозвалась Марилла, поднимая голову. — Наверное, устала, но я как-то об этом не думала. Дело совсем не в этом.

— А в чем же? Ты была у профессора? Что он сказал?

— Да, была. Он осмотрел меня и сказал, что если я совсем не буду читать и шить, и вообще как-нибудь напрягать глаза, если я не буду плакать и буду носить очки, которые он мне прописал, то зрение у меня не ухудшится и головные боли прекратятся. А если я его не послушаюсь, то через шесть месяцев ослепну. Подумать только, Энн, — ослепну!

Энн ахнула. Потом долго молчала. Она просто не могла произнести ни слова. Затем сказала нарочито бодрым голосом:

— Марилла, не думай о слепоте. Доктор дал тебе надежду. Если ты будешь осторожна, ты не потеряешь зрение, да к тому же перестанешь мучиться от головных болей.

— Ничего себе надежда, — горько отозвалась Марилла. — А чем я буду заниматься, если мне нельзя ни читать, ни шить? Какая разница — жить так или ослепнуть? Да лучше вообще умереть! И как я могу не плакать, когда мне так одиноко? Ну ладно, хватит об этом толковать — все равно бесполезно. Вскипяти мне чаю, Энн. Я совсем без сил. И, пожалуйста, не говори пока никому, что сказал врач. А то соседи начнут приходить, расспрашивать, жалеть — у меня нет сил вынести еще и это.

Когда Марилла поужинала, Энн уговорила ее лечь спать, а сама пошла к себе в комнату и долго сидела в темноте у окна. На сердце у нее было невыносимо тяжело, из глаз струились слезы. Как все изменилось с того вечера, когда она приехала из колледжа и вот так же сидела у окна. Тогда ее сердце переполняла радость и она с надеждой и уверенностью смотрела в будущее. Энн казалось, что с того вечера прошли годы. Однако когда она решила ложиться спать, на ее губах играла умиротворенная улыбка. Она нашла мужество посмотреть жизни в глаза и поняла, в чем ее долг. И принятое решение успокоило ее душу.

Через несколько дней Марилла медленно вошла в дом со двора, где она разговаривала с приехавшим к ней человеком, которого Энн видела всего раз или два, но знала, что его зовут Джон Садлер и что он живет в Кар-моди. «Что это он сказал Марилле?» — подумала Энн, увидев ее убитое лицо.

— Что нужно Садлеру, Марилла?

Марилла села в кресло у окна и посмотрела на Энн. Несмотря на запрет врача, из глаз ее потекли слезы.

— Он услышал, что я продаю Грингейбл, — сказала она надтреснутым голосом, — и спрашивал, сколько я за него хочу. Он собирается его купить.

— Купить? Купить Грингейбл! — Энн показалось, что она ослышалась. — Что ты, Марилла, неужели ты собралась продавать ферму?

— А что же мне еще делать, Энн? Я все обдумала. Если бы у меня были здоровые глаза, я бы осталась здесь жить, наняла бы хорошего работника и вела бы хозяйство. Но ты же знаешь, что мне нельзя делать ничего тяжелого — я могу ослепнуть. Да и вообще у меня нет сил думать еще и о полевых работах. Господи, неужели же я могла представить, что доживу до такого черного дня, когда мне придется продавать родной дом и ферму?! Но дела будут идти все хуже, и дойдет до того, что никто уже не захочет покупать Грингейбл. Мы потеряли все деньги до последнего цента, да еще Мэтью дал прошлой осенью несколько долговых расписок. Их тоже надо оплатить. Рэйчел советует мне продать ферму и снять у кого-нибудь комнату — наверное, она надеется, что я поселюсь у нее. Много за ферму не получишь — земли у нас мало, а все постройки обветшали. Но на жизнь мне хватит того, что я за нее выручу. Я рада, что хоть у тебя есть стипендия, Энн. Жаль, конечно, что тебе некуда будет приезжать на каникулы, но что же делать, придется тебе с этим смириться...

И тут Марилла не выдержала и разрыдалась.

— Тебе нельзя продавать Грингейбл, — решительно заявила Энн.

— Господи, Энн, неужели ты думаешь, что мне хочется его продавать?! Но я же не могу жить здесь одна. Я сойду с ума от одиночества и от бесконечных забот. И я обязательно ослепну — в этом нет ни малейшего сомнения.

— Ты не будешь одна, Марилла. Я буду с тобой. Я не поеду в Редмонд.

— Не поедешь в Редмонд? — Марилла отняла руки от своего изможденного лица и поглядела на Энн. — Как это не поедешь?

— Очень просто. Я решила отказаться от стипендии. Я уже давно это решила — в тот день, когда ты приехала после консультации с профессором. Неужели я покину тебя, Марилла, после всего, что ты для меня сделала? Все эти дни я обдумывала свои планы. Давай я тебе о них расскажу. Мистер Барри хочет в следующем году взять нашу ферму в аренду. Так что о полевых работах тебе не надо будет беспокоиться. А я пойду учительствовать. Я подала прошение, чтобы мне разрешили работать в нашей школе, но вряд ли это получится — место уже обещано Джильберту Блайту. Но мне предлагают работу в Кармо-ди — так мне сказал вчера в магазине мистер Блэр. Конечно, это будет не так удобно и близко, как наша школа в Эвонли, но я прекрасно смогу жить дома и ездить в Кармоди в коляске. По крайней мере до наступления зимы. Да и зимой на уик-энды я буду приезжать домой. Для этого мы себе оставим одну лошадь. Я все обдумала, Марилла. Буду читать тебе вслух, ты не будешь тосковать и плакать. Нам с тобой будет очень хорошо вдвоем. Марилла слушала как зачарованная.

— Ох, Энн, конечно, нам было бы хорошо вдвоем. Но я не могу принять от тебя такую жертву. Мне даже страшно об этом подумать.

— Чепуха! — рассмеялась Энн. — Никакой жертвы тут нет. Я не могу представить себе ничего худшего, чем потерять Грингейбл. Просто не мыслю жизни без него. Нет, мы не расстанемся с нашим любимым домом. Я это твердо решила, Марилла, — я не поеду в Редмонд, буду учительствовать здесь. И пожалуйста, не думай, что ты в этом виновата.

— Но ты же так хотела учиться дальше...

— А теперь я хочу другого — стать хорошей учительницей и спасти твоё зрение. Кроме того, я буду заниматься сама по университетскому курсу. У меня тысячи планов, Марилла. Я их обдумывала целую неделю. Когда я окончила Куинс-колледж, моя жизнь простиралась передо мной, как прямая ровная дорога. Мне казалось, что я вижу её на много миль вперед. А теперь дорога сделала поворот. Я не знаю, что лежит за поворотом, но мне хочется верить, что там меня ожидает что-то очень хорошее. Это тоже интересно, Марилла, — не зная, что за поворотом: какие ландшафты, какие холмы и долины.

— Мне кажется, я должна запретить тебе отказаться от стипендии.

— Ты не можешь мне этого запретить. Мне уже почти семнадцать, и я упряма как осел, как однажды выразилась миссис Линд, — со смехом сказала Энн. — Не надо меня жалеть, Марилла! Я не люблю, когда меня жалеют, да для этого и нет никаких оснований. Я радуюсь при одной мысли, что буду опять жить в моем родном Грингейбле. Мы так любим наш дом, Марилла, зачем же нам с ним расставаться?

— Милая моя, родная девочка! — сдаваясь, выговорила Марилла. — Ты дала мне новую жизнь. Наверное, надо было бы упереться и заставить тебя ехать в университет, но я не могу и не буду даже пытаться. Как-нибудь, моя милая, я сумею сделать, чтобы ты об этом не пожалела.

Когда в Эвонли узнали, что Энн Ширли раздумала ехать в университет, а остается дома и будет учительствовать, разговорам не было конца. Большинство соседей, ничего не знавших о том, что Марилле грозит слепота, считали, что Энн поступает очень глупо. Но миссис Аллан так не считала. Не считала так и миссис Линд. Она пришла как-то вечером в Грингейбл. Марилла и Энн сидели на крылечке, наслаждаясь теплыми летними сумерками. Они очень любили сидеть здесь в конце заполненного трудами дня, просто отдыхать, смотреть, как постепенно темнеет небо, как по саду начинают летать ночные бабочки, и вдыхать свежий росистый аромат мяты.

Миссис Рэйчел опустила свое грузное тело на скамейку, стоявшую у двери, позади которой благоухал высокий куст желтых роз, и глубоко вздохнула, выражая тем самым усталость и облегчение.

— Как я рада наконец-то присесть. Я крутилась на ногах целый день, а бедным ногам не так-то легко выдерживать мой вес. Тебе ужасно повезло, Марилла, что ты не растолстела. Надеюсь, ты это понимаешь. Ну что ж, Энн, говорят, ты раздумала учиться в университете. Я очень этому рада. Ты и так получила образование — зачем женщине еще? Я считаю, что девушкам ни к чему учиться во всех этих колледжах и забивать голову латынью, греческим и прочей чушью.

— Но я все равно собираюсь изучать латынь и греческий, миссис Линд, — весело воскликнула Энн. — Я собираюсь пройти курс гуманитарного факультета прямо здесь, в Грингейбле.

Миссис Линд поглядела на нее с ужасом.

— Энн Ширли, да ты себя в могилу загонишь!

— Ничего подобного. Мне это пойдет на пользу. Да нет, я не собираюсь корпеть над учебниками день и ночь. Но у меня будет масса времени в долгие зимние вечера, а я не

люблю ни шить, ни вышивать. Я буду работать в школе в Кармоди, вы слышали?

— Насколько мне известно, ты получишь должность в нашей школе, в Эвонли. Решение уже принято.

— Миссис Линд! — воскликнула Энн, вскакивая со ступенек крыльца. — Они же обещали это место Джильберту Блайту!

— Обещали. Но как только Джильберт узнал, что ты тоже подала прошение, он пошел в совет попечители — у них вчера как раз было заседание в школе — и сказал, что забирает свое прошение назад и хочет передать это место тебе. Он сказал, что будет учительствовать в Белых Песках. Конечно, он отказался в твою пользу, потому что знает, как ты хочешь жить вместе с Мариллой, и, на мой взгляд, это очень добрый и благородный поступок. Даже в какой-то степени самопожертвование, потому что в Белых Песках ему придется платить за квартиру и стол, а все знают, что он хочет заработать денег на университетский курс. Так что попечители предоставили это место тебе. Я прямо подпрыгнула от радости, когда Томас мне это вчера вечером рассказал.

— Я откажусь, — тихо проговорила Энн. — Я не хочу, чтобы Джильберт жертвовал... ради... ради меня.

— Теперь уже поздно. Он подписал договор с попечительским советом школы в Белых Песках. Так что, если ты и откажешься, ему от этого никакой пользы не будет. Брось, Энн, соглашайся. Тебе здесь будет легко — в школе уже больше не осталось никого из Пайнов. Джози была последней, и этому можно только порадоваться. Вот уже двадцать лет как в классе сидел кто-нибудь из этой семейки, и, на мой взгляд, их единственным назначением было отравлять жизнь учителям. Ой, что это там мелькает в чердачном окошке у Барри? — Это Диана сигналист, чтобы я шла к ней. Извините, надо сбегать узнать, чего она хочет. Энн помчалась вниз по склону, как газель, и исчезла в тени ельника. Миссис Линд снисходительно улыбнулась:

— Все-таки в ней еще много детского.

— А еще больше взрослого, больше, чем во многих ее подругах, — ответила Марилла с былой резкостью.

Но теперь резкость уже не являлась отличительной чертой Мариллы. Вечером миссис Линд сказала мужу:

— Знаешь, у Мариллы Кутберт смягчился характер.

На следующий день, к вечеру, Энн пошла на кладбище и положила свежие цветы на могилу Мэтью, а также полила розовый куст. Она долго сидела возле могилы, наслаждаясь кладбищенской тишиной и покоем. Когда она наконец встала и пошла вниз по холму по направлению к Лучезарному озеру, солнце уже село, и вся деревня лежала перед ней, обхваченная вечерним полумраком. Кое-где в окнах светились огоньки, а дальше простиралось затянутое лиловой дымкой море, ни на минуту не прекращающее свой неумолчный гул. Западная часть неба была расцвечена мягкими полутонами розового, зеленого и синего цветов, а пруд отражал эти краски, смягчая их еще больше. Энн завороженно смотрела перед собой.

— Как я рада, что живу в этом прекрасном мире! — тихонько проговорила она.

На полпути к Грингейблу она увидела высокого юношу, который, насвистывая, вышел из ворот соседской фермы. Это был Джильберт. Узнав Энн, он на полуноте оборвал свой свист. Вежливо приподняв шапку, он хотел было пройти мимо, но Энн остановилась и протянула ему руку.

— Джильберт, — сказала она, вся вспыхнув, — я хочу поблагодарить тебя за то, что ты для меня сделал. Я очень ценю твой благородный поступок.

Джильберт с готовностью взял предложенную руку.

— О чем там говорить, Энн, никакого особенного благородства тут не было. Я рад возможности оказать тебе эту небольшую услугу. Ну теперь-то мы сможем быть друзьями? Ты наконец меня простила?

Энн засмеялась и попыталась отнять руку.

— Я простила тебя еще тогда, на пруду, хотя и не сразу это поняла. Какая же я была упрямая и глупая! Признаюсь — все эти годы я жалела, что не помирилась тогда с тобой.

— Ну, а теперь мы будем друзьями! — ликующе воскликнул Джильберт. — Мы созданы для того, чтобы дружить, Энн. Хватит уж ссориться. Ты, кажется, собираешься проходить дома университетский курс, да? Я тоже. Пошли, я провожу тебя до ворот.

Когда Энн вошла в кухню, Марилла бросила на нее испытующий взгляд:

— Кто это тебя провожал, Энн?

— Джильберт Блайт, — ответила Энн, с досадой чувствуя, что краснеет. — Я встретила его у пруда.

— Вот уж не знала, что вы с Джильбертом такие Друзья. Ты добрых полчаса болтала с ним у ворот, — иронично, но по-доброму улыбнулась Марилла.

— До этого дня мы были врагами. Но сегодня решили помириться. Неужели мы простояли там полчаса? Мне показалось, что прошло всего несколько минут. Но, Марилла, нам же надо наверстать все то, что мы упустили за эти годы.

А вечером Энн опять долго сидела у окна, и на сердце у нее было тихо и радостно.

За те месяцы, что прошли со времени ее возвращения из Куинс-колледжа, горизонты Энн значительно сузились. Но если даже ей теперь предстояло идти по более узкой дорожке, она знала, что вдоль нее будут распускаться цветы тихого счастья. Она верила, что рано или поздно дойдет до своего поворота!

— Нет, в Божьем мире все в порядке, — прошептала Энн.